

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2022 – № 1 (выпуск 43)

Научный журнал

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарева** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селютина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
канд. искусствоведения **Т. В. Дайнеко** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН); д-р филол. наук **И. Е. Ким** (ИФЛ СО РАН); канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки); канд. филол. наук **Ю. В. Лиморенко** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН); **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария); д-р филол. наук **Н. Р. Ойроткинова** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР); д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажобаева** (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан); канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ); канд. филол. наук **Е. В. Тюттешева** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, чл.-корр. Академии наук Республики Башкортостан, проф. **Ф. Г. Хисамитдинова** (ИИЯЛ УФИЦ РАН); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – председатель редакционного совета; д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ); д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан); д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБИТ СО РАН); д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИИПМНС СО РАН); д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джапуа** (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия); д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН); д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН); д-р филол. наук **М. Олмез** (Стамбульский университет, Турция); д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия); канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ICTM), Италия); д-р филол. наук **А. Н. Чугунецова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2312-6337

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru
Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2022 – No. 1 (Issue 43)

Scientific Journal

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA. – 2022. – No. 1 (Issue 43)
Founded in 1995, the Journal is issued twice a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
T. V. Dayneko, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences); **I. E. Kim**, Doctor of Philology (Institute of Philology, SB RAS); **N. V. Leonova**, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory); **Yu. V. Limorenko**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **I. A. Nevskaya**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **A. V. Nikolsky** (Frontiers Media, Switzerland); **N. R. Oinotkinova**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **V. N. Solovar**, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development); **S. Zh. Tazhibaeva**, Doctor of Philology, Professor (L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan); **L. N. Tybykova**, Candidate of Philology (Gorno-Altai State University); **E. V. Tyuntesheva**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **F. G. Khisamitdinova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the RAS); **L. A. Shamina**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Head of the Editorial council; **A. E. Anikin**, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS); **M. V. Bavuu-Syuryun**, Doctor of Philology (Tuvan State University); **F. Y. Veysalli**, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan); **L. S. Dampilova**, Doctor of Philology, Docent (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS); **N. I. Danilova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS); **Z. D. Dzhapua**, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia (D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia); **V. L. Klyaus**, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); **M. G. Kondratyev**, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities); **M. Olmez**, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey); **E. K. Skribnik**, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany); **G. B. Sychenko**, Candidate of Art Studies, Docent (International Council for Traditional Music (ICTM), Italy); **A. N. Chugunekova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2312-6337

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <http://www.philology.nsc.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Этномузыковедение

- Кондратьев М. Г. (Чебоксары, ЧГИГН)*
Тувинская песенная ритмика в свете общетеоретических категорий 9–21
- Тирон Е. Л. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)*
Колыбельные тувинцев: по экспедиционным материалам
Новосибирской консерватории и Института филологии СО РАН 22–31

Повествовательный фольклор

- Цыбикова Б.-Х. Б. (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)*
Специфика нового полевого материала в корпусе тома по сказочной прозе бурят 32–38

ЛИНГВИСТИКА

Синтаксис

- Ондар Ч. Г. (Кызыл, ТИГПИ)*
Синтагматический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения в тувинском и хакасском языках 39–58
- Кошкарева Н. Б. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)*
Предикативные формы прилагательных в ненецких предложениях качественной характеристики 59–72

Фонетика

- Уртегешев Н. С. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)*
Ранее не описанный тип гласных: дуфоны 73–81

Переводоведение

- Бадарчы А. Т. (Новосибирск, НГУ)*
Лексико-семантические замены в переводе романа С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» 82–88

ХРОНИКА

Дело жизни: Интервью с Евгенией Николаевной Кузьминой (к ее 75-летию). Подготовила Т. В. Дайнеко	89–99
<i>Москвина В. А. (Омск, ОмГПУ)</i> <i>Соловьёва Е. П. (с. Седельниково, Омская область, независимый исследователь)</i> Памяти Учителя: Татьяне Георгиевне Леоновой посвящается	100–120

CONTENTS

FOLKLORISTICS

Ethnomusicology

- Kondratyev M. G.** (*Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities*)
Tuvan song rhythm within the meaning of general theoretical categories 9–21
- Tiron E. L.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Lullabies of Tuvans: based on the field materials of the Novosibirsk Conservatory and the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences 22–31

Narrative Folklore

- Tsybikova B.-Kh. B.** (*Ulan-Ude, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Specificity of the new field material in the corpus of the volume of non-fairytale prose of the Buryats 32–38

LINGUISTICS

Syntax

- Ondar Ch. G.** (*Kyzyl, Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva*)
Syntagmatic approach to differential object marking in Tuvan and Khakas 39–58
- Koshkareva N. B.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Predicative forms of adjectives in nenets sentences of qualitative characterization 59–72

Phonetics

- Urtegeshev N. S.** (*Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*)
Previously undescribed vowel type: dufons 73–81

Translation studies

- Badarchy A. T.*** (*Novosibirsk, Novosibirsk State University*)
Lexico-semantic substitutions in the translation of “The tale of a fair boy”
by S. A. Saryg-ool 82–88

CHRONICLE

- The work of a lifetime: Interview with Evgenia Nikolaevna Kuz'mina (on
her 75th birthday)]. Prepared by T. V. Dayneko 89–99
- Moskvina V. A.*** (*Omsk, Omsk State Pedagogical University*)
Solovyova E. P. (*Sedelnikovo village, Omsk region, independent researcher*)
In memory of the Teacher: Dedicated to Tatyana Georgievna Leonova 100–120

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИЕ

УДК 781.7
DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-9-21

Тувинская песенная ритмика в свете общетеоретических категорий

М. Г. Кондратьев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары, Россия

Аннотация

В практике исследователей тувинской народной музыки сложился филологический подход к песенной ритмике. В качестве единицы музыкального ритма рассматривается четырехслоговой полустих. Структурная иерархия выстраивается от версострофы, расчленяющейся «сверху вниз» – на полустрофы, стихи и, наконец, «диямбические» полустихи. В статье предлагается подход от мелоса, т.е. от закономерностей временной организации процесса интонирования, с которым вербальные структуры (слово и слог) коррелируют, но им не управляют. Звуковременной процесс складывается из равных промежутков времени – *мор* (*хронос протос*). Иерархическая шкала музыкального ритма выстраивается путем *суммирования* мор в двуслоговые ритмические ячейки, преимущественно ямбического вида. Ячейки могут иметь суммарную протяженность от двух до восьми (редко более) мор. В тувинских песнях господствуют мелостроки, складывающиеся из четырех ячеек, соответствующие восьмислоговому (преимущественно) стиху. Таким образом, тувинская песенная ритмика организована по времяизмерительному принципу и представляет разновидность квантитативной системы. Ещё одним подтверждением квантитативной природы тувинской песенной ритмики является каталог зафиксированных ритмов.

Ключевые слова

тувинская народная песня, ритмика, филологический подход, подход от мелоса, равномерная единица отсчёта, мора, ритмические ячейки, мелостроки, времяизмерительная квантитативная система, каталог ритмов

Для цитирования

Кондратьев М. Г. Тувинская песенная ритмика в свете общетеоретических категорий // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 9–21. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-9-21

© М. Г. Кондратьев, 2022

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 1 (вып. 41)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 1 (iss. 41)

Tuvan song rhythm in terms of of general theoretical categories

M. G. Kondratyev

Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russian Federation

Abstract

The current stage of knowledge on Tuvan folk music allows outlining the transition from the descriptiveness to using the modern music theory categories. This paper proposes an approach to the analysis of musical and poetic rhythm tested on the material of folk songs of the peoples of the Volga region. The sound-time process in the intonation of songs by Tuvan performers consists of equal periods of time, referred to in classical theory as “mora”. This unit serves as the basis for all other forms of organization of the musical rhythm of a Tuvan song. Thus, the hierarchical scale of musical rhythm is built by summation, i.e., it is opposite to the verse scale formed by division. This means that the Tuvan song rhythm is organized according to the time-measuring principle and represents a kind of quantitative system. Rhythmic cells are combined into melodic and poetic lines, into poetic quantitative systems called meters. In Tuvan songs, lines of four cells prevail, corresponding to an eight-syllable verse. The correlation of the musical process with the syllabic structure of the verse in the musical and poetic process of Tuvan songs is found at the level of the primary grouping of a uniform pulse. A syllable can be sung both for each “step” of the pulse, and stretched or sung for two, three, four (etc.) moras. A complete catalogue (index) of both fixed and theoretically possible rhythms is built from the rhythmic schemes of the lines.

Keywords

Tuvan folk song, rhythm, philological approach, melos approach, uniform unit of reference, mora, rhythmic cells, melodic line, time-measuring quantitative system, catalog of rhythms

For citation

Kondratyev M. G. Tuvinskaya pesennaya ritmika v svete obshcheteoreticheskikh kategoriy [Tuvan song rhythm within the meaning of general theoretical categories]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 9–21. (In Russ.). DOI 10.25205/ 2312-6337-2022-1-9-21

Расширение поля исследовательских интересов молодых ученых позволяет считать, что у тувинского этномузыковедения есть перспективы к дальнейшему развитию.
Е. К. Карелина «Страницы истории тувинского этномузыковедения» [2016, с. 15].

После появления книги А. Н. Аксёнова «Тувинская народная музыка» – первого, по характеристике проф. Е. В. Гиппиуса, «серьезного исследовательского труда в области традиционного и современного музыкального фольклора тюркоязычных народов алтайско-сааянской группы» [Гиппиус, 1964, с. 7] – минуло более полувека. Наука о тувинской народной музыке обогатилась важными публикациями и исследованиями. Среди них выделяются этномузыковедческие монографии З. К. Кыргыз «Песенная культура тувинского народа» [1992] и «Тувинское горловое пение» [2002], ею же составленные «Тувинские народные песни и обрядовая поэзия» [2015], исследования Е. Л. Тирон «Песни тувинцев-тоджинцев» [2018], А. Д.-Б. Монгуш «Тувинский песенный фольклор: ладозвукорядный аспект» [2013]. Новейшее исследование песенной традиции тувинцев Эрзинского кожуна А. Х. Кан-оол [2020] подтвердило, что музыкально-поэтическая система, сохраненная данной этнографической группой, принципиально не отличается от песенности других групп тувинцев.

В смежных областях знания появились музыкально-этнографические и филологические сборники и монографии, расширяющие поле зрения музыковедов. Появились основания говорить, что тувинское этномузыковедение уже прошло путь от уровня начального собирания фольклорных и этнографических данных до создания «теории национальной музыки». К. В. Квитка говорил о «начальной стадии собирания [музыкального фольклора] в различных областях; эта стадия продолжается до тех пор, пока не появляются теории национальной музыки, но и после того не обрывается совершенно...» [1973, с. 33]. В частности, он обращал внимание на необходимость уже при записи народной музыки преодолевать стереотипы «всепобеждающей современной (нивелирующей самобытные свойства фольклора, нередко ее называют “школьной”. – М. К.) музыкальной теории и практики» [Квитка, 1973, с. 33]. Следы таких стереотипов можно усмотреть, например, в попытках охарактеризовать

формы тувинских *узун ырлар* через понятия «переменные размеры», «свободная ритмическая структура», «импровизационность». Иначе говоря, такая теория может не подняться выше «родиноведения», т.е. описания одной этнической культуры, если после изучения основ народной песни, по мысли Б. В. Асафьева, не затрагиваются «ее отличия от песен других народностей и хода ее развития» [Асафьев, 1987, с. 9].

Сегодняшняя стадия знания о тувинской народной музыке позволяет наметить дальнейший переход от естественной начальной описательности и формального приложения категорий «школьной» теории музыки к более высоким общетеоретическим категориям. В настоящей статье предлагается подход к анализу музыкально-поэтического ритма тувинцев с позиций современной общей теории музыки. Он апробирован на музыкальном материале таких тюркоязычных культур, как чуваша [Кондратьев, 1990] и волжские татары [Смирнова, 2008].

Филологический угол зрения

В 1964 г. Е. В. Гиппиус заметил, что автору первого музыковедческого исследования тувинской народной песни А. Н. Аксёнову «удалось во многом преодолеть... порочную практику обособленного изучения отдельных «элементов» народной мелодики и народного песенного стиха вне их органической живой взаимосвязи и взаимодействия...» [Гиппиус, 1964, с. 12]. Эта оценка не снимает вопроса о доминировании либо мелодических, либо стиховых/речевых закономерностей как основе временной организации песни. А. Н. Аксёнов задал филологический угол зрения на временную организацию. Это видно, например, из его указания на характерность для тувинской мелодики «строгоямбического музыкального ритма» [Аксёнов, 1964, с. 35]. В качестве единицы музыкального ритма рассматривался четырехслоговый полустих: у тувинцев «стиховая цезура делит музыкально-ритмическую формулу, соответствующую стиху, на две ритмические группы...» [Там же, с. 33]. Именно эти ритмические группы, в понимании исследователя, становятся наименьшими единицами временного процесса. Соответственно, *музыкально-ритмической формулой* тувинской песни А. Н. Аксёнов считал целую строку. Вся структурная иерархия выстраивалась им от версострофы, расчленяющейся «сверху вниз» – на полустрофы, стихи и, наконец, «ямбические» полустихи. Единиц меньшего масштаба А. Н. Аксёнов не рассматривал. Намеченный подход «от стиха» утвердился в трудах современных этномузыковедов. Например, Е. Л. Тирон в качестве «слогоритмического типа» как песен *ыр*, так и припевок *кожамык* рассматривает форму целой строки. В качестве наименьшей структурной единицы она выделяет сегмент, т.е. часть полустроки. Современные представления об иерархических уровнях песенного стихосложения включают в себя обязательные единицы:

- строфа,
- строка / стих,
- полустрока / сегмент,
- слово,
- слог¹ [Тирон, 2018, с. 57].

Музыковедческий угол зрения: подход от мелоса

Вместе с тем, наблюдая независимость реальной мелодической ритмики от стиха, Е. Л. Тирон приходит к выводу об «относительной самостоятельности слогоритмического уровня организации по отношению к организации “чистого” стиха, об эмансипации ритмики» [2018, с. 69]. Тем самым намечается другой подход к пониманию природы ритмики – от звуковременных структур, т. е. от закономерностей временной организации процесса интонирования, которыми вербальные структуры (слово и слог) на современной стадии развития песенного искусства тувинцев непосредственно не управляют.

Имеется в виду, что звуковременный процесс в песенном интонировании народных исполнителей складывается из равных промежутков времени, в классической теории именуемых *мора* (лат. время, промежуток времени, греки называли его *хронос протос*, простое время). Это – «квант» движения. Его размерность ощущается в том числе и физически. Мора не связана ни со слогами (может проявляться и вне голосового интонирования и вообще вне интонирования – наподобие шага или пуль-

¹ Автор опирается на монографию У. А. Донгак «Тувинское стихосложение» (2006).

са²), ни, разумеется, со структурой объединения слогов в слова. Равномерный пульс исполнения тувинской песни достаточно четко «окристаллизован» – в отличие от процесса речитирования во внепесенных жанрах фольклора (благопожеланиях, заклинаниях, причитаниях и т.п.). Структура и ритм последних подчинены структуре вербального текста, имеющего иные временные закономерности. Поэтому в нотациях песен считается достаточным просто указывать число ударов метронома. Лишь в новейших расшифровках скрупулезно хронометрируется долгота каждой строки. Причем разница редко превышает десятые доли секунды, что в живом процессе интонирования практически неощутимо и соответствует известному понятию о зонности ритма. Важно подчеркнуть, что пульсация эта имеет одноплановую³ организацию и не связана с тактовой регулярностью или «квадратностью». Индивидуализированные изменения равномерной пульсации в медленных напевах *ыр* имеют, по-видимому, также агогическую природу и записываются с помощью диакритических стиховедческих знаков \cup (незначительное укорочение), \cap (незначительное удлинение) тона, иногда ферматы. В таких напевах чувство пульсации может как бы отходить от внешней равномерности, при этом структура строк и строф не разрушается.

Таким образом, в песенном интонировании тувинцев стабильной исходной времяизмерительной единицей движения предстает мора. При формализации ритмических рисунков, соответственно, ее следует обозначать цифрой 1. В записях песен мору чаще всего приравнивают к восьмой длительности. В протяжных *ыр* при медленном темпе и распеваниях слогов иногда мора приравнивается четвертной длительности. На этой единице базируются все остальные формы организации тувинского песенного музыкального ритма. Следовательно, иерархическая шкала музыкального ритма выстраивается путем суммирования, т.е. противоположно стиховой шкале, образуемой делением. Это означает, что тувинская песенная ритмика организована по времяизмерительному принципу и представляет разновидность квантитативной системы. Исходно синкретическая, в устной практике некоторых современных народов эта система отчетливо видна во временной структуре напевов, тогда как вербальная составляющая, по-видимому, эволюционировала автономно и утратила архаичную долготную структуру. Такая особенность позволила назвать аналогичную чувашскую ритмическую систему *музыкальной* [Кондратьев, 1990, с. 88]. Поэтому подход от мелоса позволяет определить исторический тип тувинской песенной ритмики.

Этому типу полностью соответствует структура первого уровня организации – ритмических ячеек. Они могут иметь суммарную протяженность от двух до восьми (крайне редко более) единиц отсчета. Соответственно, в ритмических схемах их мы будем обозначать цифрой, отображающей число мор.

Ритмическая ячейка – специфически песенно-музыкальное явление. Его можно назвать аналогом стопы в стиховедении, но, поскольку тувинский песенный стих основан на силлабическом принципе, для которого существенно лишь количество слогов в строке и фиксированное расположение цезур⁴, термин *стопа* неприменим.

² Об этом рассуждает М. А. Аркадьев в книге «Временные структуры новоевропейской музыки»: «Внутренняя временная, ритмическая, процессуально-речевая диалектика музыкальной ткани определяется взаимодействием двух относительно независимых основ: “звучащей”, т.е. в принципе допускающей акустическое воплощение, и “незвучащей”, принципиально не выходящей на акустическую поверхность (“подводная часть айсберга”» [1992, с. 22].

³ Мы используем понятие, введенное В. Н. Холоповой в работе 1971 г. «Одноплановую организацию ритма она определяет как «метр с одной единицей измерения» [Холопова, 1971, с. 59]. В более поздней работе она же вводит новый термин для обозначения одноплановой регулярности – мономерность [Холопова, 1983, с. 44]. Оппозицией этому понятию является многоплановая регулярность, присущая акцентно-тактовой ритмике. В самом простейшем случае она «предполагает не меньше, чем двухплановость единиц» [Холопова, 1971, с. 60]. В одноголосной народной песне многоплановость может проявиться условно – в виде возможности отсчета одновременно разными регулярными единицами (скажем, пульсация восьмыми, четвертными и половинными длительностями). Одноплановая регулярность ритмики встречается во многих народно-песенных культурах но некоторые виды песен могут быть и лишены ее.

⁴ Благодаря конечному ударению в словах тувинского языка соблюдается и условие ударения на последнем слоге стиха. Другие словесные ударения для временного процесса в тувинской песне несущественны.

На следующем уровне ритмические ячейки объединяются в мелостроки, в поэтических квантитативных системах именуемые размерами (не смешивать с тактовым размером!) или метрами: например, гекзаметр – шестистопный дактиль, метр из шести дактилических стоп. В отличие от письменной метрической поэзии, в отдельно взятой строке тувинской народной песни могут сочетаться как одинаковые, так и разные по протяженности ячейки. Это известно и по исследованиям других народно-песенных культур. В античной поэзии аналогичные метры также встречались в локальной традиции – так называемых *логаэдах*.

Ритмические ячейки

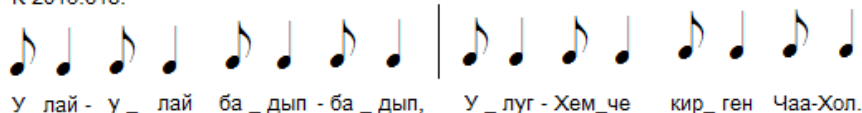
На уровне первичной группировки равномерного пульса обнаруживается корреляция музыкального процесса со слоговой структурой стиха в музыкально-поэтическом процессе тувинских песен. Слог может быть спет как на каждый «шаг» пульса, так и быть протянут или распет на две, три, четыре (и т.д.) моры. См. пример 1.

Пример 1⁵. Варианты долготы пропевания слогов в начальных строках песен.

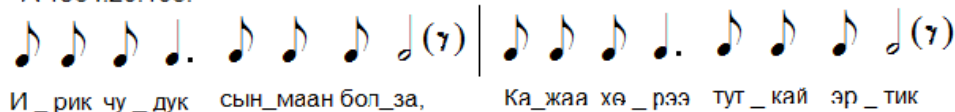
А 1964.58.

К 2015.318.

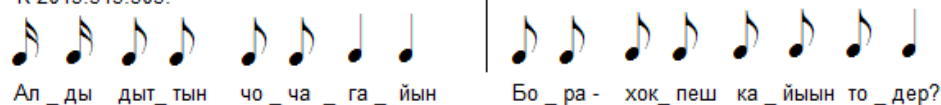
А 1964.20:105.

В отдельных случаях можно встретить исполнение двух слогов на один шаг движения, т. е. дробление моры, это лишает временной процесс регулярности на уровне четвертей, но не разрушает его мономерной основы. См. пример 2.

Пример 2. Дробление моры в начале первой строки песни.

К 2015.315:305.

Долгота звучания слога увеличивается за счет дыхательных пауз в концовках построений, не нарушающих инерции движения. Заметим, что скобки, в которые иногда нотировщик заключает паузы, означают не что иное, как нежелание усложнять запись тактового размера.

Расположение долгих слогов обнажает тенденцию к удлинению *четных* слогов (это так называемая *ямбизация*, отмеченная в свое время А. Н. Аксёновым [1964, с. 35]), что, собственно, и ведет к выводу об их парной группировке в двуслоговые ячейки. Таким образом, ритмическая ячейка состоит из двух элементов – нечетного и четного, по долготе равных

⁵ Здесь и далее в нотных примерах и каталоге краткие обозначения источников включают инициал автора публикации (А – Аксёнов, К – Кыргыз, Т – Тирон), год издания (в каталоге опускается для экономии места). Через точку указывается номер песни, через двоеточие – номер страницы.

друг другу, или состоящих в «ямбических» отношениях. Типичные формы ритмических ячеек показаны в таблице 1.

Таблица 1

Table 1

Долгота ритмической ячейки	Основной вид (мора = восьмая длительность)
1	
2	
3	
4	
5	
6	
7	
8	

Ячейки с обратным – «хореическим» соотношением долгот достаточно редки, они встречаются в сочетании с обычными, почти никогда – самостоятельно. Их иногда можно встретить в опубликованных записях (см., например, А 1964.3:81, 9:89, 11:91, 27:114) (табл. 2).

Таблица 2

Table 2

Долгота ритмической ячейки	Обращенные формы (индекс « ⁰ »).
1 ⁰	
2 ⁰	
3 ⁰	
5 ⁰	
6 ⁰	
7 ⁰	
8 ⁰	

Исследователи указывают на небольшое количество отклонений от строгой силлабики в тувинских песенных стихах. З. К. Кыргыз объясняет: «Количество слогов в каждом полустихе и стихе не всегда бывает постоянным. Оно меняется вследствие раздроблений и стяжений музыкально-ритмических единиц» [Тувинские народные песни..., 2015, с. 161]. Иначе говоря, на одну ритмическую ячейку может приходиться и три, и один слог. Это явление не отменяет четырехъячейковой структуры строки. Такое стихосложение, указывает З. К. Кыргыз, относится к роду *песенного силлабического*. Это понятие при анализе типов стихосложения народной песни использовал проф. Е. В. Гиппиус, у которого в свое время З. К. Кыргыз, по словам Е. К. Карелиной, «прошла настоящую школу научной фольклористики» [Карелина, 2009, с. 484].

В песнях из доступных нам изданий дробления и стяжения представлены следующими формами (табл. 3).

Таблица 3

Table 3

Долгота ритмической ячейки	Трехслоговые формы (дробления, индекс « ^Д »)	Однослоговые формы (стяжения, индекс « ^С »)
2 ^Д , 2 ^С		
3 ^Д , 3 ^С		
4 ^Д , 4 ^С		
5 ^Д , 5 ^С		
6 ^Д , 6 ^С	—	
7 ^Д		—

Вставки

Отметим также характерное явление тувинской песенной ритмики – одно- или двуслоговые вставки (обычно на восклицания или припевные слоги), маркирующие концовки строфы, полустрофы, строки или, реже, полустроки. В этом можно видеть тенденцию к преодолению монотонной равномерности временного процесса (см. пример 3).

Пример 3. Местоположение вставок в начальных строках песен.

К 2015.19:168.

Та-раан та-раа но-гаа чи-мис, Да-зыр шөл-де сын-мас ту-рар, ой, ой.

А 1964.49:148.

Кал_дак, Ха_мар ар_тын сы_нын, ой, Ка_зып ап_за, аш_тап ап_за, ой!

К 2015.18:167.

А-яң-га-ты Бар-лык-та-рын Аьт-тар, хой-лар, ой, шы-ва-бер-ге, ой..

Долгота вставки произвольна, но в большинстве случаев кратна обычным ритмическим ячейкам⁶, т.е. ритмический процесс такие вставки не прерывают, дополнительные слоги не образуют новых построений, а аналогично паузам увеличивают протяженность предшествующего слога. А. Н. Аксёнов мотивирует это ладоинтонационной устойчивостью вставки: «Дополнительный (девятый) слог или два слога... сливается с восьмым (последним) слогом стиха, причем устойчива лада... приходится в этом случае на дополнительный, а не конечный – восьмой слог стиха...» [Аксёнов, 1964, с. 35]. Вследствие этого ритмическую ячейку с примыкающей вставкой можно рассматривать как трехслоговую ячейку с дроблением. В таком случае схема ритмических ячеек трех приведенных выше ритмических рисунков будет выглядеть так:

$$4444 + 2226^D$$

$$2224^D + 2224^D$$

$$2222 + 4.16^D 8^O 16^D.$$

Не столь однозначна ритмическая функция вставок-повторов полустроки и припевов *кожумак*. Как правило, ощущение пульсирующей моры в таких вставках не уходит, т.е. они вписаны в единый звуковременной процесс напева. Некоторые повторы и припевы выходят за пределы обычных строк, представляя собой автономные короткие построения. Таковы повторы полустрок или осмысленные образования-припевы (см. пример 4).

Пример 4. 3-я и 4-я строки песни + вставка + повтор.

А 1964.30:120.

Аьт-па ба_жын кым_чи би_лир, А_ар_шы_пыын кан_чаар ир_ги, о! кан_чаар ир_ги, о!

Схема приведенного отрывка: $223^O 4 + 223^O 6^D + 3^O 7^D$. Некоторые припевы могут иметь масштаб обычной строки (А 1964.63:164).

Таким образом, ритмические ячейки представляют собой первый уровень временной организации тувинских народных песен. В нем соединяются мелос и слово. Следующий уровень – второй – группировка ячеек в строки, из которых складываются строфы (куплеты) песни. Последние представляют собой явление, управляемое уже законами композиционной формы, а не ритма. Т.е. именно строка является воплощением основных закономерностей тувинского музыкально-поэтического ритма.

Из ритмических схем строк выстраивается исчерпывающий каталог (указатель) как зафиксированных, так и теоретически возможных ритмов – что является еще одним существенным признаком квантитативной природы традиционной тувинской песенной ритмики.

⁶ Лишь в очень медленных по темпу напевах кратность долготы вставки может исчезать. Такова, например, формула песни А 1964.13:94.

Таким образом, с позиций современной теории музыки ритмика тувинской народной песни основывается на количественных закономерностях, восходящих к периоду синкретического единства музыки и слова. Согласно общетеоретическим представлениям, их «характеризовали следующие особенности. Ритмика имела наименьшую измеряющую единицу – хронос протос (греч. *χρόνος πρῶτος* – первичное время), или мору (лат. *moza* – промежуток). Более крупные длительности складывались из этой наименьшей... Системообразующим свойством количественности было то, что ритмические различия в ней создавались соотношением долгого и краткого, независимо от ударения. Основным соотношением слогов по долготе было двойное. Сформированные из долгих и кратких слогов музыкально-стиховые стопы были точны по временным соотношениям, как это свойственно танцевальным фигурам, и слабо подвержены агогическим отклонениям» [Холопова, 2002, с. 110–111].

Каталог ритмических рисунков (метров) тувинских народных песен

Каталог составлен на материале публикаций А. Н. Аксёнова ([1964]; в каталоге обозначается: А.№ песни:№ страницы), З. К. Кыргыз ([Тувинские народные песни..., 2015]; в каталоге обозначается: К.№ песни:№ страницы), Е. Л. Тирон ([2018]; в каталоге обозначается: Т.№ песни:№ страницы). Дополнительным материалом послужило приложение II к диссертации А. Х. Кан-оол «Песенная традиция тувинцев Эрзинского кожуна в начале XXI века» (Новосибирск, 2020), содержащее нотные образцы 107 напевов (в каталоге обозначается: Ко+номер примера).

Для создания каталога ритмических рисунков тувинских песен нет необходимости прибегать к сложным операциям моделирования. Вполне достаточно определить ячейковую структуру строки. При этом за единицу ритма принимается восьмая, и все не соответствующие этому нотации приводятся к ней, изменяясь в двукратном отношении. Тактировка, если она не имеет разделительного характера, и размер такта маскируют ячейковую структуру и при анализе игнорируются, ибо такт, будучи изобретением нового времени, в принципе чужд мелодиям старотрадиционных народных песен. При этом певцы, свободно оперирующие музыкальным текстом, могут интонационно варьировать музыкальную акцентуацию; а это влияет на тактировку нотной записи.

В соответствии с внутрислоговыми и внутрислововыми цезурами определяются границы каждой из четырех ячеек из двух элементов. Здесь нередко обнаруживаются обращения, дробления или стяжения. Они также не требуют особого моделирования. При разборе ритмической структуры конкретной песни можно использовать предложенные выше индексы «^О», «^Д» и «^С», что для общего каталога несущественно. Внутрислоговые распевы суммируются по долготе. Дыхательные паузы и вставки в концовках построений включаются в длительность предшествующего элемента данной ячейки. Припевы *кожумак* и вставки-повторы полустрок, представляющие собой автономные короткие построения в каталог не включаются.

2222 – 1–4 строки А.7:86, 25:112, 26:113, 28:116, 31:121, 40:136, 44:143, 47:146, 51:150, 53:152, 54:155, 58:159, 63:164; К.88:113, 371:322; Т.76:200.

– 1-3 строки А.18:103, 21:107; Т.57:192.

– 1, 3, 4 строки Т.55:190.

– 1 и 3 строки А.3:81; К.18:167.

– 4 строка К.316:306.

2223 – 1-3 строки А.24:110, 35:128.

– 1, 3, 4 строки К.321:311.

– 2 строка А.39:135; К.315:305.

– 4 строка А.18:103,

2224 – 1–4 строки А.6:85, 12:93, 16:101, 48:147, 49:148, 50:149, 57:158; К.372:323, 373:324; Т.29:175, 33:178, 35:179, 41:181, 42:182, 44:183, 45:184, 46:186, 47:187, 49:188.

– 1-3 строки А.34:127; К.316:306.

– 1, 3, 4 строки А.37:131, 39:135.

– 1-2 строки А.45:144.

– 2 и 4 строки К.2:173.

– 1 строка А.22:108.

- 2 строка К.321:311; Т.55:190.
- 4 строка А.35:128; К.315:305; Т.57:192.
- 2225 – 1-4 строки А.5:84, 19:104, 43:142.
- 1-3 строки А.15:100.
- 2 строка А.22:108, 37:131; Ко.60, 61, 62.
- 4 строка А.21:107, 24:111, 34:127; Ко.39 (4 строфа), 49, 50.
- 2226 – 1-4 строки А.4:82, 61:162, 64:165.
- 2 и 4 строки К.19:168; Ко.59.
- 3-4 строки А.8:88, 22:108.
- 2227 – 2 строка Ко.88.
- 4 строка Ко.50 (2 строфа), 54, 66 (2 строфа).
- 2228 – 4 строка Ко.43 (3 строфа), 57, 62.
- 2229 – 4 строка Ко.89.
- 222.11 – 1,2,3 строки А.33:125.
- 222.13 – 4 строка А.33:125.
- 2233 – 1 и 3 строки К.2:173.
- 2234 – 1 и 3 строки А.30:120.
- 2236 – 2 и 4 строки А.30:120.
- 2247 – 1-4 строки А.32:123.
- 2253 – 1-4 строки А.27:114.
- 226.12 – 2 и 4 строки А.3:81.
- 2323 – 1-4 строки А.42:141, 62:163; Т.50:189; Ко.80.
- 1 и 3 строки А.9:89.
- 2324 – 1 строка Ко.81.
- 3 строка К.315:305.
- 2325 – 4 строка Ко.82.
- 2328 – 2 и 4 строки А.9:89.
- 2423 – 3 строка Ко.82.
- 2424 – 1-4 строки А.46:145, 60:161; К.20:169 (2 строфа), 317:307; Т.18:167, 23:170, 25:172, 27:174.
- 2425 – 1-3 строки А.20:105.
- 2426 – 1-3 строки К.67:94.
- 2 и 4 строки Ко.24.
- 2427 – 4 строка А.20:105; К.67:94; Ко.81.
- 2428 – 2 строка Ко.29.
- 3 строка Ко.26 (2 строфа).
- 2444 – 4 строка Т.70:197.
- 2445 – 2-4 строки А.17:102.
- 2448 – 1 и 3 строки Т.70:197.
- 2449 – 1 строка Т.70:197.
- 3 строка Т.70:197 (2 строфа).
- 2546 – 2 строка Т.70:197.
- 2548 – 2 строка Т.70:197.
- 2727 – 1-4 строки А.41:138.
- 2827 – 1 и 4 строки А.29:118.
- 2828 – 2 и 3 строки А.29:118.
- 2945 – 4 строка А.2:78.
- 2949 – 2 строка А.2:78.
- 3222 – 1 и 3 строки А.1:77.
- 3233 – 1-4 строки Т.58:193 (2 строфа).
- 1, 3, 4 строки Т.58:193.
- 3332 – 1-4 строки А.38:134.
- 3324 – 3 строка Ко.30.

- 3333 – 1-4 строки А.36:130; К. 76:101, 20:169 (1 строфа), 319:309; Т.11:161, 14:165, 16:166, 17:166, 83:203.
– 1-3 строки К.318:308.
– 4 строка А.23:109, К.320:310.
- 3334 – 2 и 3 строки А.23:109.
– 3 строка К.320:310.
– 4 строка Ко.16, 17.
- 3335 – 2 строка Ко.12, 14.
– 2 и 4 строки Ко.20, 21.
- 3336 – 4 строка К.318:308; 2 и 4 строки Ко.6, 13, 15.
- 3339 – 4 строка Ко.14 (2 строфа).
- 3345 – 1 строка А.23:109.
- 4222 – 1-4 строки А.52:151; Ко.90.
- 4224 – 1-4 строки Ко.92.
– 2-4 строки Ко.91.
- 4233 – 2 строка Т.58:193.
- 4324 – 2 строка К.320:310.
- 4344 – 1 строка К.320:310.
- 4444 – 1 и 3 строки А.8:88; К.19:168.
- 4445 – 1 строка А.17:102.
– 1 и 3 строки Ко.105 (2 строфа).
– 3 строка Ко.105.
- 4446 – 1-4 строки Ко.98, 99, 104, 106.
– 2 строка Ко.102.
– 2 и 3 строки Ко.94.
– 4 строка Ко.101.
- 4447 – 1 и 3 строки Ко.100 (2 строфа), 102.
– 12 строка Ко.103.
– 2 и 3 строки Ко.97.
– 3 строка Ко.95, 101.
- 4448 – 1-4 строки Ко.93.
– 1 и 2 строки Ко.96, 101.
– 1, 2 и 4 строки Ко.95.
– 1 и 4 строки Ко.94, 97.
– 2 и 3 строки Ко.100.
– 3 и 4 строки Ко.103.
– 4 строка Ко.102.
- 4449 – 1 строка Ко.100, 103.
- 444.10 – 2-4 строки Ко.107.
– 4 строка Ко.96, 100.
- 4946 – 2 строка А.13:94.
- 4.16.8.16 – 2 и 4 строки К.18:167.
- 5243 – 1-3 строки А.14:98.
- 5244 – 4 строка А.14:98.
- 5.10.46 – 1 строка А.13:94.
- 69.10.6 – 3 строка К.1:172.
- 6.10.10.6 – 1 строка К.1:172.
- 7758 – 2 строка А.11:91.
- 7778 – 1, 3, 4 строки А.11:91.
- 8444 – 2 и 4 строки А.1:77.
- 8888 – 2 строка К.1:172.
- 886.10 – 4 строка К.1:172.

988.14 – 4 строка А.10:90.
9898 – 1 и 3 строки А.10:90⁷ (вариант).
989.10 – 2 строка А.10:90.

Список литературы

- Аксенов А. Н.* Тувинская народная музыка / Под ред. и с предисл. Е. В. Гиппиуса. М.: Музыка, 1964.
- Аркадьев М. А.* Временные структуры новоевропейской музыки. Опыт феноменологического исследования. М.: Библос, 1992. 2-е изд.
- Асафьев Б. В.* О народной музыке / Сост. И. Земцовский, А. Кунанбаева. Л.: Музыка, 1987.
- Гиппиус Е. В.* Предисловие редактора // Аксенов А. Н. Тувинская народная музыка / Под ред. и с предисл. Е. В. Гиппиуса. М.: Музыка, 1964. С. 3–13.
- Кан-оол А. Х.* Песенная традиция тувинцев Эрзинского кожуна в начале XXI века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2020.
- Карелина Е. К.* История тувинской музыки. От падения династии Цин и до наших дней: исследование. М.: Композитор, 2009.
- Карелина Е. К.* Страницы истории тувинского этномузыкознания // Вестник музыкальной науки. 2016. № 2 (12). С. 10–17.
- Квитка К. В.* Избранные труды: В 2-х т. М.: Советский композитор, 1973. Т. 2.
- Кондратьев М. Г.* О ритме чувашской народной песни: К проблеме количественности в народной музыке. М.: Сов. композитор, 1990.
- Кыргыс З. К.* Песенная культура тувинского народа. Кызыл: Тув. кн. изд-во: 1992.
- Кыргыс З. К.* Тувинское горловое пение: Этномузыковедческое исследование / Отв. ред. И. В. Мациевский. Новосибирск: Наука, 2002.
- Монгуш А. Д.-Б.* Тувинский песенный фольклор: ладозвукорядный аспект. Кызыл, 2013.
- Тирон Е. Л.* Песни тувинцев-тоджинцев: жанры ыр и кожамык в конце XX столетия. Отв. ред. Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Наука, 2018.
- Тувинские народные песни и обрядовая поэзия / Сост. З. К. Кыргыс. Кызыл: Сибирская горница, 2015.
- Смирнова Е. М.* Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья / Казан. гос. консерватория. Казань, 2008.
- Холопова В. Н.* Вопросы ритма в творчестве композиторов первой половины XX века. М.: Музыка, 1971.
- Холопова В. Н.* Русская музыкальная ритмика. М.: Советский композитор, 1983.
- Холопова В. Н.* Теория музыки: Мелодика. Ритмика. Фактура. Тематизм. СПб.: Лань, 2002.

References

- Aksenov A. N. *Tuvinskaya narodnaya muzyka* [Tuvan folk music]. E. V. Gippius (Ed., pref.). Moscow, Muzyka, 1964.
- Arkad'ev M. A. *Vremennye struktury noevropeiskoi muzyki. Opyt fenomenologicheskogo issledovaniya* [Time structures of modern European music. An experience of phenomenological research]. 2nd ed. Moscow, Biblos, 1992.
- Asaf'ev B. V. *O narodnoi muzyke* [On folk music]. I. Zemtsovsky, A. Kunanbaeva (Comps.). Leningrad, Muzyka, 1987.

⁷ С учетом высчитанной ферматы.

Gippius E. V. Predislovie redaktora [Editor's Foreword]. In: Aksenov A. N. *Tuvinskaya narodnaya muzyka* [Tuvan folk music]. E. V. Gippius (Ed., pref.). Moscow, Muzyka, 1964, pp. 3–13.

Kan-ool A. Kh. *Pesennaya traditsiya tuvintsev Erzinskogo kozhuna v nachale 21 veka* [The song tradition of Tuvans of the Erzins kozhun in the early 21st century]. Abstract of Cand. diss. in Art studies. Novosibirsk, 2020.

Karelina E. K. *Istoriya tuvinskoj muzyki. Ot padeniya dinastii Tsin i do nashikh dnei: issledovanie* [The history of Tuvan music. From the fall of Qin Dynasty to our time: a study]. Moscow, Kompozitor, 2009.

Karelina E. K. *Stranitsy istorii tuvinskogo etnomuzykoznanija* [Pages of history of the Tuvan ethnomusicology]. *Journal of Musical Science*. 2016, no. 2 (12), pp. 10–17.

Kholopova V. N. *Russkaya muzykal'naya ritmika* [The Russian music rhythm]. Moscow, Sov. kompozitor, 1983.

Kholopova V. N. *Teoriya muzyki: Melodika. Ritmika. Faktura. Tematizm* [The musical theory: Melody. Rhythm. Texture. Thematic inventions]. St. Petersburg, Lan', 2002.

Kholopova V. N. *Voprosy ritma v tvorchestve kompozitorov pervoi poloviny 20 veka* [Problems of rhythm in the oeuvres of composers of the early 20th century]. Moscow, Muzyka, 1971.

Kondrat'ev M. G. *O ritme chuvashskoi narodnoj pesni: K probleme kvantitativnosti v narodnoj muzyke* [On the rhythm of Chuvash folk songs: To the issue of quantitateness in the folk music]. Moscow, Sov. kompozitor, 1990.

Kvitka K. V. *Izbrannye trudy. V 2 t.* [Selected works. In 2 vols]. Moscow, Sov. kompozitor, 1973, vol. 2.

Kyrgys Z. K. *Pesennaya kul'tura tuvinskogo naroda* [The song culture of Tuvan people]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1992.

Kyrgys Z. K. *Tuvinskoe gorlovoe penie: Etnomuzykovedcheskoe issledovanie* [Tuvan throat singing: Ethnomusicological research]. I. V. Matsievsky (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2002.

Mongush A. D.-B. *Tuvinskii pesennyi fol'klor: ladozvukoryadnyi aspekt* [Tuvan song folklore: the modus and scale aspect]. Kyzyl, 2013.

Smirnova E. M. *Ritmicheskii stroi muzykal'no-poeticheskogo fol'klora tatar-musul'man Volgo-Ural'ya* [The rhythm modus of the musical and poetic folklore of Tatars of Volga-Ural region.]. Kazan State Conservatory. Kazan, 2008.

Tiron E. L. *Pesni tuvintsev-todzhintsev: zhanry yr i kozhamyk v kontse 20 stoletiya* [Songs of Tuvans-todzhins: yr and kozhamyk genres at the end of the 20th century]. G. B. Sychenko (Ed. in Ch.). Novosibirsk, Nauka, 2018.

Tuvinskie narodnye pesni i obryadovaya poeziya [Tuvan folk songs and ritual poetry]. Z. K. Kyrgys (Comp.). Kyzyl, Sibirskaia gornitsa, 2015.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
04.11.2021

Сведения об авторе

Кондратьев Михаил Григорьевич – доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук (Чебоксары, Россия)

E-mail: mikh-kondratev@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0394-3170

Information about the Author

Mikhail Gr. Kondrat'ev – Doctor of Art Studies, Professor, Principal Researcher in the Art History Department, Chuvash State Institute for the Humanities (Cheboksary, Russian Federation)

E-mail: mikh-kondratev@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0394-3170

УДК 398.8(811.512.156)
DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-22-31

**Колыбельные тувинцев: по экспедиционным материалам
Новосибирской консерватории и Института филологии СО РАН**

Е. Л. Тирон

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты этномузыкологического исследования колыбельных песен и колыбельных укачиваний тувинцев, которые были записаны в ходе экспедиций в Туву сотрудниками Новосибирской консерватории, Института филологии СО РАН и их тувинскими коллегами. Анализируя терминологию, применяемую носителями традиции по отношению к данной сфере народного творчества, автор выявил существование четырех видов колыбельных: колыбельные песни, колыбельные укачивания, колыбельное горловое пение и колыбельные, исполняемые с болтанием языком из стороны в сторону. Первые два вида относятся к жанровой характеристике, а последние два определяют тембровую специфику интонирования. В результате исследования автор приходит к выводу о неоднородности жанра колыбельных, который свидетельствует о разновременном характере появления колыбельных укачиваний и колыбельных песен тувинцев.

Ключевые слова

колыбельные песни, колыбельные укачивания, материнский фольклор, тувинцы, этномузыковедение

Для цитирования

Тирон Е. Л. Колыбельные тувинцев: по экспедиционным материалам Новосибирской консерватории и Института филологии СО РАН // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 22–31. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-22-31

**Lullabies of Tuvans: based on the field materials of the Novosibirsk Conservatory and
the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

E. L. Tiron

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The genre of lullabies of Tuvans has been poorly studied. A precious little number of musical transcriptions of melodies of Tuvan lullabies have been published. This paper presents the results of an ethnomusicological study of a lullaby songs and rocking lullabies of the Tuvans using the recordings made during the expeditions to Tuva by ethnomusicologists and philologists of the Novosibirsk Conservatory and the Institute of Philology of the SB RAS. Some expeditions took place in cooperation with Tuvan colleagues. The analysis of the folk terminology used by the bearers of tradition in relation to this field of folk art has revealed four types of lullabies: lullaby

© Е. Л. Тирон, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 1 (iss. 43)

songs, rocking lullabies, throat singing lullabies, and lullabies performed with tongue trembling. The first two types refer to genre characteristics, while the last two specify the timbre specifics of intonation. The study led the author to draw a conclusion about the heterogeneity of the lullaby genre, indicating the multi-temporal nature of the appearance of lullaby songs and rocking lullabies of the Tuvans. Of importance is the observation that lullaby style accumulates many genres of ethnic intonation culture. It is through lullabies that a child is introduced to the intonational world of his ethnic culture. This work also provides comparative observations on terminology, cradle words, and the function of lullabies among the Turkic and Mongolian peoples of Siberia: Altaians, Shors, Khakas, Yakuts, Siberian Tatars, as well as Buryats and Mongols.

Keywords

lullaby songs, rocking lullabies, mother folklore, Tuvans, ethnomusicology

For citation

Tiron E. L. Kolybel'nye tuvintsev: po ekspeditsionnym materialam Novosibirskoy konservatorii i Instituta filologii SO RAN [Lullabies of Tuvans: based on the field materials of the Novosibirsk Conservatory and the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 22–31. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-22-31

История изучения и публикации. Колыбельные песни тувинцев являются одной из малоизученных сфер традиционной тувинской музыки. Среди филологических работ, посвященных данному жанру, отметим статью фольклориста и писателя Ч. Ч. Куулара «О поэзии пестования в тувинском фольклоре» [1973]. Культурологическое освещение тема детского фольклора тувинцев в последние годы получила в научных работах Ч. А. Кара-оол [2015а, 2015б, 2015в]. Интересно, например, ее упоминание исполнения колыбельных для детей внутриутробного периода развития. Основной вклад в разработку данной темы был сделан музыковедами А. Н. Аксёновым [1964] и З. К. Кыргыс [1992, 2005, 2015]. Исследователи различают два жанра колыбельных: это мелодические речитации *уруг опейлээр* и песни *опей ыры*. Мелодические речитации родственны скотоводческим заговорам и шаманским напевам, колыбельные песни – песенным жанрам *ырлар* и *кожамыктар*. Кроме того, З. К. Кыргыс отмечает наличие образцов со смешанными признаками и выделяет разновидность мужских колыбельных, исполняющихся горловым пением *опей хөөмей* [2002]. В трудах музыковедов было опубликовано всего 14 мелодий колыбельных песен и укачиваний, что крайне недостаточно для всесторонней характеристики данной жанровой сферы.

Материал и цель исследования. Вместе с тем проведение комплексного исследования колыбельных песен тувинцев возможно на материалах, собранных новосибирскими этномузыковедами и фольклористами, часто в сотрудничестве с тувинскими коллегами (см. табл. на с. 20). Начало собирательской работы новосибирских ученых в Туве относится еще к 1980-м гг., однако только с 1997 г. в рамках проекта по изучению локальных особенностей тувинской музыкальной культуры, инициированного Г. Б. Сыченко, экспедиционная работа приняла системный характер. В доступных экспедиционных материалах содержится около 150 образцов, относящихся к сфере колыбельных песен.

К настоящему времени на материалах данных экспедиционных записей изучены колыбельные Тоджинского, Эрзинского, Бай-Тайгинского и Овюрского районов, результаты исследований локальных традиций представлены в научных публикациях [Кан-оол, 2018, 2019; Тирон, 2009, 2019, 2022]. Кроме того, важная информация содержится и в статьях, представляющих полевые наблюдения собирателей [Кондратьева, Новикова, 2005; Тирон, Кан-оол, 2010; Сыченко, Тирон, Кан-оол, 2011; Монгуш, Тирон, 2016]. Целью настоящей статьи является обобщение имеющихся результатов исследования тувинских колыбельных.

Народная терминология. На уровне терминологии, применяемой тувинцами по отношению к колыбельным песенного типа, наблюдается повсеместное выделение жанрового определения *опей ыры*. Термин *ыры* ‘песня’ используется у тувинцев также для обозначения лирического песенного жанра *ыры*, шаманских песнопений *хам ыры* и свадебных песен *куда ыры*. Родственные термины, использующиеся по отношению к песням, встречаются у тофаларов (*ыр*), хакасов (*ыр*), якутов (*ырыа*), сибирских татар (*ер*) и казахов (*жыр*).

Экспедиции в Туву
Expeditions to Tuva

Год	Район	Организация ¹	Участники	Место хранения материалов
1984	Сут-Хольский	ИФЛ СО РАН, ТНИИЯЛИ	А. Б. Соктоев (рук.), Д. С. Куулар, Ю. И. Шейкин, С. К. Павлючик, З. К. Кыргыз, М. Л. Дидык, В. Т. Новиков	НГК, ИФЛ СО РАН, ТИГПИ
1987(?)	Тоджинский	НГК	Р. Б. Назаренко (рук.)	неизв.
1997	Тоджинский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), О. В. Дондупова (Новикова)	НГК
1999	Тоджинский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), Н. М. Сковорцова	НГК
2001	Бай-Тайгинский	ИФЛ СО РАН, ТИГИ	Н. А. Алексеев (рук.), Л. Н. Арбачакова, Г. Е. Солдатова, Н. С. Уртегешев, Ж. М. Юша, Б. Баярсайхан, А. С. Донгак, У. А. Донгак, Д. С. Куулар, Р. С. Куулар, З. К. Кыргыз, Э. Б. Мижит, В. С. Салчак, З. Б. Самдан	ИФЛ СО РАН, ТИГПИ
2003	Тоджинский	ИФЛ СО РАН, ТИГИ	Г. Б. Сыченко (рук.), С. М. Орус-оол, Ж. М. Юша, К. А. Сагалаев, Е. Л. Крупич (Тирон), О. К. Шыырап, Ч. С. Чондан	НГК, ИФЛ СО РАН, ТИГПИ
2005	Эрзинский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), Е. Л. Крупич (Тирон), А. Х. Кан-оол	Личные архивы собирателей
2005	Сут-Хольский	НГК	Н. М. Кондратьева (рук.), О. В. Новикова, М. М. Бадыргы, М. А. Петрунина	Личные архивы собирателей
2007	Тере-Хольский, Эрзинский, Тес-Хемский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), А. Х. Кан-оол	Личные архивы собирателей
2008	Монгун-Тайгинский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), А. Х. Кан-оол, А. Д.-Б. Монгуш	Личные архивы собирателей
2009	Овюрский	НГК	Е. Л. Тирон (рук.), А. Х. Кан-оол, М. М. Бадыргы	Личные архивы собирателей
2015	Тере-Хольский	ИФЛ СО РАН	Е. Л. Тирон (рук.), У. О. Монгуш	Личные архивы собирателей
2017	Тоджинский	НГК	Г. Б. Сыченко (рук.), Ф. Лулья, А. Х. Кан-оол, Е. Л. Тирон	Личные архивы собирателей

Слово *өней* является баюкальным. Интересно отметить, что у соседних этносов оно не зафиксировано. Ч. А. Кара-оол упоминает, что у тувинцев оно также употребляется в качестве второго ласкового имени ребенка, встречаются в детских кличках для мальчика «*өней-оол*», для девочки – «*өней-кыс*» [2015в, с. 62].

Не совсем точно переводить термин *өней* как колыбельная, поскольку колыбель по-тувински – *кавай*. Слово *кавай* по какой-то причине в жанровой терминологии не зафиксировано. Хотя, например, у некоторых других тюркских этносов Сибири имеются термины, производные от слов «колыбель, люлька»: алт. *кабай кожон* ‘колыбельная песня’, як. *биһик ырыата* ‘колыбельная песня’, тат. *бишек ер* ‘колыбельная песня’. У хакасов и шорцев для обозначения колыбельных песен так же, как и у ту-

¹ ИФЛ СО РАН – Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук; НГК – Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки; ТНИИЯЛИ – ТИГИ – ТИГПИ в разные годы: Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Тувинский институт гуманитарных исследований, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при правительстве Республики Тыва.

винцев, не используются слова, производные от слова «колыбель», а функционируют производные от баюкальных слов: хак. *пала абытчаң сарын* ‘ребёнка укачивающая песня’, шор. *палымбай сарын* ‘моего ребёнка убаюкивающая песня’ (*нежик* ‘колыбель’). По-видимому, точнее было бы переводить термин *өпей ыры* как ‘баюкальная песня’.

Отметим, что в современном тувинском языке имеются две разные глагольные формы, происходящие от омонимичной основы *өпей*: *өпейле* ‘баюкать, убаюкивать’ и *өпеер* ‘вздыхаться, вырастать’. Вопрос о том, была ли у этих слов в прошлом общая основа, требует специального лингвистического исследования. Мы считаем, что общность этих основ вполне вероятна, поскольку при таком понимании раскрывается продуцирующая семантика баюкальных слов – пожелания вырасти. Магическая сила и заклинательный характер баюкальных слов усиливаются их многократными повторами. Отметим, что на аналогичном повторе определенных для каждого вида домашнего скота заклинательных слов построены и скотоводческие заговоры приучения самки к детенышу.

Для **колыбельных укачиваний** у тувинцев в основном используются термины, производные от глаголов *өпейлээр* ‘баюкать, убаюкивать’, *чайгаар* и *аадар* ‘укачивать’, *удудар* ‘укладывать спать; усыплять’, а также указывается адресат – *уруг* ‘ребенок’, *чаи уруг* ‘грудничок’, *бичи уруг* ‘младенец’. Таким образом, при обозначении колыбельных укачиваний используются слова, обозначающие адресата – ребенка и действие взрослого, совершаемое по отношению к нему.

В экспедициях зафиксированы также термины, которые подчеркивают особую тембровую подачу колыбельной: *өпей хөөмей* ‘колыбельное горловое пение’ и *дылын булгап өпейлээр* ‘болтая языком убаюкивать’.

Итак, анализ народной терминологии выявил существование четырех видов колыбельных: колыбельные песни, колыбельные укачивания, колыбельное горловое пение и колыбельные, исполняемые с болтанием языком из стороны в сторону. Первые два вида относятся к жанровой характеристике, а последние два определяют тембровую специфику интонирования.

Разновидности колыбельных. Укачивания представляют собой наиболее архаичный вид колыбельных, которые импровизируются на многократно повторяемые баюкальные слова. Импровизационный характер исполнения укачиваний проявляется и на вербальном, и на музыкальном уровнях. Так, в колыбельном укачивании, записанном от А. И. Седипа из Бай-Тайгинского района, многократно повторяются слова *өпей* и его вариант *өпеяаң*, а также используется ласковое обращение к ребенку *сарыым* ‘моя любимая’ и просьба о скорейшем засыпании: *удуп көрөм* ‘усни-ка’ (нотированный образец приводится в [Тирон, 2019, с. 159]). Композиция укачивания имеет свободный характер – слоговый состав стихов неодинаков, строфовой организации не наблюдается. Распевы в мелодике отсутствуют, т. е. слог соответствует ноте. Мелодия укачивания развивается в узкообъемном ангеми-tonном звукоряде *e-G-a-h*.

Имеются и более строгие по композиции укачивания, в которых наблюдается дистишная структура строфы. Такая композиция характерна для колыбельного укачивания, записанного от А. М. Чысынаа из Овюрского района (нотировку см.: [Тирон, 2022]). Форма поддерживается начальной аллитерацией и конечной рифмой, которые создаются благодаря повтору баюкальных слов *өпей*, *үвей*, *увай* и их производных *өпейлейн*, *үвейлейн* и *увайлейн*². Равносложность и какая-либо закономерность появления той или иной продолжительности стиха отсутствуют, что обусловлено импровизационной природой жанра. В мелодическом плане повторности песенных строф не наблюдается, также главенствует импровизация. Ладовая организация мелодии основана на звукоряде *e-G-a-h-cis*, целотоновая последовательность четырех ступеней которого является основой мелодического движения и вообще характерна для колыбельных тувинцев.

Колыбельные песенного типа близки народным песням тувинцев: они отличаются более развитым поэтическим текстом, строфичной композицией (двух- или четырехстрочной), тяготением к 8-сложной организации стиха. Традиционные баюкальные слова обязательно присутствуют в колыбельных песнях, но имеются также и разнообразные ласковые обращения к ребенку, подчеркиваю-

² Баюкальные слова тувинцев близки баюкальным словам *öböy* алтайцев, *бай-бай* и *онай-онай* шорцев, *бай-бай*, *бәү-бәү* сибирских татар, *өөбөй*, *бүүбэй*, *бүүвэй* бурят и *бүүвэй* монголов. Удивляют также совпадения с рус. *бай-бай* или англ. *bye-bye*.

щие родственные отношения, например, *кызымайны* ‘моя доченька’. В колыбельных песнях встречаются и негативные обращения: например, *багай уруум* ‘плохонький ребенок’. Кроме того, могут использоваться эпитеты, в которых проявляются материнские чувства, например, *сарым* ‘милая(ый)’, *чассыг* ‘ласковая(ый)’, или описываются особенности внешности ребенка: *сарыг баитыым* ‘светловолосая моя’. Также появляются ласковые сравнения укачиваемого с собачонкой или совенком. Встречаются упоминания матери, старшей сестры, колыбели *кавай* и связанных с младенцем реалий – сухого навоза *өдек* в качестве подстилки, мягкой козлиной шерсти *өшкү дүгүн чымчаглааштын* в качестве покрывала. Иногда в текстах колыбельных песен появляется обеспокоенность за обеспеченность будущей жизни ребенка: *Аът чокка, оой, чүнү мунар, оой!* ‘Коня нет, ой, как же будет ездить, ой!’; *Идик чокка, оой, чүнү кедер, оой!* ‘Обуви нет, ой, что же будет носить, ой!’

В музыкальном плане колыбельные песни, в отличие от укачиваний, имеют устойчивые напевы. Они могут исполняться на напевы, использующиеся только в жанре колыбельных песен, либо на типовые напевы, распространенные в жанре *кожамык*. Повсеместно в Туве распространено исполнение колыбельных песен на напев, закрепившийся за данным жанром. В 1938 г. он был впервые зафиксирован Максимом Мунзуком в Чоон-Хемчикском районе Тувы [Ырлар, 1956, с. 204]. В 1943 г. выдающийся тувинский писатель Степан Сарыг-оол наложил на эту мелодию свой текст, который с течением времени закрепился за народным напевом [Сарыг-оол, 1973, с. 181–182]. В таком виде эта колыбельная публикуется во всех песенных нотных сборниках. В материалах из Овюрского района десять из тринадцати образцов исполнены с авторским текстом Степана Сарыг-оола, что, по-видимому, связано с тем, что писатель является уроженцем этого района [Тирон, 2022]. В авторском поэтическом тексте содержится три строфы, включающие четыре 8-сложных стиха структуры 4 + 4. Начала стихов в строфе маркированы аллитерацией, концы – вставными междометиями. Такие структурные характеристики присущи песенным жанрам *ыр* и *кожамык*.

В народной среде этот напев продолжает исполняться и с народными текстами, что подтверждается записями из эрзинского, тере-хольского и бай-тайгинского районов. Интересный вариант текста на данный напев исполнен А. Т. Манайдары из Овюрского района (нотировку см.: [Тирон, 2022]). Этот образец по тематике близок жанру сиротских песен *өскүстүң ырызы* (см., например: [Кыргыз, 2015, с. 208]). Текст основан на параллелизме: в первом двустишии говорится о страхе перед смертью, когда тело бросают в таежную ложбину. Во второй – о страхе, испытываемом человеком, которого отправляют к чужим людям (по-видимому, речь идет о замужестве).

Другой вариант песенных колыбельных – исполнение на типовой напев, характерный для песенного жанра *кожамык*. Например, образец, записанный от Р. И. Чогээ из Бай-Тайгинского района, основан на типовом напеве с индексом 5.Е.01³. Особенностью использования типового напева в колыбельной является то, что его ритмическая и композиционная основа получает более свободную трактовку (нотировку см.: [Тирон, 2019, с. 164]). В *кожамык* этот напев реализуется в типовой слогоритмике, включающей восемь коротких времен-слогонот. В колыбельной строки в основном 7-сложные и реализуются с помощью двукратного удлинения последнего слога. Структура строфы также оказывается нестабильна: в первой строфе содержится четыре строки (как и в жанре песен), во второй – всего три. Звукоряд колыбельной снова содержит целотоновую последовательность с субтерцией: *e-g-A-h-cis*².

Интересно, что на данный типовой напев в тоджинской традиции была исполнена песенная вставка в анекдоте о находчивой неверной жене, которая с помощью колыбельной песни предупреждает любовника о внезапном возвращении мужа. Этот пример был проанализирован и сравнен с сагайским вариантом в статье Г. Б. Сыченко [2016].

Перейдем к рассмотрению колыбельных, исполняемых с особыми тембровыми маркерами. Интересным является использование тувинцами **приема болтания языком**, до настоящего времени не отраженного в тувиноведении. Этот специфический тембр, по классификации В. В. Мазепуса, является билатеральным лабиолингвальным тремолирующим сонантом [Мазепус, 1998]. Он может использоваться на протяжении всей колыбельной, как в образце записанном от А. К. Калзан из Тере-Хольского района [Монгуш, Тирон, 2016], а может появляться эпизодически. Так, в колыбельной З. С.-М. Серен-Чимит из

³ О системе индексации типовых напевов см.: [Тирон, 2015].

Бай-Тайгинского района прием болтания языком вкрапляется на долгих звуках у в некоторых строках [Тирон, 2019, с. 160]. Подобный тембровый прием зафиксирован в колыбельных песнях алтайцев и чатов [Капицына, 2010; Кондратьева, Мазепус, Сыченко, 1999].

Еще один тембровый вариант исполнения колыбельных – это **горловое колыбельное пение**. Наличие у тувинцев традиции *өней хөөмей* впервые зафиксировано З. К. Кыргыз; *өней хөөмей*, по ее мнению, и «стал источником всех других приемов горлового пения тувинцев: *хөөмей, каргыраа, сыгыт, борбаңнадыр, эзеңгилээр*» [Кыргыз, 2005, с. 28]. Образцы горлового колыбельного пения были зафиксированы в экспедициях новосибирских ученых в Бай-Тайгинском, Эрзинском, Тере-Хольском и Тес-Хемском районах. Поскольку в традиционной культуре тувинцев существует запрет на женское исполнение горлового пения, отнесем данную разновидность к мужской традиции. Рассмотрим образец горлового колыбельного пения, который был исполнен Ч. Л. Ынаалай из Эрзина. Он опубликован на мультимедиадиске «Музыкальный фольклор Эрзинского кожууна»⁴. По основным закономерностям этот образец можно отнести к колыбельным укачиваниям. Горловое пение используется здесь на протяжении всего исполнения, в отличие от описанного З. К. Кыргыз вставного характера горлового пения в песенных колыбельных [Кыргыз, 2002]. Вероятно, в традиции имеются разнообразные формы применения горлового пения в колыбельных, которые еще предстоит классифицировать.

Выводы. Таким образом, жанр колыбельных тувинцев аккумулирует в себе отдельные элементы из разных жанровых составляющих интонационной культуры этноса. Разнообразие колыбельных песен и укачиваний вводит ребенка в мир тувинского фольклора: песенного, обрядового, традиции горлового пения, а также нарративных жанров. К подобному выводу пришла в свое время Н. М. Кондратьева, анализируя алтайские колыбельные: «Колыбельные, поющие ребенка, с одной стороны, оказывают успокаивающее воздействие на его нервную систему, а с другой – вводят его в интонационный мир этнической культуры» [Кондратьева, Сыченко, 1997, с. 237]. Традиция колыбельных алтайцев «моделирует интонационную культуру в целом, преломляя характерные черты других жанров; при этом некоторые грамматические нормы моделируемых традиций в колыбельных подвергаются закономерной трансформации» [Там же, с. 237]. Аналогичные характеристики находим и при анализе тувинских колыбельных. Так, например, обнаруживается свободная трактовка мелодики, ритмики и композиции типовых напевов, которые в песнях жанра *кожамык* используются довольно строго [Тирон, 2015].

Интересно отметить, что противопоставление песенных колыбельных *кабай кожон* и колыбельных укачиваний *баланы јайкар* ‘ребенка укачивать’, *баланы уйуктадар* ‘ребенка усыплять’ выявлено и на материале теленгитских колыбельных [Кондратьева, 1988]. У чалканцев по отношению к колыбельным используются термины *сарын* ‘песня’ и *бай-бай, балам байлап іат* ‘мой ребенок засыпает’ [Кондратьева, 1989].

По мнению Н. М. Кондратьевой, колыбельные **песни** выполняют эстетическую и воспитательную функции, соответствуют основным закономерностям песенно-поэтической традиции *кожон*. Колыбельные **укачивания** выполняют функцию магического успокоения ребенка и по структурным параметрам оказываются близки к скотоводческим заговорам. Кроме того, исследователем выделены колыбельные, исполняемые с тремолирования языка, а также мужские колыбельные, исполняемые *каем* – сакральным горловым типом интонирования, характерным для эпической традиции алтайцев. Схожие наблюдения по отношению к колыбельным тувинских и алтайских этносов говорят о родстве традиций тюркских народов, а также о возможной универсальности устройства колыбельной традиции.

Неоднородный характер жанра колыбельных свидетельствует о разновременном характере появления той или иной разновидности. Так, к наиболее архаичным отнесем колыбельные укачивания, исполняемые в импровизационной манере исключительно на баюкальные слова. К самому древнему пласту, по нашему мнению, относятся бестекстовые колыбельные, исполняемые с тремолированием

⁴ Сыченко Г. Б., Тирон Е. Л., Кан-оол А. Х. Музыкальный фольклор Эрзинского кожууна: научно-популярное мультимедийное издание. (CD-диск). Новосибирск, 2011. (Серия «Музыкальный фольклор тувинских кожуунов»).

языка. В таких архаичных колыбельных главенствовала не только утилитарная функция усыпления ребенка, но и обрядовая функция магического оберега и продуцирующей магии.

Далее, по мере развития языка и его выразительных средств, в текст колыбельных песен начинают проникать смыслонесущие лексемы, постепенно формируется композиционная дистриктивная структура, поэтический прием начальной аллитерации стиха. С появлением и развитием песенных жанров их характерные черты начинают проникать в жанр колыбельных песен. Обрядовая функция постепенно начинает уступать место эстетической. Эта тенденция усиливается с включением авторского творчества (сначала народного, а затем самодеятельного и профессионального). Строй колыбельных песен существенно изменяется: упорядочивается структура, появляется устойчивость напева и его связи с поэтическим текстом, характерная для архаического жанра колыбельных импровизационная природа практически исчезает. В колыбельных такого типа на первый план выходит эстетическая, концертная функция.

Важное наблюдение о жанре колыбельных заключается также в том, что «музыкальная стилистика данного жанра находится на пересечении многих жанров. Здесь используется мелодика и ритмика типовых напевов, тремолирование, характерное для скотоводческих заговоров, горловое пение и др. Жанр колыбельных аккумулирует в себе отдельные элементы из разных жанровых составляющих интонационной культуры этноса» [Тирон, 2019, с. 166]. По мнению Н. М. Кондратьевой и Г. Б. Сыченко, именно через колыбельные песни происходит знакомство ребенка с интонационным миром этнической культуры [Кондратьева, Сыченко, 1997].

Список литературы

- Аксёнов А. Н.* Тувинская народная музыка. М., 1964. 254 с.
- Кан-оол А. Х.* Песенная традиция населения Эрзина: интонационная культура, жанрово-культурологическая типология и вопросы исполнительства // Локальные особенности традиционной культуры жителей Эрзина (исследования и материалы). Кызыл, 2018. С. 159–187.
- Кан-оол А. Х.* Колыбельные песни тувинцев Эрзинского кожууна // Колыбельные песни и сказки как педагогическая миниатюра народов мира: Материалы XV Волковских этнопедагогических чтений. Кызыл, 2019. С. 25–29.
- Катицына Н. С.* Колыбельные обских чатов // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2010. № 3 (67). С. 18–21.
- Кара-оол Ч. А.* Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев: конец XIX – начало XXI в.: Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015а. 136 с.
- Кара-оол Ч. А.* Детский фольклор периода младенчества в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. 2015б. № 1. С. 130–135.
- Кара-оол Ч. А.* Материнская поэзия в детском фольклоре // Новые исследования Тувы. 2015в. № 2. С. 61–68.
- Кондратьева Н. М.* Колыбельные теленгитов // Музыкальная этнография Северной Азии: Межвузовский сб. науч. трудов. Новосибирск, 1988. Вып. 10. С. 183–196.
- Кондратьева Н. М.* Колыбельные телеутов, тубаларов, кумандинцев, чалканцев // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 20–48.
- Кондратьева Н. М., Мазепус В. В., Сыченко Г. Б.* К теории интонационной культуры: Интонационная культура теленгитов // Вопросы музыковедения. Новосибирск, 1999. С. 212–225.
- Кондратьева Н. М., Новикова О. В.* О результатах музыкально-этнографической экспедиции в Сут-Хольский район Республики Тыва // Народная культура Сибири: Материалы XIV науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2005. С. 43–45.
- Кондратьева Н. М., Сыченко Г. Б.* Алтайцы: алтай-кижи, теленгиты, телёсы, телеуты, тубалары, чалканцы, кумандинцы // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. / Гл. ред. Б. А. Шиндин. Новосибирск, 1997. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. С. 209–283.

- Куулар Ч. Ч. О поэзии пестования в тувинском фольклоре // Ученые записки ТНИИЯЛИ / Отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл, 1973. Вып. 16. С. 106–115.
- Кыргыз З. К. Песенная культура тувинского народа. Кызыл, 1992. 142 с.
- Кыргыз З. К. Тувинские колыбельные песни // Музыка и время. 2005. № 9. С. 28–30.
- Кыргыз З. К. Тувинские народные песни и обрядовая поэзия. Кызыл, 2015. 432 с.
- Кыргыз З. К. Тувинское горловое пение: Этномузыковедческое исследование. Новосибирск, 2002. 236 с.
- Мазепус В. В. Артикуляционная классификация и принципы нотации тембров музыкального фольклора // Фольклор. Комплексная текстология. М., 1998. С. 24–51.
- Монгуш У. О., Тирон Е. Л. Результаты экспедиции 2015 года в село Кунгуртуг Тере-Хольского района Республики Тыва // Народная культура Сибири: Материалы XXVI науч.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2016. С. 82–90.
- Сыченко Г. Б. Анекдот о находчивой неверной жене: анализ сагайского и тоджинского вариантов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (вып. 31). С. 107–116.
- Сыченко Г. Б., Тирон Е. Л., Кан-оол А. Х. Результаты полевых и научных исследований Новосибирской консерватории в Республике Тыва (1997–2009 гг.) // От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сб. докладов. М., 2011. Т. 3. С. 281–299.
- Тирон Е. Л. Колыбельные песни тувинцев-тоджинцев // Народная культура Сибири: Материалы XVIII науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2009. С. 140–145.
- Тирон Е. Л. Типовые напевы *кожамык* тувинцев-тоджинцев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 31. С. 20–26.
- Тирон Е. Л. Колыбельные песни тувинцев Бай-Тайги // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 34. С. 157–170.
- Тирон Е. Л. Колыбельные овюрских тувинцев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022 (в печати).
- Тирон Е. Л., Кан-оол А. Х. О результатах фольклорно-этнографической экспедиции в Овюрский кожуун Республики Тыва // Народная культура Сибири: Материалы XIX науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2010. С. 75–80.
- Сарыг-оол С. Чогаалдар чыындызы / Собрание сочинений: В 2 т. Кызыл, 1973. Т. 1. 271 ар. (На тув. яз.).
- Ырлар (Песни) / Сост. М. М. Мунзук, Ю. Ш. Кюнзегеш. Кызыл, 1956. 208 с. (На тув. яз.).

References

- Aksenov A. N. *Tuvinskaya narodnaya muzyka* [Tuvan folk music]. Moscow, 1964, 254 p. (In Russ.).
- Kan-ool A. Kh. Kolybel'nye pesni tuvintsev Erzinskogo kozhuuna [Lullabies of Tuvans of the Erzinsky kozhuun]. In: *Kolybel'nye pesni i skazki kak pedagogicheskaya miniatyura narodov mira: Materialy 15 Volkovskikh etnopedagogicheskikh chteniy* [Lullabies and fairy tales as a pedagogical miniature of the peoples of the world: Materials of the 15th Volkov ethnopedagogical readings]. Kyzyl, 2019, pp. 25–29. (In Russ.).
- Kan-ool A. Kh. Pesennaya traditsiya naseleniya Erzina: intonatsionnaya kul'tura, zhanrovo-kul'turologicheskaya tipologiya i voprosy ispolnitel'stva [The song tradition of the population of Erzina: intonation culture, genre-cultural typology and issues of performance]. In: *Lokal'nye osobennosti traditsionnoy kul'tury zhiteley Erzina (issledovaniya i materialy)* [Local features of the traditional culture of the residents of Erzina (research and materials)]. Kyzyl, 2018, pp. 159–187. (In Russ.).
- Kapitsyna N. S. Kolybel'nye obskikh chatov [Lullabies of Ob Chats]. *Zhivaya starina. Zhurnal o russkom fol'klore i traditsionnoy kul'ture*. 2010, no. 3 (67), pp. 18–21. (In Russ.).
- Kara-ool Ch. A. *Detskiy fol'klor kak mekhanizm sotsializatsii rebenka v traditsionnoy kul'ture tuvintsev: konets 19 – nachalo 21 v* [Children's folklore as a mechanism of child socialization in the traditional culture of Tuvans: the end of the 19th – beginning of the 21st century]. Cand. of Hist. sci. diss. Ulan-Ude, 2015a, 136 p. (In Russ.).

Kara-ool Ch. A. Detskiy fol'klor perioda mladenchestva v traditsionnoy kul'ture tuvintsev [Children's folklore of the infancy period in the traditional culture of Tuvans]. *The New Research of Tuva*. 2015, no. 1, pp. 130–135. (In Russ.).

Kara-ool Ch. A. Materinskaya poeziya v detskom fol'klore [Maternal poetry in children's folklore]. *The New Research of Tuva*. 2015, no. 2, pp. 61–68. (In Russ.).

Kondrat'eva N. M. Kolybel'nye telengitov [Lullabies of Telengits]. In: *Muzykal'naya etnografiya Severnoy Azii: Mezhvuzovskiy sb. nauch. Trudov* [Musical ethnography of Northern Asia: Interuniversity coll. of sci. papers]. Novosibirsk, 1988, iss. 10, pp. 183–196. (In Russ.).

Kondrat'eva N. M. Kolybel'nye teleutov, tubalarov, kumandintsev, chalkantsev [Lullabies of Teleuts, Tubalars, Kumandins, Chalkans]. In: *Fol'klornoe nasledie Gornogo Altaya* [Folklore heritage of the Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, 1989, pp. 20–48. (In Russ.).

Kondrat'eva N. M., Mazepus V. V., Sychenko G. B. K teorii intonatsionnoy kul'tury: Intonatsionnaya kul'tura telengitov [To the theory of intonation culture: Intonation culture of Telengits]. In: *Voprosy muzykoznaniiya* [Questions of musicology]. Novosibirsk, 1999, pp. 212–225. (In Russ.).

Kondrat'eva N. M., Novikova O. V. O rezul'tatakh muzykal'no-etnograficheskoy ekspeditsii v Sutkhol'skiy rayon Respubliki Tyva [On the results of a musical and ethnographic expedition to the Sutkholsky district of the Republic of Tyva]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 14 nauchnogo seminara Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Materials of the 14th scientific seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore]. Omsk, 2005, pp. 43–45. (In Russ.).

Kondrat'eva N. M., Sychenko G. B. Altaytsy: altay-kizhi, telengity, telesy, teleuty, tubalary, chalkantsy, kumandintsy [Altaians: Altai-kizhi, Telengits, Teles, Teleuts, Tubalars, Chalkans, Kumandins]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: V 3 t.* [Musical culture of Siberia: In 3 vols]. Novosibirsk, 1997, T. 1: Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri. Kn. 1: Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri [Vol. 1: Traditional musical culture of the peoples of Siberia. Bk. 1: Traditional culture of the indigenous peoples of Siberia]. pp. 209–283. (In Russ.).

Kuular Ch. Ch. O poezii pestovaniya v tuvinskom fol'klore [On the poetry of nurturing in Tuvan folklore]. In: *Uchenye zapiski TNIIYaLI* [Scientific notes of TNIIYaLI]. Yu. L. Aranchyn (Ed. in Ch.). Kyzyl, 1973, iss. 16, pp. 106–115. (In Russ.).

Kyrgys Z. K. *Pesennaya kul'tura tuvinskogo naroda* [Song culture of the Tuvan people]. Kyzyl, 1992, 142 p. (In Russ.).

Kyrgys Z. K. Tuvinskie kolybel'nye pesni [Tuvan lullabies]. *Music and Time*. 2005, no. 9, pp. 28–30. (In Russ.).

Kyrgys Z. K. *Tuvinskie narodnye pesni i obryadovaya poeziya* [Tuvan folk songs and ritual poetry]. Kyzyl, 2015, 432 p. (In Russ.).

Kyrgys Z. K. *Tuvinskoe gorlovoe penie: Etnomuzykovedcheskoe issledovanie* [Tuvan throat singing: Ethnomusicological research]. Novosibirsk, 2002, 236 p. (In Russ.).

Mazepus V. V. Artikulyatsionnaya klassifikatsiya i printsipy notatsii tembroy muzykal'nogo fol'klora [Articulation classification and principles of notation of timbres of musical folklore]. In: *Fol'klor. Kompleksnaya tekstologiya* [Folklore. Complex textology]. Moscow, 1998, pp. 24–51. (In Russ.).

Mongush U. O., Tiron E. L. Rezul'taty ekspeditsii 2015 goda v selo Kungurtug Tere-Khol'skogo rayona Respubliki Tyva [Results of the 2015 expedition to the village of Kungurtug in the Tere-Kholsky district of the Republic of Tyva]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 26 nauch.-prakt. seminara Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: materials of the 26th sci. and pract. seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore]. Omsk, 2016, pp. 82–90. (In Russ.).

Saryg-ool S. Chogaaldar chyndyzy [Chogaaldar chyndyzy]. In: *Sobranie sochineniy: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols]. Kyzyl, 1973, vol. 1, 271 p. (In Tuvan).

Sychenko G. B. Anekdot o nakhodchivoy nevernoy zhene: analiz sagayskogo i todzhinskogo variantov [Anecdote about a resourceful unfaithful wife: an analysis of the Sagai and Tozhu variants]. *Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 107–116. (In Russ.).

Sychenko G. B., Tiron E. L., Kan-ool A. Kh. Rezul'taty polevykh i nauchnykh issledovaniy Novosibirskoy konservatorii v Respublike Tyva (1997–2009 gg.) [Results of field and scientific research of the Novosibirsk Conservatory in the Republic of Tyva (1997–2009)]. In: *Ot kongressa k kongressu: Materialy Vtorogo Vserossiyskogo kongressa fol'kloristov. Sb. докладов* [From Congress to Congress: Materials of the Second All-Russian Congress of Folklorists. Coll. of reports]. Moscow, 2011, vol. 3, pp. 281–299. (In Russ.).

Tiron E. L., Kan-ool A. Kh. O rezul'tatakh fol'klorno-etnograficheskoy ekspeditsii v Ovyurskiy kozhuun Respubliki Tyva [On the results of the folklore and ethnographic expedition to the Ovyur kozhuun of the Republic of Tyva]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 19 nauchn. seminarov Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Materials of the 19th sci. seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore]. Omsk, 2010, pp. 75–80. (In Russ.). Tiron E. L. Kolybel'nye ovyurskikh tuvintsev [Lullabies of the Ovyur Tuvans]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2022 (in print). (In Russ.).

Tiron E. L. Kolybel'nye pesni tuvintsev Bay-Taygi [Lullabies of Tuvans of Bai-Taiga]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2019, no. 34, pp. 157–170. (In Russ.).

Tiron E. L. Kolybel'nye pesni tuvintsev-todzhintsev [Lullabies of Tozhu Tuvans]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy 18 nauch. seminarov Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: Materials of the 18th sci. seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore]. Omsk, 2009, pp. 140–145. (In Russ.).

Tiron E. L. Tipovye napevy kozhamyk tuvintsev-todzhintsev [Typical melodies of kozhamyk Tuvians-todzhintsev]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2015, no. 31, pp. 20–26. (In Russ.).

Yrlar (Pesni) [Yrlar]. M. M. Munzuk, Yu. Sh. Kyunzegesh (Eds.). Kyzyl, 1956, 208 p. (In Tuvan).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.02.2022*

Сведения об авторе

Тирон Екатерина Леонидовна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: krupich_katja@mail.ru

ORCID 0000-0001-9012-0476

Information about the Author

Ekaterina L. Tiron – Candidate of Art Studies, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: krupich_katja@mail.ru

ORCID 0000-0001-9012-0476

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.1; 398.2; 398.33; 398.41; 398.54
DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-32-38

Специфика нового полевого материала в корпусе тома по сказочной прозе бурят

Б.-Х. Б. Цыбикова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Статья посвящена характеристике нового полевого материала, собранного в последние несколько лет у бурят, проживающих в Китае, который планируется включить в готовящийся к изданию том в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Специфика новых экспедиционных записей по традиционному фольклору бурятского этнического локуса в КНР, отобранных для включения в том «Сказочная проза бурят», заключается в мифологичности сюжетов, в которых ярко выражено мифопоэтическое восприятие окружающей действительности носителей традиции. В них запечатлелись фрагменты этнической картины мира, позволяющие судить о религиозно-мифологических верованиях древних людей, специфичности их мировосприятия и мифологического сознания. Самобытностью отличаются сюжеты из традиционной мифологии монгольских народов о появлении первых людей, созвездий, установлении определенного мироустройства, некоторых предписаний и норм. Согласно древним воззрениям, творцом миропорядка выступает хан Хурмаста / хозяин Хурмаста. Подобным мифологическим контекстом отличаются также сюжеты о почитании небесных, земных покровителей, огня, духов локусов, основанные на древних архетипических символах.

Ключевые слова

сказочная проза бурят, сюжеты с мифологической основой, буряты Китая

Для цитирования

Цыбикова Б.-Х. Б. Специфика нового полевого материала в корпусе тома по сказочной прозе бурят // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 32–38. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-32-38

© Б.-Х. Б. Цыбикова, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 1 (iss. 43)

Specificity of the new field material in the corpus of the volume of non-fairy tale prose of Buryats

В.-Х. Б. Тsybikova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

At present, the manuscript of the volume “The non-fairy tale prose of the Buryats,” compiled for the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East,” presents the etiological, mythological, legendary, historical narratives that are the most characteristic of the Buryat ethnic tradition. Despite covering the most characteristic thematic plots and motives of the non-fairy tale prose of Buryats, the text lacks mythological works and stories with a mythological basis. This lacuna can be somewhat filled by expeditionary records made in Inner Mongolia region of China from the ethno-territorial group of Buryats living in the Shenehen area. Thus, it is proposed to include the mythological stories about how the first people appeared, why the constellation of Ursa Major is called the Seven Elders, why Buryats began to read the lamb scapula. Noteworthy are the records featuring a supreme deity of heavenly origin as the main character, the initiator of ordering the sequence of changing years and creating a twelve-year calendar cycle, each year corresponding to one of the animals. Also, it is worth including the “explanatory” stories, recorded among the Buryats of Inner Mongolia, based on the people’s ancient knowledge of the ethnological peculiarities of Buryat life. Thus, the forthcoming volume will include authentic textual sources based on ancient mythological views of people about the existing universe and world order, shamans and lamas having magic powers, foresight, and other non-standard superpowers, also based on explaining the specificity of ethnic elements of Buryat culture and everyday life.

Keywords

non-fairy tale prose of the Buryats, plots with a mythological basis, Buryats of China

For citation

Tsybikova В.-Х. Б. Spetsifika novogo polevogo materiala v korpuse toma po nesказochnoy proze buryat [Specificity of the new field material in the corpus of the volume of non-fairy tale prose of the Buryats]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 32–38. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-32-38

В бурятский блок серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» наряду с другими фольклорными жанрами включен том несказочной прозы. В порядке первичной подготовки этого тома была представлена рукопись с образцами мифов, легенд и преданий бурят, но подобранный материал для формирования названного тома стал неактуален в силу ряда причин. Во-первых, тексты, собранные одним из исполнителей (Н. О. Шаракшиновой), составлявшие внушительный объем рукописи, забрала ее семья в целях самостоятельного отдельного издания. Во-вторых, необходимость включения в рукопись материалов, подготовленных вторым исполнителем (В. Ш. Гунгаровым), отпала по причине того, что значительная их часть была опубликована на бурятском языке; при их повторном издании, уже в Серии, был бы нарушен один из ее основополагающих принципов – принцип инедитов. Первичность и новизна публикуемого материала является основой научно-издательской практики сибирской фольклорной Серии. Основное требование серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» заключается в тщательном отборе высокохудожественных образцов и особая их подача [Кузьмина, 2017, с. 6], поэтому для составителей томов на начальном этапе работы определяющими являются поиск и подбор текстов в результате изучения всего имеющегося фольклорного фонда [Там же, с. 7].

Вновь сформированному авторскому коллективу тома несказочной прозы бурят (Б.-Х. Б. Цыбиковой и Н. Н. Николаевой) пришлось начать с изыскательской работы для формирования корпуса тома. Работая с экспедиционными записями в архивном фонде Института – Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, – мы стремились для представления в Серии отобрать наиболее «популярные, часто встречающиеся сюжеты», показывающие «степень устойчивости и изменения традиции» [Лиморенко, 2016, с. 11].

На данном этапе корпус готовящейся рукописи «Несказочная проза бурят» представлен наиболее характерными для несказочной прозы народов Сибири нарративами: этиологическими, мифологическими, легендарными, историческими, которые в целом соответствуют классификации, предложенной Е. Н. Кузьминой [2008, с. 70–71]. Отобранные образцы относятся к произведениям устного творчества, записанным в разные годы в среде разных этнических бурятских групп Республики Бурятия, Иркутской области, Забайкальского края, Монголии.

Наиболее архаичными являются мифологические и этиологические сюжеты и мотивы, с помощью которых древние люди пытались в художественной форме интерпретировать свои познания об окружающем мире и передать их последующим поколениям. Кроме того, устные повествования с мифологической основой относятся к области традиционных верований и обрядовой сфере, где регламентируется поведение человека на охоте, в домашнем быту, по отношению к сакральным объектам и т. д.

Отдельную группу текстов составили предания о генеалогии бурятских родов, которые подразделяются на предания мифологического и исторического характера.

Следующий обширный блок представлен историческими нарративами о поездке бурят к Петру I в 1702 г.; о проведении российско-китайской границы в период с 1725 по 1727 г.; о посещении Забайкалья цесаревичем Николаем в 1891 г.; о создании Хоринской степной думы в 1824/1825 г.; существуют единичные тексты очевидцев исторических событий – об участии бурят в тыловых работах в период первой мировой войны, о событиях после октябрьского переворота 1917 г.

В томе определенное место займут устные исторические рассказы локального характера об известных личностях, местных чиновниках, религиозных деятелях: о Батане Туракине, предводителе делегации бурят к Петру I (1702 г.); Савве Рагузинском, участвовавшем в проведении российско-китайской границы в должности посла России в Цинской империи (1725–1727 гг.); главе Хоринской степной думы Дамбе-Дугаре Иринцееве, находившемся в этой должности с 1768 по 1804 г.; первом бурятском ученом Доржо Банзарове (1822–1855 гг.); главе Баргузинской степной думы Цэдэб-Жабе Сахарове, правившем в конце 80-х гг. XIX в.; тайшах кударинских бурят (XIX в.).

К ним примыкают тексты о героях из народной массы (о Бабжа Барас баторе; Шэлдэй Занги; Барга баторе; Бальжан хатан; Хайбай баторе; Сухэр-ноёне (Шухэр-ноёне); Шоно баторе); о людях с врожденными способностями, отличающих их (о силачах; о мудрецах-предсказателях; о борцах за справедливость; о служителях культа).

Несмотря на то, что предназначенный для включения в том текстовый материал отражает наиболее характерные тематические сюжеты и мотивы несказочной прозы бурят, недостаточно было, на наш взгляд, произведений мифологического содержания, повествований с мифологической основой. Эта недостаточность в определенной степени восполнится новым фольклорным материалом, записанным в последние несколько лет у локальной группы бурят, проживающих в местности Шэнэхэн Хулун-Буирского аймака Эвенкийского хошуна Автономного района Внутренней Монголии, где в основном расселилась бурятская диаспора в Китае, образовавшаяся в результате миграционного движения бурят из России в начале XX в.

Наиболее ценными из полевых записей представляются тексты, насыщенные мифологическими элементами, содержащие архаические представления носителей традиции, которые на своем уровне интерпретируют окружающий мир и выражают его в примитивных художественных образах. В этом плане примечательны мифологические рассказы о том, как появились первые люди («Давняя, стародавняя легенда о человеке и людях» – «Хүн түрэлхитнэй тухай балар эртнэй домог»¹; почему созвездие Большой Медведицы называется Семь Старцев («Легенда о семи бурханах» – «Долоон бурханай домог»²); о значении бараньей лопатки («О том, как баранья лопатка стала [предметом] для гадания» – «Хониной дала мэргэн болһон тухай»³).

В рукописи предстанут также несколько текстов, в которых главным персонажем является высшее божество, имеющее небесное происхождение: *Хурмаста тэнгэри* – ‘Небо Хурмаста’, *Хурмастын эзэн* – ‘Хозяин Хурмаста’. Ему приписывается создание небесных светил и установление смены вре-

¹ Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, инв. № 2914.

² Там же.

³ Там же.

мени суток; у него есть полномочия распоряжаться, кто и чем будет питаться; даровать зверям и животным ценный мех, шкуру, клыки и наделять их полезными для человека особенностями, как, например, обладание рогами, желчью, кровью с целительными свойствами («Хурмаста распорядился, кто чем будет питаться» – «Хурмаста хэн юу эдхэб гээжэ зарлаба»⁴). Хурмаста выступил инициатором упорядочения смены годов, указал людям, как различать смену времени суток и повелел, чтобы их по утрам будил петух («Легенда о том, как петух попал в двенадцать годов» – «Тахья арбан хоёр жэлдэ ороһон домог»⁵). При этом, согласно мифологическим нарративам шэнэхэнцев, он решил, чтобы каждый год соответствовал одному из двенадцати животных («Повелитель Хурмаста установил двенадцать годов» – «Хурмастын эзэн арбан хоёр жэл тогтооһон байгаа»⁶).

Если у российских бурят группа мифологических рассказов об установлении двенадцатигодичного цикла ограничивается широко распространенным сюжетом о том, почемумышь возглавляет начало этого цикла, то у бурят Внутренней Монголии наряду с рассказом об установлении Хурмастой календаря животных («О том, какмышь стала возглавлять начало двенадцатигодичного цикла» – «Арбан хоёр жэлэй ахалагша хулгана жэлэй ерэлтэ тухай»⁷) записаны тексты о том, каким образом собака и курица попали в этот цикл («Легенда о том, как собака попала в двенадцать годов» – «Нохой арбан хоёр жэлдэ ороһон домог»; «Легенда о том, как петух попал в двенадцать годов» – «Тахья арбан хоёр жэлдэ ороһон домог»⁸); о том, почему Хурмаста посчитал, что верблюд и кошка не могут быть в списке двенадцати подходящих животных («Легенда о том, почему верблюд не смог попасть в двенадцать годов» – «Тэмээн арбан хоёр жэлдэ оржо шадаагүй тухай домог»; «Легенда о том, почему кошка не смогла попасть в двенадцать годов» – «Хээсхэй арбан хоёр жэлдэ оржо шадаагүй тухай»⁹). Таким образом, можно сказать, что устные мифологические рассказы о появлении двенадцатигодичного календарного цикла, существовавшие не только у монголоязычных народов, но и у других азиатских и тюркских народов России, у китайских бурят сохранились и бытуют в более развернутом виде.

Характерной особенностью древних мифологических повествований является отраженное в них представление о единстве природы и человека, свойственное мировоззрению древних людей. Его отголоски сохранились до наших дней в фольклоре зарубежных бурят, в том числе в обряде поклонения огню. Без огня и воды немислима жизнедеятельность людей, у многих народов поклонение огню относится к числу древнейших культов. Бурятами огонь воспринимается как покровитель одновременно и конкретного человека, и семьи в целом. Из экспедиционных записей в планируемый том будет включен текст о почитании бурятами хозяина огня под названием «О духе-покровителе огня» – «Галай заяашын тухай»¹⁰, в котором говорится о ритуале подношений. Проводя обряд угощения огня, как было зафиксировано в вышеуказанном тексте, обращаются к духу огня со следующими словами: *Галай эзэн бурхантан, абарыта, манай гэрэйхид ехэ эльбэрэлтэй зон юм дээ. Тэдэ үглөөнэй сангай, хи морьнойхи, үдшын сангай, үглигын гээжэ боро хараанда хүншүүгөөр эдеэлдэг хи бээтэн садаг гээд лэ, үдэшэ, үглөө сан-бун табижал байдаг. Набдаг-сабдаг намайе үдэр бүри садхадаг даа, баярлулдаг юм байха. Манайл хони, малда бү халдаг даа – ‘Бурхан, являющийся хозяином огня, благодетельствуйте [нас], мы, члены нашей семьи, с большим почтением относимся к вам. Они и вечером, и утром разводят огонь с дымом, чтобы насытились те невидимые существа, которые питаются дымным чадом при утреннем разжигании огня, для воздушного коня, при вечернем разжигании для щедрых подношений. Хозяева-хранители местности доставляют каждый день мне достаточно еды, доставляют мне радость. Пусть [недобрые духи] не покушаются на наших овец и скот’.*

Шэнэхэнские буряты сравнивают огонь со священным и в то же время гневным божеством. Задабривая хозяина очага и прося благополучия, они до сих пор поддерживают древнюю традицию угощения огня первинками чая с молоком, белой пищей, лучшим куском мяса, жира.

⁴ Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, инв. № 2914.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Не менее примечательны, на наш взгляд, записанные во Внутренней Монголии устные рассказы об особенностях быта бурят, в которых также имеется мифологическая основа и отражаются древние знания людей. Таковы тексты о том, почему буряты стали почитать степную богородскую траву – *ая ганга* («Как появилась богородская трава» – «*Ганга хайшан гээд бы болооб*»¹¹); о сакральности цифры девять («О цифре девять» – «*Юнэ гэдэг тоогой тухай*»¹²); о значении войлока в жизнедеятельности кочевника («История о войлоке» – «*Гээы тухай*»¹³); о появлении ритуала, связанного с бараньей лопаткой («История о бараньей лопатке» – «*Хониной дала тухай*», «Как стали гадать по бараньей лопатке» – «*Хониной дала мэргэн болһон тухай*»¹⁴). Включение в том подобных «объясняющих» рассказов, в которых очевидно сильна мифопоэтическая направленность, расширит тематическое разнообразие представляемого материала, усилит его познавательную ценность.

В планируемом томе блок преданий о генеалогии бурятских родов пополнится еще одним оригинальным текстом с названием «Легенда о том, как у одной шаманки появился сын от сивого быка» – «*Хүхэ бухын хубуутэй болһон нэгэ удганай домог*»¹⁵. Фабула шэнэхэнского повествования соответствует широко бытующему в Прибайкалье генеалогическому преданию о происхождении эхиритов и булагатов: «Провела обряд почитания [высших божеств] и *даллага*¹⁶ и попросила, говорят, она сына. После этого подошел к ее кровати серо-сивый бык с рыком, рычанием, мычанием; стал [он] передними своими копытами рыть твердую почву до тех пор, пока [не появилась] вмятина, лбом и носом раскромсал землю так, что [она стала] мягкой, и разлегся, говорят, он там. Шаманка, у которой изо рта пошла белая пена, как только увидела это, подбежала [к нему] как будто на крыльях. Когда [она] приблизилась к нему, то в [том] месте, где бык сделал углубление, лежал ребенок в железной колыбели» («Легенда о том, как у одной шаманки появился сын от сивого быка»).

Несмотря на совпадающую общую мифологическую составляющую о появлении мальчиков (один – с участием быка, а другой вышел из волн Байкала), ключевое звено сюжета о прародителях названных выше этнических групп бурят в записанном в Шэнэхэне тексте трансформируется в иную плоскость – о том, как бездетная женщина, обретя статус матери, избежала смерти. Несмотря на близость к преданиям о генеалогии двух западно-бурятских родов, этот текст интересен тем, как трансформируется известный сюжет, отражая характер модификации традиционной сюжетной матрицы в соответствии с особенностями локальной этнической истории китайских бурят. Популярный у российских бурят сюжет о тотеме бурятских родов в устах исполнителей другой этнической принадлежности утратил ключевое звено – историю происхождения прародителей эхиритов и булагатов и получил совершенно иную окраску в завязке развития событий. Думается, что включение подобных вариативных произведений послужит дополнительным материалом для комментариев и сравнительного анализа.

Группа текстов о шаманах и шаманках, обладающих даром телепортации, сверхъестественными способностями пополнится еще одной новой экспедиционной записью о чудесных способностях шаманки Галзу Халзан («О шаманке Галзу Халзан» – «*Галзуу Халзан удаган тухай*»¹⁷). Кроме того, тематически близок к данной группе текст, записанный в Шэнэхэне, под названием «О том, как лама и шаман состязались в своих умениях» – «*Лама, бөө эрдимээ үзэлсэдэг байһан тухай*»¹⁸, относящийся к широко бытующим у бурят сюжетам о противостоянии шаманов и лам. Традиционно существовавшие трения между приверженцами двух религиозных культов (шаманистов и ламаистов) послужили темой конфликта в несказочной прозе не только бурят, но и других монголоязычных народов.

В ряду записей, расшифрованных и выбранных для включения в том, оригинальным представляется текст с мотивом о существовании в раннее время каннибалов, относящийся к устным повествованиям демонологического характера, куда причисляются сюжеты о духах (*боохолдог, заянах*), зоантропо-

¹¹ Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, инв. № 2914.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Даллага* – обряд призывания счастья и благополучия

¹⁷ Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, инв. № 2914.

¹⁸ Там же.

морфных духах низшей шаманской демонологии (*ада*), оборотнях (*ороолон*), людоедах (*харшан*). Согласно шэнэхэнскому произведению («О том, как стали есть человеческое мясо» – «*Хүнэй мяха эдьдэг болоһон тухай*»¹⁹), одной из версий, объясняющих, почему некоторые древние люди ели мясо человека, является употребление ими в пищу печени верблюда, а она, как поясняет исполнитель, очень похожа на печень человека. Если человек однажды попробовал печень верблюда, то у него появляется потребность постоянно употреблять человеческое мясо. Такова народная интерпретация этого явления. Кроме того, схожий текст под названием «Людоеды» есть у тувинцев, в котором говорится, что «Есть и другие рассказы о том, что когда-то ели человежье мясо: нет, мол, ничего вкуснее человеческой печени. Кто хоть раз попробовал ее, тот всегда будет есть людей» [Мифы и легенды народов мира, 2004, с. 34]. Надо заметить, что сюжет о людоедстве содержится в бурятских сказках [Бурятские народные сказки, 1976, с. 61–67], также зафиксирован в отдельных районах Бурятии²⁰, в Хэнтэйском аймаке Монголии²¹. Следует заметить, что бытование сюжетов об оборотнях (*ороолон*, *шолмос*), о людоедах (*мяхашан* / *харшан*) чаще наблюдается в репертуаре хори-бурят, в том числе шэнэхэнцев, в то время как подобные тексты не зафиксированы в локальной традиции западных бурят, исповедующих в целом шаманизм.

Итак, специфика новых экспедиционных записей по традиционному фольклору бурят Китая, отобранных для включения в том «Несказочная проза бурят», заключается в мифологичности сюжетов, в которых ярко выражено мифопоэтическое восприятие окружающей действительности носителей традиции. В них запечатлелись фрагменты этнической картины мира, позволяющие судить о религиозно-мифологических верованиях древних людей, специфичности их мировосприятия и мифологического сознания. Самобытностью отличаются сюжеты из традиционной мифологии монгольских народов о появлении первых людей, созвездий, установлении определенного мироустройства, предписаний и норм. Согласно древним религиозно-мифологическим воззрениям, творцом миропорядка выступает хан Хурмаста / хозяин Хурмаста. Подобным мифологическим контекстом отличаются также сюжеты о почитании небесных, земных покровителей, огня, духов локусов, основанные на древних архетипических символах.

Сохранность древних традиций устного творчества характерна для анклавной традиции, оказавшейся в иноэтническом окружении. Объясняется это тем, что бурятские мигранты изолированы от титульной нации и ведут традиционный образ жизни, что позволило им сохранить «многие архаичные черты и мифологические представления, в настоящий момент уже утраченные в материнской культуре» [Юша, 2016, с. 130].

Таким образом, в состав корпуса готовящегося тома «Несказочная проза бурят» будут включены «достоверные текстовые источники, иллюстрирующие фольклорное богатство» [Кузьмина, 2017, с. 11] бурят, представляющие наиболее распространенные сюжеты и мотивы произведений, входящих в фонд несказочной прозы. Они основаны на древних мифологических воззрениях людей о существовавшем мироздании и миропорядке, шаманах и ламах, обладающих даром телепортации, предвидения, сверхъестественными способностями; кроме того, построены на пояснении своеобразия этнических элементов культуры и быта бурят.

Список литературы

Бурятские народные сказки / Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 445 с.

Кузьмина Е. Н. Несказочная проза народов Сибири: опыт подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Материалы Всерос. науч. конф. (4–7 ноября 2008 г., Новосибирск). Новосибирск, 2008. С. 57–71.

¹⁹ Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, инв. № 2914.

²⁰ Там же, инв. № 1754/д.

²¹ Там же, инв. № 2295/1.

Кузьмина Е. Н. Основные научные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 5–12.

Лиморенко Ю. В. Издание несказочной прозы в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: методика и принципы // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (вып. 31). С. 11–15.

Мифы и легенды народов мира. М.: Литература; Мир книги, 2004. Т. 9: Народы России. 480 с.

Юша Ж. М. Современное бытование несказочной прозы у тувинцев Китая // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (вып. 31). С. 126–131.

References

Buryatskie narodnye skazki [Buryat folk tales]. E. V. Barannikova, S. S. Bardakhanova, V. Sh. Gungarov (Comps). Ulan-Ude, 1976, 445 p. (In Russ.).

Kuz'mina E. N. Neskazochnaya proza narodov Sibiri: opyt podgotovki tomov serii "Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka" [Non-folktale prose of the peoples of Siberia: the experience of preparation Volumes the series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far East"]. In: *Aktual'nye problemy sibirskoy fol'kloristiki: Materialy Vseros. nauch. konf. (4–7 noyabrya 2008 g., Novosibirsk)* [Actual problems of Siberian folkloristics: Materials of All-Russian scientific conference (November 4-7, 2008, Novosibirsk)]. Novosibirsk, 2008, pp. 57–71. (In Russ.).

Kuz'mina E. N. Osnovnye nauchnye printsipy publikatsii fol'klornykh proizvedeniy (na materiale tomov serii "Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka") [The main scientific principles of publication of folk texts (based on the series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far East")]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 1, pp. 5–12. (In Russ.).

Limorenko Yu. V. Izdanie neskazochnoy prozy v serii "Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka": metodika i printsipy [Publication of non-fairy tale prose in the series "Monuments of Folklore of Peoples of Siberia and the Far East": methods and approaches]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 11–15. (In Russ.).

Mify i legendy narodov mira [Myths and legends of the peoples of the world]. Moscow, Literatura; Mir knigi, 2004. Vol. 9. Narody Rossii [The peoples of Russia]. 480 p. (In Russ.).

Yusha Zh. M. Sovremennoe bytovanie neskazochnoy prozy u tuvintsev Kitaya [Modern existence of non-fairy tale prose among Tuvans of China]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2016, no. 2 (iss. 31), pp. 126–131. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
22.11.2021*

Сведения об авторе

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: bch58@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3672-1566

Information about the Author

Badma-Khanda B. Tsybikova – Candidate of Philology, Docent, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: bch58@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3672-1566

ЛИНГВИСТИКА

СИНТАКСИС

УДК 811.512.156

DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-39-58

Синтагматический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения в тувинском и хакасском языках

Ч. Г. Ондар

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия*

Аннотация

В тувинском и хакасском языках морфосинтаксическое оформление прямого дополнения аффиксами винительного или основного падежей обусловлено синтагматическими и коммуникативными факторами. При стандартном порядке расположения членов предложения необходимость эксплицитного маркирования прямого дополнения отпадает в силу очевидности отношений между компонентами глагольной синтагмы, оно стоит в номинативе в рематической части высказывания. Если между прямым дополнением и сказуемым возникает линейная и коммуникативная дистанция, прямое дополнение принимает аккузативную форму, типичную для тематической части высказывания. При высокой степени сходства порядка слов в тувинском и хакасском языках, наблюдаются различия в количестве возможных вариантов расположения компонентов линейной структуры. В тувинском языке выявлено три основных типа порядка слов, тогда как в хакасском языке порядок слов более свободный и представлен шестью возможными разновидностями расположения членов предложения, при этом соблюдается общетюркский принцип вынесения в позицию после сказуемого только топикализованных компонентов высказывания.

Ключевые слова

тувинский язык, хакасский язык, прямое дополнение, дифференцированное маркирование объекта, синтагматика, парадигматика, порядок слов, коммуникативный статус, актуальное членение предложения

Для цитирования

Ондар Ч. Г. Синтагматический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения в тувинском и хакасском языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 39–58. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-39-58

© Ч. Г. Ондар, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 1 (iss. 43)

Syntagmatic approach to differential object marking in Tuvan and Khakas

Ch. G. Ondar

*Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia*

Abstract

This paper presents a comparative study of differential object marking in the Tuvan and Khakass languages in terms of the syntagmatic approach for determining syntagmatic factors suitable for highlighting morpho-syntactic direct object marking. With the standard arrangement of the components of the sentence structure in the Tuvan and Khakass languages, there is no need for explicit marking of the syntagmatic relations between the direct object and the predicate due to their syntactic, semantic, and communicative unity resulting from the evident syntactic relations between the components of the verbal syntagma. The direct object, located immediately before the predicate, can be part of the topic, thus receiving accusative marking. The thematization of the direct complement “distances” it from the group of the predicate that is usually rhematized. Therefore, the loss of communicative unity causes the need to mark the syntagmatic relations of the object and predicate. With the predicate preceded by the rhematized member of the sentence, the direct object receives accusative marking. Given a high degree of similarity of the word order in the Tuvan and Khakass languages, there are differences in the number of possible arrangements of the linear structure components: in the Khakass language, the word order is more free, with the general Turkic principle of placing only topicalized components of a sentence in the post-proposal position being observed. However, there are cases falling outside of this theory, involving the paradigmatic relationship of the direct object with other members of the sentence, suggesting the need for a paradigmatic-syntagmatic approach to considering the differentiated marking of the direct object.

Keywords

Tuvan, Khakas, direct object, differential object marking, syntagmatics, paradigmatics, word order, communicative status, actual sentence division

For citation

Ondar Ch. G. Syntagmatische podkhod k differentsirovannomu markirovaniyu pryamogo dopolneniya v tuvinskom i khakasskom yazykakh [Syntagmatic approach to differential object marking in the Tuvan and Khakas languages] // *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 1 (iss. 43). pp. 39–58. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-39-58

Введение

Дифференцированное маркирование прямого дополнения определяется сложным набором семантических, прагматических и синтаксических факторов. К наиболее значимым семантическим факторам относятся одушевленность, вовлеченность в предикативный признак референта именной группы; к прагматическим факторам – референциальный, коммуникативный и дискурсивный статус именной группы; к синтаксическим – структурный тип именной группы, порядок слов в предложении [Johanson, 1977; Nillson, 1978, 1985; Убрятова, 1995; Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008; Лютикова, 2014; Оскольская 2018; и др.].

На материале тувинского языка проблема вариативного маркирования прямого дополнения кратко описана авторами «Грамматики тувинского языка» [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 131–133], более подробно – в статьях В. А. Муравьевой [Muravyova, 1992], Н. Ч. Серээдар [Серээдар, 2009] и автора данной работы [Ондар, 2013, 2021]. На материале хакасского языка данный вопрос затрагивался в академической грамматике [Грамматика хакасского языка, 1975], а также в работе М. И. Боргоякова «Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке» [Боргояков, 1976]. По-прежнему актуальным остается комплексное исследование причин данного явления в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Теоретическое объяснение дифференцированного маркирования прямого дополнения можно свести к двум концептуально разным подходам – парадигматического либо синтагматического характе-

ра. Парадигматический процесс характеризуется необходимостью выбора одного из элементов определенного множества, объединенного по принципу формальной или семантической общности их членов. Парадигматическими называют отношения между единицами, которые проявляются в их взаимоисключении и взаимозамене. Под синтагматическим процессом понимается комбинирование элементов одного уровня в речи. Синтагматические отношения характеризуют строение синтагмы как линейной и одновременной языковой последовательности [Соссюр, 1977; Ельмслев, 1960].

С позиций парадигматического подхода дифференцированное маркирование прямого дополнения служит для устранения «омонимии» подлежащего и прямого дополнения. Как отмечает Б. Комри, в естественных языках подлежащее обычно бывает определённым, одушевлённым и топикализированным, в то время как прямое дополнение – неопределённым, неодушевлённым и рематичным [Comrie, 1989, с. 19]. Соответственно, эксплицитное падежное оформление получают такие прямые дополнения, которые в большей степени напоминают подлежащее, чтобы избежать неоднозначности [Aissen, 2003; de Swart, 2003; Primus, 2007; Hoop, Malchukov, 2008].

К синтагматическому подходу относится объяснение дифференцированного маркирования объекта через теорию согласования [Chomsky, 2001]: выбор падежной формы зависит от отношений согласования, в которые вступают именные группы и вершина. Такой подход применительно к якутскому языку реализован в работе [Baker, Vinokurova, 2010], где он совмещается с позиционным подходом в рамках конфигурационной теории [Marantz, 1991]: если в пределах некоторой локальной фразы (глагольной или подлежащей) есть ещё одна именная группа, не имеющая эксплицитного падежного маркера, то одна из них должна получить маркирование. Прямое дополнение в локальной области подлежащего оформляется показателем аккузатива как маркера зависимости от сказуемого; в составе глагольной группы прямое дополнение остается неоформленным, так как нет оснований для приписывания ему падежа как маркера зависимой части глагольной вершины. Таким образом, в рамках синтагматического подхода дифференцированное маркирование прямого дополнения рассматривается с точки зрения необходимости маркировки отношений между прямым дополнением и сказуемым.

Многофакторный анализ падежного маркирования прямого дополнения предложен в работе [Сердобольская, Толдова, 2012]. Если условия выбора не охватываются парадигматическим и синтагматическим подходами по отдельности, то они применяются независимо друг от друга, а далее устанавливается их взаимодействие в каждом конкретном случае. Однако использование более широкого набора факторов не формирует единой объяснительной модели.

Семантический подход, при котором способ маркирования актантов объясняется особенностями лексической семантики конкретных глагольных предикатов, обсуждается в сборнике научных статей, посвященных валентностным классам двухместных предикатов в разноструктурных языках, в частности, зависимость дифференцированного маркирования прямого дополнения от индекса переходности предиката на материале тувинского языка охарактеризована в статье С. А. Оскольской [Оскольская, 2018].

В рамках нашего исследования сопоставляются стратегии дифференцированного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках, устанавливаются факторы, релевантные для выбора морфосинтаксического маркирования прямого дополнения в зависимости от отношений между компонентами синтагмы, входящей в высказывания различной синтаксической и коммуникативной структуры.

Материалы и методы

Материалом для проведения исследования послужили предложения, соответствующие парадигматическим вариантам модели элементарных простых предложений с переходными глагольными предикатами на тувинском и хакасском языках, например: тув. *Сарыг-оол малды кадарып чор* 'Сарыг-оол пасет скот', хак. *Ол ам тракторны манат чӧргӱс полар* 'Он теперь трактор хорошо водить будет' [Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008, с. 122].

Материал собран методом сплошной выборки предложений с прямыми дополнениями в аккузативе и номинативе. Отобрано 3200 тувинских предложений, в которых насчитывается 4780 примеров употребления прямых дополнений, и 1760 предложений на хакасском языке, в которых имеется 2025

примеров употребления прямых дополнений. Проводились также консультации с пятью носителями литературного хакасского языка (1 мужчина, 4 женщины в возрасте от 34 до 45 лет, с высшим образованием, проживающие в г. Абакан и в Аскизском районе Республики Хакасия).

Отобранные для анализа предложения не сортировались по параметрам залоговой, видовой, структурной, стилистической или коммуникативной нейтральности, учитывался прежде всего структурный признак – наличие в составе предложений сказуемого, выраженного переходным глаголом, и двух актантов – подлежащего и прямого дополнения. Примеры употребления прямого дополнения в составе причастных и деепричастных оборотов не учитывались, так как в причастных оборотах подлежащее обычно является определяемым словом и находится в постпозиции, а в деепричастных оборотах оно формально принадлежит главной финитной части конструкции.

Коммуникативное членение предложения определялось методом постановки вопросов с опорой на контекст.

Результаты и обсуждение

Синтагматические отношения устанавливаются, прежде всего, порядком слов, изменение которого обусловлено коммуникативной структурой высказывания.

Для тюркских языков прототипическим является порядок слов типа SOV, где S – агентивный участник ситуации (подлежащее), O – пациентивный участник ситуации (прямое дополнение), V – предикат (сказуемое). В тюркских языках порядок слов относительно нестрогий, тем не менее за каждым членом предложения закреплены базовые позиции. Стандартной позицией подлежащего является начальная, конечную позицию занимает сказуемое, позиция прямого дополнения – перед сказуемым. В составе атрибутивного словосочетания определение всегда находится в препозиции по отношению к определяемому, подлежащее стоит перед сказуемым, определяющие слова – перед определяемыми, дополняющие слова и обстоятельства – перед дополняемыми. Таким образом, стандартный порядок членов тюркского предложения: подлежащее – обстоятельство – дополнение – сказуемое [Баскаков, 1966, с. 33].

Порядок слов выполняет конструктивно-синтаксическую, коммуникативную или стилистическую функции. «Для порядка слов в тюркских языках характерны все перечисленные функции, и в этом смысле общая теория порядка слов в полной мере приложима и к тюркским языкам» [Тугушева, 1966, с. 120].

Основная функция порядка слов в предложении – конструктивно-синтаксическая: «он является показателем иерархии конструктивных связей и отношений, составляющих предложение словесных форм» [Энциклопедический словарь-справочник..., 2008, с. 244]; эта функция предполагает также «фиксацию нормативных тенденций, касающихся расположения отдельных функциональных элементов предложения относительно друг друга» [Там же, с. 245], т. е. устанавливает порядок синтагматических связей и отношений между компонентами структуры предложения.

Конструктивно-синтаксическая функция порядка слов в тюркских языках ограничена несколькими задачами: «1) во всех случаях использования приема примыкания как одного из способов выражения синтаксических отношений; в этом случае порядок слов получает морфологическое значение; 2) в словосочетаниях, при перемене мест членов которых получается иная синтаксическая структура: *güzel at* ‘красивая лошадь’, *at güzel* ‘лошадь – красива’» [Кононов, 1956, с. 433]. Н. К. Дмитриев выделяет третий случай, когда с помощью порядка слов устанавливаются синтаксические функции подлежащего и дополнения. В примере: «*тегуче кием тегэ* ‘портной платье шьет’ только определенный порядок слов (подлежащее – дополнение – сказуемое) позволяет нам определить падежную функцию слова *кием* ‘платье’, которое формально ничем не отличается от слова *тегуче* ‘портной’: единственным дифференцирующим фактором служит здесь порядок слов» [Дмитриев, 1961, с. 19].

Порядок слов в предложении устанавливает последовательность разных по коммуникативной значимости частей высказывания и тем самым служит для точной передачи смысла высказывания. Изменение порядка слов влечет за собой и изменение смысла передаваемой информации, следовательно, при изменении порядка слов изменяется и актуальное членение [Амиров, 1970, с. 35]. В тюркских языках сказуемое занимает конечную позицию и заключает в себе новую информацию о теме выска-

звания, «поэтому сказуемое на своем обычном месте всегда обладает коммуникативной активностью» [Амиров, 1970, с. 38]. Для других членов предложения актуализирующей является непосредственно предсказуемая позиция [Баскаков, 1961, с. 64; Амиров, 1970, с. 35].

Предложение может состоять полностью или частично из новой информации. Соответственно, фокус определяется как широкий и узкий. Вслед за Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой [Сердобольская, Толдова, 2012], мы называем «широкий» фокус «ремой», а собственно фокусом – наиболее значимую часть ремы. Тема – это то, о чем сообщает новая информация. В теме может находиться не один топикальный референт, поэтому в данной работе под «топиком» понимается наиболее значимая информация, которая находится ближе к началу высказывания.

Стилистическая функция порядка слов реализуется в художественно-публицистической речи и имитирует нежесткий словопорядок устно-разговорной речи [Энциклопедический словарь-справочник..., 2008, с. 245], такой порядок слов служит для выявления экспрессивной и эмоциональной значимости отдельных фрагментов предложения.

Материалы на тувинском языке показали три возможных варианта расположения основных компонентов модели с переходными глагольными предикатами. В хакасском языке выявлено большее количество вариантов расположения компонентов: возможны 6 комбинаций (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Порядок расположения основных компонентов линейной структуры модели с переходными глаголами
The order of the main components of the linear structure of sentence with transitive verbs

Язык	Порядок расположения основных компонентов					
	SOV	OSV	SVO	VOS	OVS	VSO
Тувинский	95,3 % 2922 ед.	4,4 % 134 ед.	0,3 % 11 ед.	–	–	–
Хакасский	91 % 1583 ед.	5,8 % 100 ед.	2,2 % 39 ед.	0,6 % 11 ед.	~0,2 % 3 ед.	~0,2 % 4 ед.

1. Порядок компонентов SOV

В обоих рассматриваемых языках порядок слов в целом соответствует модели SOV (табл. 1.).

В синтаксически нейтральных предложениях синтагматические отношения между компонентами определяются, прежде всего, порядком слов. Между стандартным порядком слов и базовой коммуникативной структурой предложения есть определенные соответствия. Начальную позицию занимает подлежащее, которое является «первым претендентом на роль смысловой темы» [Падучева, 2010, с. 116], что актуально, вероятно, для языков со стандартным порядком слов SVO и SOV. Сказуемое занимает конечную позицию и заключает в себе новую информацию о теме высказывания, т. е. обычно рематизировано. Прямое дополнение как компонент сказуемой группы занимает предсказуемую примыкающую позицию и часто входит в рему высказывания вместе со сказуемым. Е. В. Падучева называет это «нормальной ремой», т. е. ремой предложения с нейтральной коммуникативной структурой: «Рема, являющаяся группой подлежащего или дополнения, как правило, сдвинутая; рема, являющаяся группой сказуемого, как правило, нормальная» [Падучева, 2010, с. 117]. «Нейтральная коммуникативная структура – это такая, которая находится в наиболее естественном соответствии с синтаксической структурой и лексическим составом предложения» [Там же, с. 108]. Таким образом, в тюркских языках порядок компонентов [S]_{Тема} [OV]_{Рема} является коммуникативно нейтральным, или прототипическим.

При этом именная группа в позиции прямого дополнения может иметь относительную семантическую свободу или определенную степень синтаксического сращения с глаголом-хозяином [Муравье-

ва, 2008, с. 406]. В подобных случаях прямое дополнение и сказуемое чаще представляют собой в разной степени «стяженную синтаксическую конструкцию» [Тугушева, 1966, с. 122–123]. Основным способом синтаксической связи в такой глагольной синтагме является примыкание. Ядро новой информации, сообщаемой о субъекте, включает в себе предикат, а не объект. Основная роль прямого дополнения состоит в характеристике действия. «В этом случае действие как бы не переходит на объект, а лишь характеризуется со стороны объекта, определяется объектом» [Гаджихамедов, 2000, с. 85]. В традиции когнитивной лингвистики это явление называется «вовлеченностью в предикативный признак, в том смысле, что без объекта предикативный признак остается семантически недостаточным» [Болдырев, 2002, с. 72]. «В семантической структуре предложения объект и предикат образуют единый комплекс с той или иной степенью спаянности элементов» [Арутюнова, 1976, с. 125]. В таких конструкциях референт прямого дополнения имеет в основном нереферентный или неопределенный референциальный статус, как в примерах (1) и (2), где в позиции прямого дополнения стоят абстрактные имена существительные, семантика которых согласуется с отвлеченным значением глагольных предикатов.

(1) тув. *Кызыл-оол харыы бербээн* [Кудажы, 2002, с. 9].

Кызыл-оол=∅ харыы=∅ бер=бээн
Pers=NOM ответ=NOM давать=PP.NEG
'Кызыл-оол не ответил.'

Полный модальный вопрос: Ответил ли Кызыл-оол?

Общеинформативное высказывание: [Кызыл-оол]_T [ответ не дал]_R

[N^S_{Nom}]_T [N^{OBJ}_{Nom} V_I]_R

(2) хак. *Хараа Ир Тохчын түс түзерче* [Хакас чонының нымахтары, 1986, с. 30].

Хараа Ир Тохчын=∅ түс=∅ түзер=че
Pers=NOM сон=NOM видеть сон=PRS
'Хараа Ир Тохчын видит сон.'

Общий диктальный вопрос: Что происходит?

Общеинформативное высказывание: [Хараа Ир Тохчын]_T [сон видит]_R

[N^S_{Nom}]_T [N^{OBJ}_{Nom} V_I]_R

Однако есть случаи, когда немаркированное прямое дополнение имеет определенный референциальный статус. В примере (3) речь идет о чае, который один из участников ситуации только что разогрел. Сочетание *шай кудар* 'наливать чай' относится к разряду устойчивых, прямое дополнение и предикат находятся в реме.

(3) тув. {*От салып, шай чылыда бээр. < ... >*} *Шай кудар* [Бюрбю, 1973, с. 544].

шай=∅ куд=ар
чай=NOM наливать=FUT
'{Затопив печь, разогревает чай.} < ... > Наливает чай.'

Полный диктальный вопрос: Что (она) делает?

Общеинформативное высказывание: [(она)]_T [чай наливает]_R

[N^S_{Nom}]_T [N^{OBJ}_{Nom} V_I]_R

Хакасские примеры (4) и (5) иллюстрируют аналогичные ситуации: определенность референта именной группы, которая обычно требует аккузативного маркирования, в общеинформативных высказываниях не релевантна.

(4) хак. *Амох үгре хайнап парар, үгре изебістер* [Боргояков, 2008, с. 14].

амох үгре=∅ хайн=ап пар=ар үгре=∅ изе=біс=тер
сейчас суп=NOM вариться=CV AUX: идти=FUT суп=NOM пить=1PL=FUT
'Сейчас суп сварится, будем кушать суп.'

Полный диктальный вопрос: Что (мы) будем делать?

Общеинформативное высказывание: [(мы)]_T [суп будем кушать]_R

[N^S_{Nom}]_T [N^{OBJ}_{Nom} V_f]_R

(5) хак. *Сынап көрiңер, – апсах хоостаан хаңза сунча* [Доможаков, 1975, с. 23].

сын=ап көр=iңер апсах=∅ хоостаан хаңза=∅
пробовать=CV AUX: видеть=IMP/2PL старик=NOM украшенный трубка=NOM
сун=ча
протягивать=PRS

‘Попробуйте, – старик протягивает украшенную трубку’.

Полный диктальный вопрос: Что делает старик?

Общеинформативное высказывание: [Старик]_T [трубку протягивает]_R

[N^S_{Nom}]_T [N^{OBJ}_{Nom} V_f]_R

Таким образом, при стандартном порядке расположения компонентов структуры предложения в тувинском и хакасском языках необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между прямым дополнением и сказуемым отпадает из-за их синтаксического, семантического и коммуникативного единства в силу очевидности синтагматических отношений между компонентами глагольной синтагмы. Такие предложения отвечают на полные диктальные вопросы *Что случилось?*, *Что происходит?*, *Что делает X?* и относятся к общеинформативному типу высказываний, где подлежащее входит в тему, а прямое дополнение и сказуемое – в ремю.

Если прямое дополнение стоит непосредственно перед сказуемым и является ремой, сказуемое остается характеризующей частью ремы. Поэтому линейная и коммуникативная целостность глагольной синтагмы в целом сохраняется и прямое дополнение не получает аккузативного маркирования. В предложении (6) сложная аналитическая конструкция сказуемого передает эвиденциальное значение, направленное на верификацию самого действия. Однако это не влияет на актуальное членение предложения.

(6) тув. *Көгээр-биле кады улчуга берген дазыл дашка суп каан чораан* [Кудажы, 1965, с. 5].

көгээр-биле кады улчуг=а бер=ген дазыл
когээр-INSTR вместе бродяжничать=CV₂ AUX: давать=PP корневой
дашка=∅ су=п ка=ан чора=ан
бокал=NOM положить=CV AUX: класть=PP AUX: идти=PP

‘Оказалось, что вместе с *когээр*¹ [в сумку] положили небрежно брошенный деревянный **бокал**.’

Частичный диктальный вопрос: Что еще положили [в сумку]?

Частноинформативное высказывание: [Вместе с когээр] _T [деревянный бокал] _R [положили] _T

[N^S_{Nom}]_T [N^{OBJ}_{Nom}]_R [V_f]_T

(7) хак. *Кичеэ Мылолар аалында чуртапчатхан Пичес азыраан полган, чолга хойлаан яблах сук пирген* [Боргояков, 2008, с. 12].

кичеэ Мылолар аал=ын=да чуртапчат=хан Пичес=∅ азыра=ан
вчера Мылолар деревня=POSS3=LOC жить=PP Pers=NOM кормить=PP
пол=ған чол=ға хойла=ан **яблах=∅** сук
AUX: быть=PP дорога=DAT печь=PP **картошка=NOM** засунуть
пир=ген
AUX: давать=PP

‘Вчера кормил Пичес, живущий в деревне Мылолар, [он] дал в дорогу печеной **картошки**.’

Частичный диктальный вопрос: Что он дал в дорогу?

Частноинформативное высказывание: [(Пичес) в дорогу] _T [печеной картошки] _R [дал] _T

[N^S_{Nom}]_R [N^{OBJ}_{Nom}]_R [V_f]_T

¹ *Көгээр* – кожаный сосуд с узким горлом для жидкости.

В тувинском языке достаточно частотны случаи намеренного разрыва семантико-синтаксической «спаянности» между прямым дополнением и глаголом, которое выражается аккузативной формой прямого дополнения, как в примере (8).

(8) тув. *Эң эки участок төлээлеринге оларның коллегалары байырны чедирген* [Шын, 2014].

эң эки участок=∅ төлээ=лер=ин=ге олар=ның
самый хороший участок=NOM представитель=PL=POSS3=DAT они=GEN
коллега=лар=ы=∅ **байыр=ны** чедир=ген
коллега=PL=POSS3=NOM **поздравление=ACC** передать=PP

‘Лучших участковых их коллеги поздравили.’

Частичный диктальный вопрос: Что сделали коллеги лучшим участковым?

Частноинформативное высказывание: [Коллеги лучшим участковым]_T [**поздравление передали**]_R
[N^S_{Nom} N^{Ben}_{Dat}]_T [N^{OBJ}_{Acc} V_f]_R

Прямое дополнение при этом сохраняет общий с глаголом рематический статус, хотя фокус ремы смещается к действию. Если для тувинского языка это обычная практика, то для хакасского такие случаи нехарактерны (по крайней мере, по словам информантов, непривычны), и аккузатив встречается только при именных группах с аффиксом принадлежности 3-го лица, как в примере (9).

(9) хак. *Пістің правительство «Арктика-2015» проекттің төстөгүлеріне алгызын читірген* [Хабар, 11 марта, среда 2015, № 25 (20837), с. 2].

піс=гің правительство=∅ Арктика-2015=∅ проект=гің
мы=GEN правительство=NOM Арктика-2015=NOM проект=GEN
төстөгү=лер=ін=е **алгыз=ы=н** читір=ген
основатель=PL=POSS3=DAT **благодарность=POSS3=ACC** передавать=PP

‘Наше Правительство поблагодарило основателей проекта «Арктика-2015».’

Частичный диктальный вопрос: Что сделало наше Правительство основателям проекта?

Частноинформативное высказывание: [Правительство основателям проекта]_T [**благодарность передало**]_R
[N^S_{Nom} N^{Ben}_{Dat}]_T [N^{OBJ}_{Acc} V_f]_R

Показательным является употребление сочетания тув. *аас-кежик күзээр*, хак. *часка алгирга* ‘желать счастья’. В тувинском языке данное сочетание без аккузативного оформления практически не употребляется, хотя номинативный вариант возможен. В хакасском языке грамматичен только номинативный вариант. При этом и в тувинском, и в хакасском языках прямое дополнение является ремой. Вариант с аккузативным оформлением придает словам говорящего коннотативное значение неподдельности, искренности, действительного участия. Здесь ключевую роль играет намерение говорящего, поэтому данное явление можно назвать прагматической выделенностью ремы. Говорящему важно, чтобы его слова не прозвучали шаблонно и банально – именно так воспринимается устойчивый характер данного словосочетания.

(10) тув. *Чуртталгаңарга аас-кежикти күзедим* [Кудажы, 1965, с. 33].

чуртталга=нар=га **аас-кежик=ти** күзе=ди=м
народ=POSS/2PL=DAT **счастье=ACC** желать=PAST=1Sg

‘Вашей жизни желаю счастья.’

Частичный диктальный вопрос: Чего я желаю?

Частноинформативное высказывание: [(я) народу]_T [**счастья**]_R [желаю]_T
[N^S_{Nom} N^{Ben}_{Dat}]_T [N^{OBJ}_{Acc}]_R [V_f]_T

(11) хак. *Прайзына часка алгапчам* [Хабар, Хабарлар, 18.02.2022].

прай=зын=а **часка=∅** алга=пча=м
все=POSS3=DAT **счастье=NOM** желать=PRS=1Sg

‘Всем им счастья желаю.’

Частичный диктальный вопрос: Чего я желаю?

Частноинформативное высказывание: [(я) всем]_T [счастья]_R [желаю]_T
 [N^S_{Nom} N^{Ben}_{Dat}]_T [N^{OBJ}_{Nom}]_R [V_f]_T

Прямое дополнение, находящееся непосредственно перед сказуемым, может быть частью темы, тогда оно получает аккузативное маркирование. Тематизация прямого дополнения «отдаляет» его от обычно рематизированной группы сказуемого, поэтому ключевую роль в пользу маркирования, вероятно, играет утрата коммуникативного единства, вызывающая необходимость маркирования синтагматических отношений объекта и предиката. В таких случаях высказывание является либо частноверификативным (примеры (12) и (14)), либо частноинформативным (пример (13)).

В примере (12) описывается рождение будущего коня главного героя, который является одним из протагонистов. В данном предложении он упоминается впервые, но в контексте наличие коня у героя является естественным, подразумеваемым фактом, поэтому существительное получает аккузативное маркирование. На рематичность сказуемого указывает его сложная форма: в состав аналитической конструкции входят две частицы, являющиеся средством верификации, рематизации действия, названного сказуемым: несмотря на все трудности, связанные с рождением жеребенка, которые описаны в предыдущей части высказывания, он все-таки появляется на свет. Соответственно, форма аккузатива прямого дополнения объясняется тем, что оно находится в составе темы высказывания.

(12) тув. {Ол душта адазының кыйбык-кара бези үш чылда боозааш, үш айда долгаткаш, козага хорумну хоорулдур теп чыткаш,} эр кара кулунну төрүп ап-тыр эвеспе [Тыва улустун тоолдары, 2012, с. 31–32].

эр кара кулун=ну төрү=п а=п-тыр эвеспе
 мужской черный жеребенок=АСС рожать=CV AUX:братъ=CV-PRТCL PRТCL

‘В это время черная кобыла отца, выносив в течение трех лет, испытывая схватки в течение трех месяцев, пройдя великие мучения,} родила-таки черного жеребенка.’

Частичный модальный вопрос: Родила ли все-таки (кобыла отца) жеребенка?

Частноверификативное высказывание: [(кобыла отца) черного жеребенка]_T [родила-таки]_R
 [N^S_{Nom} N^{OBJ}_{Acc}]_T [V_f]_R

(13) тув. Телеграмманы силгивишаан [Бюрбю, 1973, с. 393].

телеграмма=ны силги=вишаан
 телеграмма=АСС трясти=CV₄

‘Телеграмму тряся, [ответил].’

Частичный диктальный вопрос: Что она делала с телеграммой?

Частноинформативное высказывание: [(она) телеграмму]_T [трясла]_R
 [N^S_{Nom} N^{OBJ}_{Acc}]_T [V_f]_R

(14) хак. Олар чазыдагы атысты искеннер [Доможаков, 1975, с. 25].

олар=Ø чазыдагы атыс=ты ис=кен=нер
 они=NOM степной выстрел=АСС слышать=PP=3PL

‘Они выстрел в степи слышали.’

Частичный модальный вопрос: Слышали ли они выстрел в степи?

Частноверификативное высказывание: [Они выстрел в степи]_T [слышали]_R
 [N^S_{Nom} N^{OBJ}_{Acc}]_T [V_f]_R

Если именная группа в позиции прямого дополнения находится в теме, она чаще имеет определенный референциальный статус, однако случаи, когда именная группа имеет неопределенный или неререферентный статус, тоже достаточно частотны. Неререферентные именные группы в теме употребляются, например, в поучениях, поговорках и пословицах в своем родовом, сигнификативном значении. Здесь прямое дополнение маркируется аккузативом, так как находится в теме высказывания.

В таком случае высказывание носит либо частноинформативный, либо частноверификативный характер.

(15) тув. *Тудугну эгелээр бетинде баштай-ла бок-сакты аштан каантар болгай* [Шын, № 76 (18503), 26 июня 2014, с. 3].

тудуг=ну эгелэ=эр бет=ин=де баштай-ла бок-сак=ты
 стройка=АСС начинать=PrP перед=POSS3=LOC сначала=PTCL мусор=АСС
 ашта=п ка=апт=ар болгай
 чистить=CV AUX: оставлять=PFV=PrP PTCL

‘Перед тем как начинать стройку, необходимо ведь сначала мусор почистить.’

Частичный диктальный вопрос: Что нужно сделать с мусором перед тем, как начать стройку?

Частноинформативное высказывание: [сначала мусор]_T [чистят ведь]_R

[N^S_{Nom} N^{OBJ}_{Acc}]_T [V_I]_R

(16) хак. *Саайны сагыбачаң, Киненни китебечең* [Хыйга сөс, 2021, с. 14].

саай=ны сагы=ба=ча=ң кинен=ни ките=бе=чең
 несчастье=АСС ждать=NEG=PRS=2Sg неудача=АСС выслеживать=NEG=PRS/2Sg

‘Несчастья не ждут, Неудачу не выслеживают.’

Частичный модальный вопрос: Ждут ли несчастья? Выслеживают ли неудачу?

Частноверификативное высказывание: [Несчастье]_T [не ждут]_R, [неудачу]_T [не выслеживают]_R

[N^S_{Nom} N^{OBJ}_{Acc}]_T [V_I]_R

Все остальные случаи аккузативного маркирования прямого дополнения при его контактном расположении со сказуемым определяются характером парадигматических отношений прямого дополнения с другими членами предложения. Например, личные, указательные, определительные местоимения и имена собственные вне зависимости от коммуникативного статуса в позиции перед сказуемым всегда маркируются аккузативом.

При стандартном порядке основных компонентов линейной структуры высказывания между прямым дополнением и сказуемым могут находиться другие компоненты высказывания, модель приобретает вид SOxV. В таких случаях непосредственная связь между дополнением и сказуемым разрывается, что приводит к более частотному маркированию прямого дополнения.

Прямое дополнение получает аккузативное маркирование, когда перед сказуемым стоит рематизируемый член предложения, а прямое дополнение является частью темы. Синтаксическое и коммуникативное единство объектно-глагольной синтагмы нарушается, поэтому аккузативное маркирование обязательно как маркер связи между сказуемым и дополнением.

В примере (17) рематическую позицию занимает сказуемое, в примере (18) – обстоятельство времени *иртеезин* ‘утром’.

(17) тув. *Сенден артык кадайны кайын тывар кижин мен?* [Бюрбю, 1973, с. 430]

сен=ден артык кадай=ны кайын тыв=ар кижин=Ø мен
 ты=ABL лучше жена=АСС откуда находить=PrP человек=NOM 1Sg

‘Откуда я найду жену лучше тебя?’

Частноверификативное высказывание: [(я) лучше тебя жену]_T [найду ли]_R

[N^S_{Nom} N^{OBJ}_{Acc}]_T [V_I]_R

(18) хак. *Тогысты иртеезин ит салза, истиг сагыс* [Боргояков, 2008, с. 22].

тогыс=ты иртеезин ит сал=за истиг сагыс=Ø
 работа=АСС утром делать AUX=COND приятный забота=NOM

‘Если сделать работу с утра, будет хорошо.’

Частичный диктальный вопрос: Когда лучше сделать работу?

Частноинформативное высказывание: [работу]_T [утром]_R [сделать если, хорошо]_T

[N^S_{Nom} N^{OBJ}_{Acc}]_T [ADV]_R [V_I]_T

Показательны примеры (19) и (20), идущие в тексте непосредственно друг за другом. В примере (19) девочка впервые упоминается в дискурсе, а в примере (20) существительное *уруг=ну* ‘девочку’ занимает тематическую позицию, ремой является описание ситуации наречения именем, где в фокусе – имя девочки.

(19) тув. *Угбам Албынчы уруг божаан* [Тока, 1951, с. 9].

угба=м=∅ Албынчы=∅ уруг=∅ божа=ан
сестра=POSS/1Sg=NOM Pers=NOM девочка=NOM рожать=PP
‘Сестра Албынчы родила девочку.’

Полный диктальный вопрос: Что случилось?

Общеинформативное высказывание: [Сестра Албынчы]_T [девочку родила]_R

[N^S_{Nom}]_T [N^{OBJ}_{Nom} V_f]_R

(20) тув. *Уругну Сүрүңмаа деп адап алганнар* [Тока, 1951, с. 9].

уруг=ну Сүрүңмаа=∅ деп ада=п ал=ган=нар
девочка=ACC Pers=NOM так называть=CV AUX: брать=PP=3PL
‘Девочку назвали Сюрюймаа’.

Частичный диктальный вопрос: Как назвали девочку?

Частноинформативное высказывание: [Девочку]_T [Сюрюймаа]_R [назвали]_T

[N^S_{Nom} N^{OBJ}_{Acc}]_T [N_{Nom}]_R [V_f]_T

Однако есть случаи, когда прямое дополнение остается немаркированным. Как отмечает И. А. Муравьева, неоформленность сохраняется главным образом тогда, когда между неоформленным именем и глаголом вставляется клитика из некоторого ограниченного списка: *mi* ‘вопросительная частица’, *da* ‘тоже’, *bile* ‘даже’, *daha* ‘еще’ [Муравьева, 2008, с. 358]. Этот список в языках варьируется. Например, в тувинском и хакасском языках вопросительная частица *бе* (тув.), *ме* (хак.) не может находиться между прямым дополнением и сказуемым. Другие частицы являются средством подчеркивания ремы, поэтому номинативная форма рематического прямого дополнения вполне закономерна.

(21) тув. *Узун-Оорга бетинге бир хулбүс база дөңгүп кагдым.* [Бюрбю, 1973, с. 454]

Узун-Оорга=∅ бетинге бир хулбүс=∅ база дөңгү=п каг=ды=м
Pers=NOM до один самец косули также добывать=CV1 AUX: оставлять=PAST=1Sg
‘До Узун-Оорга добыл еще самца косули.’

Частичный диктальный вопрос: Кого еще добыл?

Частноинформативное высказывание: [(я)]_T [еще одного самца косули]_R [добыл]_T

[N^S_{Nom}]_T [N^{OBJ}_{Nom}]_R [V_f]_T

(22) хак. *Анда ол тимір дее хабыстырча* [Бурнаков, 1987, с. 6].

анда ол=∅ тимір=∅ дее хабыстыр=ча
там он=NOM железо=NOM PTCL варить=PRS
‘Там он и железо варит.’

Полный диктальный вопрос: Что он еще там делает?

Общеинформативное высказывание: [Там он]_T [и железо варит]_R

[N^S_{Nom}]_T [N^{OBJ}_{Nom} V_f]_R

Между немаркированным прямым дополнением в номинативе и сказуемым могут находиться различные неосложненные обстоятельства.

(23) тув. *Угаанныг кыс кадай кылдыр ап алганымга чоргаарланып турган мен* [Монгуш, 2012, с. 4].

угаанныг	кыс=∅	кадай=∅	кылдыр	а=п
умный	девушка=NOM	жена=NOM	как	братъ=CV
ал=ган=ым=га		чоргаарлан=ып	тур=ган	мен
AUX=PP=1Sg=DAT		гордиться=CV	AUX: стоять=PP	1Sg

‘Я гордился тем, что взял в жены умную девушку.’

Частичный диктальный вопрос: Чем я гордился? Кого я взял в жены?

Частноинформативное высказывание: [умную девушку]_R [как жену взял, я гордился]_T

[N^{OBJ}_{Nom}]_R [V_f N^S_{Nom}]_T

(24) хак. *Киче мин арага көп искем ме?* [Боргояков, 2008, с. 24]

киче	мин=∅	арага=∅	көп	иске=м	ме
вчера	я=NOM	водка=NOM	много	пить=1Sg	PTCL

Частичный модальный вопрос: Много ли водки я выпил вчера?

Частноинформативное высказывание: [Вчера я]_T [много водки выпил]_R

[N^S_{Nom}]_T [N^{OBJ}_{Nom} V_f]_R

Несмотря на то, что данные слова нарушают синтаксическое примыкание прямого дополнения и сказуемого, они, на наш взгляд, не нарушают коммуникативной целостности глагольной синтагмы, поэтому аккузативное маркирование необязательно.

2. Порядок компонентов OSV

При данном порядке слов группа прямого дополнения занимает начальную позицию и обычно является темой высказывания. В таком случае прямое дополнение обязательно маркируется аккузативом. В примере (25) *орук* ‘дорога’ упоминается впервые в тексте (имеет неопределенный референциальный статус), однако из контекста понятно, что речь идет о дороге до дома одного из участников ситуации, поскольку в предыдущем предложении он просит помочь добраться до дома. Актуальный в данном случае вопрос «Кто дорогу покажет?» опирается на логическую пресуппозицию. В примере (26) местоимение *олар* ‘они’ выносится в начальную позицию как топик.

(25) тув. *Орукту мен айтып бээр мен* [Монгуш, 2012, с. 16].

орук=ту	мен=∅	айт=ып	бэ=эр	мен
дорога=ACC	я=NOM	показывать=CV	AUX: давать=FUT	1Sg

‘Дорогу я покажу.’

Частичный диктальный вопрос: Кто дорогу покажет?

Частноинформативное высказывание: [Дорогу]_T [я]_R [покажу]_T

[N^{OBJ}_{Acc}]_T [N^S_{Nom}]_R [V_f]_T

(26) хак. *Оларны харга-саасханнар үдес чөргеннер* [Тиников, 1982, с. 21].

олар=ны	харга-сааскан=нар=∅	үдес	чөр=ген=нер
они=ACC	ворона-сорока=PL=NOM	проводать	AUX: идти=PP=3PL

‘Их провожали вороны-сороки.’

Частичный диктальный вопрос: Кто их провожал?

Частноинформативное высказывание: [Их]_T [вороны-сороки]_R [провожали]_T

[N^{OBJ}_{Acc}]_T [N^S_{Nom}]_R [V_f]_T

Обязательное аккузативное маркирование прямого дополнения здесь можно объяснить его линейной и коммуникативной отдаленностью от глагольной группы и вхождением в состав темы.

3. Порядок компонентов SVO

В тувинском языке порядок слов такого типа встречается только в диалогах из художественных пьес. Пример (27) – это вопросительное высказывание, в котором на первом месте стоит вопросительное слово, являющееся ремой.

(27) тув. *Кым эгеледи ону?* [Бюрбю, 1973, 2012, с. 546]

кым=∅ эгеле=ди о=ну
кто=NOM начинать=PAST это=ACC
'Кто это начал?'

Частичный диктальный вопрос: [Кто]_R [начал это]_T?

[N^S_{Nom}]_R [V_f N^{OBJ}_{Acc}]_T?

В хакасском языке такой порядок слов является достаточно частотным (см. табл. 1) и, в отличие от тувинского, встречается также в повествовательных предложениях.

(28) хака. *Мин пилбинчем ол киректи* [Хакас чоңының кип-чоохтары, 1990, с. 5].

мин=∅ пил=бинче=м ол кирек=ти
я=NOM знать=PRS.NEG=1Sg тот дело=ACC
'Об этом деле я не знаю.'

Частичный модальный вопрос: Знаю ли я об этом деле?

Частноверификативное высказывание: [Я]_T [не знаю]_R [об этом деле]_T

[N^S_{Nom}]_T [V_f]_R [N^{OBJ}_{Acc}]_T

(29) хака. *Хоортай апсах ам на танып салган ибінде хонган ипчи́ни* [Доможаков, 1975, с. 27].

Хоортай=∅ апсах=∅ ам на танып сал=ган
Pers=NOM старик сейчас PTCL узнавать=CV AUX: клась=PP
иб=ин=де хон=ган ипчи́=ни
дом=POSS3=LOC ночевать=PP женщина=ACC

'Ночевашую у него дома женщину старик Хоортай только сейчас узнал.'

Частичный модальный вопрос: Узнал ли Хоортай женщину?

Частноверификативное высказывание: [Хоортай]_T [узнал]_R [женщину]_T

[N^S_{Nom}]_T [V_f]_R [N^{OBJ}_{Acc}]_T

Общим для двух языков является тематический статус выносимого за сказуемое прямого дополнения. В тюркологии данную позицию называют пассивной: туда «выносятся та часть высказывания, которая с точки зрения говорящего кажется менее значительной или может быть сообщена в последнюю очередь» [Амиров, 1970, с. 35]. Такое изменение порядка слов в хакасском языке, вероятно, можно объяснить устойчивостью рематической позиции: обычно сказуемое стоит в конце, а рематизируемый член – непосредственно перед ним. В данных примерах рематизируется сказуемое, поэтому оно сдвигается влево от своей стандартной позиции и занимает обычную для ремы позицию. На последнем месте оказывается тематический член. Тем самым сохраняется стандартный порядок следования темы и ремы, а порядок слов изменяется. Возможно, в хакасском языке более свободный порядок слов обусловлен более жестким порядком следования темы и ремы, что необходимо проверить на более обширном материале.

4. Типы порядка слов, характерные только для хакасского языка

В хакасском языке, в отличие от тувинского, порядок расположения компонентов может быть более свободным. Встречаются три случая инверсии, не зарегистрированные в тувинском языке, в каждом из которых, кроме трех обязательных компонентов S, O и V, имеются и другие второстепенные компоненты.

4.1. Порядок компонентов OVS

Порядок слов OVS (см. табл. 1) не нарушает стандартного расположения компонентов объектно-предикатной синтагмы, поэтому прямое дополнение может иметь и аккузативное (пример (30)), и номинативное (пример (31)) оформление. При этом подлежащее сохраняет тематичность. В примере (30) прямое дополнение является темой и маркируется аккузативом, а в примере (31) оно является ремой и употребляется в номинативе. Вынесение подлежащего за сказуемое в первом случае связано с топикализацией прямого дополнения, а во втором – с топикализацией референта другого актанта – бенефицианта *оолгына* ‘сыну’.

(30) *хак. Анзын (чохыр ниме – ол адай) хаңылааннаң иле танып салган ирен* [Доможаков, 1975, с. 12].

анзы=н чохыр ниме ол адай=∅ хаңыла=ан=наң
тот=АСС серый вещь этот собака=NOM скулить=PP=INSTR
 иле тан=ып сал=ған ирен
 отчётливо узнавать=CV класть=PP мужчина

‘То, что серое – это собака, по визгу легко узнал мужчина.’

Частичный диктальный вопрос: Как мужчина узнал собаку?

Частноинформативное высказывание: [Собаку]_T [**по визгу**]_R [узнал мужчина]_T

[N^{OBJ}_{Acc}]_T [N=INSTR]_R [V_f N^S_{Nom}]_T

(31) *хак. Ам, таллап-таллап, оолгына ах халтар ат тут пирген Оспа* [Хакас чоңының кипчоохтары, 1990, с. 12].

ам талла=п-талла=п оолг=ын=а ах халтар
 теперь выбирать=CV-выбирать=CV сын=POSS3=DAT белый мухортый
ат=∅ тут=∅ пир=ген Оспа=∅
лошадь=NOM поймать=∅ AUX=PP Pers=NOM

‘Теперь, поискав-повыбирая, Оспа поймал сыну бело-мухортого коня.’

Частичный диктальный вопрос: А сыну Оспа кого поймал?

Частноинформативное высказывание: [А сыну]_T [**бело-мухортого коня**]_R [поймал Оспа]_T

[N^{Ben}_{Dat}]_T [N^{OBJ}_{Nom}]_R [V_f N^S_{Nom}]_T

4.2. Порядок компонентов VSO

При таком порядке слов сказуемое является ремой, а тематические подлежащее и прямое дополнение выносятся в позицию после сказуемого. Вынос ремы в абсолютное начало предложения можно объяснить экспрессивностью высказывания. Прямое дополнение, отделенное от сказуемого несколькими словами, в составе темы обязательно оформляется аккузативом.

(32) *хак. Холга кирip алам мин самурайымны* [Шулбаева, 2006, с. 218].

хол=га кир=ip ал=а=м мин=∅ **самурай=ым=ны**
 рука=DAT загонять=CV брать=PrP=1Sg я=NOM **самурай=POSS/1Sg=ACC**

‘К рукам прибору я своего самурая.’

Частичный модальный вопрос: Приберу ли я к рукам своего самурая?

Частноверификативное высказывание: [**к рукам прибору**]_R [я своего самурая]_T

[V_f]_R [N^S_{Nom} N^{OBJ}_{Acc}]_T

4.3. Порядок компонентов VOS

Такой порядок слов представлен в вопросительных предложениях, в которых позицию абсолютного начала предложения занимает рематическое вопросительное слово, оба актанта вынесены

за предикат. Личное местоимение в позиции прямого дополнения стоит перед субъектом как более топикальная часть темы (пример (33)).

(33) *хак. Кем піледір, хайди-хайди көрерлер мында оларны орындагы чон...* [Доможаков, 1975, с. 24].

кем=∅	піл=едір	хайди-хайди	көр=ер=лер	мында	олар=ны
кто=NOM	знать=PRS2	как-как	смотреть=FUT=3PL	здешний	они=ACC
орындагы	чон=∅				
местный	народ=NOM				

‘Кто знает, как на них посмотрит здесь местный народ.’

Частичный диктальный вопрос: **[как]R** [посмотрит на них местный народ]_T

[Q]R [V_f N^{OBJ}_{Acc} N^S_{Nom}]_T

Выводы

Прямое дополнение в рематической позиции принимает форму номинатива, а в тематической – аккузатива. Это можно объяснить тем, что первоначально в тюркских языках номинатив употреблялся шире, стандартной позицией для дополнения является вхождение в рематическую глагольную группу. Прямой порядок слов однозначно определяет синтагматические отношения между компонентами синтаксической и коммуникативной структуры высказывания, благодаря чему эксплицитного маркирования прямого дополнения не требуется. Отсутствие маркирования прямого дополнения является типичным для нейтральных высказываний с прямым порядком слов, в которых прямое дополнение входит в рему. Аккузативное маркирование прямого дополнения связано с его тематичностью и обусловленной этим синтагматической удаленностью от главного слова, что в целом подтверждает теорию «согласования». При высокой степени сходства порядка слов в тувинском и хакасском языках, наблюдаются различия в количестве возможных вариантов расположения компонентов линейной структуры: в хакасском языке порядок слов более свободный, при этом соблюдается общетюркский принцип вынесения в позицию после сказуемого только топикализованных компонентов высказывания.

Список литературы

- Амиров Р. С. Способы актуального членения в казахском языке // Советская тюркология. Баку: Изд-во «Коммунист», 1970. № 6. С. 34–38.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Баскаков Н. А. Грамматика хакасского языка. М., 1975. 420 с.
- Баскаков Н. А. Простое предложение в каракалпакском языке: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. III. Синтаксис. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 232 с.
- Баскаков Н. А. Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. 529 с.
- Болдырев Н. Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность / Отв. ред. А. В. Бондарко и др. СПб.: Наука, 2002. С. 57–74.
- Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан: Хакас. отделение Красноярск. книжн. изд-ва, 1976. 160 с.
- Гаджихамедов Н. Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала: Юпитер, 2000. 382 с.
- Дмитриев Н. К. Детали простого предложения // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. III. Синтаксис. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 19–49.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 30–154.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка: фонетика и морфология. М.: Восточная литература, 1961. 472 с.

Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 569 с.

Лютикова Е. А. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // *Rhema. Рема*. М., 2014. № 4. С. 50–70.

Муравьева И. А. О трактовке неформленного имени в тюркских языках // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Отв. ред. В. А. Плунгян. М.: Гнозис, 2008. С. 321–422.

Ондар Ч. Г. Падежная маркировка рематизированного прямого объекта в тувинском языке // *Сибирский филологический журнал*. 2013. №3. С. 221–226.

Ондар Ч. Г. Дифференцированное маркирование объекта в тувинском языке: зависимость от функции и характера определения // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2021. № 1 (вып. 41). С. 154–162. DOI 10.25205/2312-6337-2021-1-154-162

Оскольская С. А. Маркирование актантов в двухместных предикатов в тувинском языке // *Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках* / отв. Ред. С. С. Сай. Санкт-Петербург, 2018. С. 399–421.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. Изд. 6-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 296 с.

Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы* / Отв. ред. А. И. Кузнецова. М.: *Studia Philologica*, 2012. С. 59–142.

Серээдар Н. Ч. Значения прямого объекта в модели действия в тувинском языке // *Новые исследования Тувы*, 2009. № 4. С. 189–201. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/602> (Дата обращения: 10.04.2022).

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

Тугушева Л. Ю. О порядке слов в тюркских языках // *Тюркологический сборник*. М.: Издательство «Наука», 1966. С. 120–127.

Убрятова Е. И. Прямое дополнение в основном падеже безличного склонения // *Грамматика современного якутского литературного языка*. Синтаксис. / Е.И. Убрятова, Н.Е. Петров, Н.Н. Неустроев и др. Новосибирск, 1995. С. 24.

Черемисина М. И., ОзONOва А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 2008. 205 с.

Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык (в 2-х т.) / Под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. Т. 2. М.: Флинта : Наука, 2008. 816 с.

Aissen J. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. С. 435–483.

Baker M. C., Vinokurova N. Two modalities of case assignment: Case in Sakha // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 28. 2010. P. 593–642.

Comrie B. *Language universals and linguistic typology*. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 264 p.

Chomsky N. Derivation by Phase. In: *Ken Hale: A Life in Language (Current Studies in Linguistics, Number 36)*. Michael Kenstowicz (Ed.). Cambridge, Mass.: MIT Press. 2001, pp. 1–52.

de Hoop H., Malchukov A. L. Case-Marking Strategies // *Linguistic Inquiry*. Vol. 39, Iss. 4. 2008. P. 565–587. DOI: <https://doi.org/10.1162/ling.2008.39.4.565>

de Swart P.J.F. *Cross-linguistic variation in object marking*. Utrecht: LOT, 2007. 249 p.

Johanson L. Bestimmtheit und Mitteilungsperspektive im türkischen Satz // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Supplement. 1977, III/2. P. 1186–1203.

Marantz A. Case and licensing // *Proceedings of ESCOL 91, Cornell University* / Ed. by G. Westphal, B. Ao, H.-R. Chae. Ithaca, NY, 1991. P. 234–253.

Muravyova I. A. Unmarked noun form in Turkic languages: a typological point of view // *Altaic Religious Beliefs and Practices. Proceedings of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaic Conference (Budapest, June 24–29, 1990)*. Budapest: Academic Press, 1992. P. 257–261.

Nilsson B. *Case Marking Semantics in Turkish*. Doctoral Dissertation. Stockholm: Department of Linguistics, University of Stockholm, 1985.

Nilsson B. Definiteness and reference in relation to the Turkish accusative // *Orientalia suecana*. 1978. 27–28. Pp. 118–131.

Primus B. Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking // *Case, word order, and prominence. Interacting Cues in Language Production and Comprehension*. Lamers, M. and de Swart P. (eds.). Dordrecht: Springer. 2007. 348 p. P. 65–90.

Список источников

- Боргояков Н. Т.* Алты аастыг мылтых. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 2008. 320 с.
Бурнаков Ф. Т. Пора тай нанчым. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1987. 166 с.
Бюрбю С. Б. Чогаалдар чыындызы. Кызыл: ТывНУЧ, 1973. 614 с.
Доможаков Н. Ыраххы аалда. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1975. 256 с.
Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң. Кызыл: ТывНУЧ, 1965. 169 ар.
Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл том. Кызыл: ТывНУЧ, 2002. 376 с.
Монгуш В. Б.-Х. Кадайыңга ынак сен бе? Кызыл: ТывНУЧ, 2012.
Серен-оол В.С. Сөөскеннер чечектелип турда: шиилер. Кызыл: ТывНУЧ, 1995. 240 с.
Тиников Н. Тіріг кізі өлбечен. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1982. 240 с.
Тока С.К. Араттың сөзү. Кызыл: ТывНУЧ, 1951. 154 ар.
Хакас чонының кип-чоохтары. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1990. 200 с.
Хакас чонының нымахтары. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1986. 141 с.
Хыйга сөс: систпектер, сөспектер паза таптыргастар. 4-е изд, доп. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 2021. 188 с.
Шулбаева В. Чуртас – ол хыныс. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 2006. 312 с.

Список условных сокращений

Ø – нулевая морфема; **1, 2, 3** – показатель лица; **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **AUX** – вспомогательный глагол; **CAUS** – каузатив; **CV** – соединительное деепричастие с аффиксом =n; **CV₂** – слитное деепричастие с аффиксом =a / =i; **CV₃** – деепричастие прошедшего времени с аффиксом =гаи; **CV₄** – сопроводительное деепричастие с аффиксом =бышаан; **DAT** – датив; **FUT** – форма будущего времени с показателем =ар; **GEN** – генитив; **INSTR** – орудный падеж; **IMP** – форма повелительного наклонения; **ITER** – многократный вид с аффиксом =гыла; **LOC** – локатив; **N^{Ben}_{Dat}** – косвенное дополнение (бенефициант), выраженное именем существительным в дативе; **N^{Obj}_{Acc}** – прямое дополнение, выраженное именем существительным в аккузативе; **N^{Obj}_{Nom}** – прямое дополнение, выраженное именем существительным в номинативе; **N^S_{Nom}** – подлежащее, выраженное именем существительным в номинативе; **NEG** – отрицательная форма; **NOM** – номинатив; **OPT** – согласительное наклонение =гай; **PTCL** – частица; **PAST** – форма прошедшего категорического времени с показателем =ды; **PP** – форма прошедшего неопределенного времени с аффиксом =ган; **PP.NEG** – отрицательная форма прошедшего неопределенного времени =баан; **PAST4** – прошедшее продолжающееся время с показателем =бышаан; **Pers** – антропоним; **PFV** – законченный (совершенный) вид с аффиксом =ывыт; **PL** – множественное число; **POSS** – показатель possessивности; **POSSV** – показатель обладания; **PP** – форма причастия с аффиксом =ган; **PrP** – форма причастия с аффиксом =ар; **PRS** – форма настоящего времени с аффиксом =ар (хак. =ча / =пча); **PRS2** – форма настоящего времени с аффиксом =ар (хак. =едір); **Q** – вопросительное слово; **R** – рема; **Sg** – единственное число; **T** – тема; **V_f** – финитный глагол; **VRBLZ** – глаголообразующий аффикс.

References

- Aissen J. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003, vol. 21, pp. 435–483.
- Amirov R. S. *Sposoby aktual'nogo chleneniya v kazakhskom yazyke* [Ways of actual articulation in the Kazakh language]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1970, no. 6, pp. 34–38. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its meaning: Logical and semantic problems]. Moscow, Nauka, 1976, 383 p. (In Russ.)
- Baker M. C., Vinokurova N. Two modalities of case assignment: Case in Sakha. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010, vol. 28, pp. 593–642.
- Baskakov N. A. *Grammatika khakasskogo yazyka* [Grammar of Khakas]. Moscow, 1975, 420 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A. *Prostoe predlozhenie v karakalpakskom yazyke* [A simple sentence in the Karakalpak language]. In: *Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. T. III. Sintaksis* [Studies on the comparative grammar of the Turkic languages. Vol. III. Syntax]. Moscow, AN SSSR, 1961, pp. 63–71. (In Russ.)
- Baskakov N. A. *Yazyki narodov SSSR. T. 2. Tyurkskie yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Vol. 2. Turkic languages]. Moscow, 1966, 529 p. (In Russ.)
- Boldyrev N. N. Invarianty i prototypy v sistemnoy i funktsional'noy kategorizatsii angliyskogo glagola [Invariants and prototypes in the system and functional categorization of the English verb]. In: *Problemy funktsional'noy grammatiki. Semanticheskaya invariantnost' / variativnost'* [Problems of functional grammar. Semantic invariance / variability]. A. V. Bondarko et al. (Eds. in Ch.). St. Petersburg, Nauka, 2002, pp. 57–74. (In Russ.)
- Borgoyakov M. I. *Razvitie padezhnykh form i ikh znacheniy v khakasskom yazyke* [The development of case forms and their meanings in the Khakass language]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. kn. izd., 1976, 160 p. (In Russ.)
- Cheremisina M. I., Ozonova A. A., Tazranova A. R. *Elementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nym skazuemym v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri* [Elementary simple sentence with a verbal predicate in Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, 2008, 205 p. (In Russ.)
- Chomsky N. Derivation by Phase. In: *Ken Hale: A Life in Language (Current Studies in Linguistics, Number 36)*. Michael Kenstowicz (Ed.). Cambridge, Mass.: MIT Press. 2001, pp. 1–52.
- Comrie B. *Language universals and linguistic typology*. Chicago, University of Chicago Press, 1989, 264 p.
- de Hoop H., Malchukov A. L. Case-Marking Strategies. *Linguistic Inquiry*. 2008, vol. 39, iss. 4, pp. 565–587. DOI: <https://doi.org/10.1162/ling.2008.39.4.565>
- de Swart P. J. F. *Cross-linguistic variation in object marking*. Utrecht, LOT, 2007, 249 p.
- Dmitriev N. K. *Detali prostogo predlozheniya* [Details of a simple sentence]. In: *Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. T. III. Sintaksis* [Studies on the comparative grammar of the Turkic languages. Vol. III. Syntax]. Moscow, AN SSSR, 1961, pp. 19–49. (In Russ.)
- El'mselev L. *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to the theory of language]. *Novoe v lingvistike*. 1960, iss. 1, pp. 30–154. (In Russ.)
- Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatiy. Russkiy yazyk (v 2-kh t.)* [Encyclopaedic dictionary of linguistic terms and concepts. Russian language (in 2 vols)]. A. N. Tikhonov, R. I. Khashimov (Eds.). Moscow, Flinta, Nauka, 2008, vol. 2, 816 p.
- Gadziakhmedov N. E. *Slovoizmenitel'nye kategorii imeni i glagola v kumykskom yazyke (sravnitel'no s drugimi tyurkskimi yazykami)* [Inflectional categories of the name and verb in the Kumyk language (compared with other Turkic languages)]. Makhachkala, Yupiter, 2000, 382 p. (In Russ.)
- Johanson L. Bestimmtheit und Mitteilungsperspektive im türkischen Satz. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Supplement. 1977, III/2, pp. 1186–1203. (In Ger.)
- Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language: phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p. (In Russ.)

- Kononov A. N. *Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Turkish literary language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1956. 569 p. (In Russ.)
- Lyutikova E. A. Padezh i struktura imennoy gruppy: variativnoe markirovanie ob"ekta v misharskom dialekte tatarskogo yazyka [Case and structure of the nominal group: variable marking of an object in the Mishar dialect of the Tatar language]. *Rhema. Rema*. 2014, no. 4, pp. 50–70. (In Russ.)
- Marantz A. Case and licensing. *Proceedings of ESCOL 91, Cornell University*. G. Westphal, B. Ao, H.-R. Chae (Eds.). Ithaca, NY, 1991, pp. 234–253.
- Murav'yova I. A. Unmarked noun form in Turkic languages: a typological point of view. *Altaic Religious Beliefs and Practices. Proceedings of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaic Conference* (Budapest, June 24–29, 1990). Budapest, Academic Press, 1992, pp. 257–261.
- Murav'yova I. A. O traktovke neofornlennogo imeni v tyurkskikh yazykakh [On the interpretation of an unformulated name in the Turkic languages]. In: *Issledovaniya po teorii grammatiki. Iss. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Studies on the theory of grammar. Iss. 4: Grammatical categories in discourse]. V. A. Plungyan (Ed. in Ch.). Moscow, Gnozis, 2008, pp. 321–422. (In Russ.)
- Nilsson B. Case Marking Semantics in Turkish. *Doctoral Dissertation*. Stockholm, Department of Linguistics, University of Stockholm, 1985.
- Nilsson B. Definiteness and reference in relation to the Turkish accusative. *Orientalia suecana*. 1978, vols. 27–28, pp. 118–131.
- Ondar Ch. G. Padezhnaya markirovka rematizirovannogo pryamogo ob"ekta v tuvinskom yazyke [Case marking of a rematized direct object in the Tuvan language]. *Siberian Journal of Philology*. 2013, no. 3, pp. 221–226.
- Ondar Ch. G. Differentsirovannoe markirovanie ob"ekta v tuvinskom yazyke: zavisimost' ot funktsii i kharaktera opredeleniya [Differential object marking in Tuvan language: dependence on the function and nature of the definition]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 1 (iss. 41), pp. 154–162. DOI 10.25205/2312-6337-2021-1-154-162
- Oskol'skaya S. A. Markirovanie aktantov v dvukhmestnykh predikativ v tuvinskom yazyke [Labeling of accounts in double predicates in the Tuvan language]. *Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikativ v raznostrukturykh yazykakh* [Valence classes of double predicates in different-structured languages]. Ed. by S. S. Say. Saint Petersburg, 2018, pp. 399–421.
- Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenyi* [The utterance and its correlation with reality: referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow, LKI, 2010, 296 p. (In Russ.)
- Primus B. Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking. In: *Case, word order and prominence. Interacting Cues in Language Production and Comprehension*. Lamers, M. and de Swart P. (Eds.). Dordrecht, Springer, 2007, pp. 65–90.
- Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress, 1977, 696 p.
- Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v finno-ugorskikh yazykakh [Differentiated marking of direct complement in Finno-Ugric languages]. In: *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyy i funktsional'nyy podkhody* [Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches]. A. I. Kuznetsova (Ed. in Ch.). Moscow, Studia Philologica, 2012, pp. 59–142. (In Russ.)
- Sereedar N. Ch. Znacheniya pryamogo ob"ekta v modeli deystviya v tuvinskom yazyke [Meanings of direct object in the model of action in the Tuvan language]. *The New Research of Tuva*. 2009, no. 4, pp. 189–201. <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/602> (accessed: 10.04.2022). (In Russ.)
- Tugusheva L. Yu. O poryadke slov v tyurkskikh yazykakh [About the order of words in the Turkic languages]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik* [Turkological collection]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 120–127.
- Ubryatova E. I. Pryamoe dopolnenie v osnovnom padezhe bezlichnogo skloneniya [Direct object in the main case of the impersonal declination]. In: *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Sintaksis* [Grammar of the modern Yakut literary language. Syntax]. E. I. Ubryatova, N. E. Petrov, N. N. Neustroev et. al. Novosibirsk, 1995, p. 24.

List of sources

- Borgoyakov N. T. *Altı aastyı miltix* [The Tale of the Wise Suryp]. Abakan, Khakas. knizn. izd., 2008, 320 p. (In Khak.)
- Burnakov F. T. *Pora tay nančim* [My friend Sivka: a story]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. knizn. izd., 1987, 166 p. (In Khak.)
- Bürbü S. B. *Čogaaldar chiindizi* [Collected works]. Kizil, TivNÜČ, 1973. 614 p. (In Tuv.)
- Domožakov N. *İraxxi aalda* [In a distant village]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. knizn. izd., 1975, 256 p. (In Khak.)
- Kudaži K.-E. K. *İržim buluŋ* [Quiet corner]. Kizil, TivNÜČ, 1965. 169 p. (In Tuv.)
- Kudaži K.-E. K. *Uygu čok Ulug-Xem. Kizil tom* [Restless Ulug-Khem. Red Volume]. Kizil, TivNÜČ, 2002, 376 p. (In Tuv.)
- Monguš V. B.-X. *Kadayınga inak sen be?* [Do you love your wife?]. Kizil, TivNÜČ, 2012. 176 p.
- Seren-ool V. S. *Sööskenner čėčektelip turda* [When meadowsweet bloomed]. Kizil, TivNÜČ, 1995. 240 p. (In Tuv.)
- Šulbaeva V. *Čurtas – ol xinis* [Life is love]. Abakan, Khakas. knizn. izd., 2006, 312 p. (In Khak.)
- Tinikov N. *Tirig kizi ölbečej* [The living don't die]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. knizn. izd., 1982, 240 p. (In Khak.)
- Toka S. K. *Arattıñ sözü* [Arat's word]. Kizil, TivNÜČ, 1951, 154 p. (In Tuv.)
- Xakas čoniniŋ kip-čooxtarı* [Khakas myths and legends]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. knizn. izd., 1990, 200 p. (In Khak.)
- Xakas čoniniŋ nimaxtarı* [Khakas folk Tales]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyarsk. knizn. izd., 1986, 141 p. (In Khak.)
- Xıyya sös: sistpekter, söspekter paza taptıryastar* [Wise word: Khakas proverbs, sayings and riddles]. Abakan, Khakas. knizn. izd., 2021, 188 p.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.12.2021*

Сведения об авторе

Ондар Чойган Геннадиевич – главный специалист сектора языка Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия).

E-mail: choygandi@mail.ru

ORCID 0000-0001-5779-4217

Information about the Author

Ondar Choigan Gennadievich – Chief Specialist of the Language Sector of the Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia).

E-mail: choygandi@mail.ru

ORCID 0000-0001-5779-4217

УДК: 811.511.25 + 81'367.332.2 + 81'367.623
DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-59-72

Предикативные формы прилагательных в ненецких предложениях качественной характеристики

Н. Б. Кошкарева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Ненецкие прилагательные и существительные в позиции сказуемого присоединяют лично-предикативные и временные аффиксы. Отмечается также возможность присоединения к прилагательному в позиции сказуемого показателя симилятива. Парадигма именного сказуемого в предложениях характеристики включает не только синтетические лично-числовые и временные формы, но также и аналитические конструкции, в которых имя прилагательное сочетается со вспомогательным бытийным глаголом для выражения отрицания, модальных и аспектуальных значений. Парадигма именного сказуемого представлена двумя подсистемами: значения персональности и темпоральности выражаются синтетически, тогда как модальные и аспектуальные значения – аналитически, соответствующие аффиксы присоединяются к вспомогательному глаголу *уэсь* ‘быть’. Лично-предикативное и темпоформление принадлежит не слову как части речи, а синтаксической позиции сказуемого. Ненецкие прилагательные демонстрируют признаки переходности, так как могут оформляться глагольными аффиксами.

Ключевые слова

ненецкий язык, предложения характеристики, прилагательное, предикативные формы, переходность частей речи

Благодарности

Автор выражает сердечную благодарность всем знатокам ненецкого языка за искреннюю заинтересованность и готовность поделиться опытом и знаниями.

Для цитирования

Кошкарева Н. Б. Предикативные формы прилагательных в ненецких предложениях качественной характеристики // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 59–72. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-59-72

Predicative forms of adjectives in nenets sentences of qualitative characterization

N. B. Koshkareva

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Nenets adjectives and nouns in the position of the predicate take personal and tense affixes. It is also noted the possibility of attaching affix of the simulative to the adjective in the position of the predicate. The nominal predicate paradigm in sentences with semantics of characterization includes not only synthetic personal and tense forms, but also analytical constructions in which the adjective is combined with an auxiliary existential verb to express nega-

© Н. Б. Кошкарева, 2022

tion, modal and aspectual meanings. The nominal predicate paradigm is represented by two subsystems: the meanings of personality and temporality are expressed synthetically, while modal and aspectual meanings are expressed analytically, the corresponding affixes are attached to the auxiliary verb *hes* 'to be'. Personal and temporal forms do not belong to the word as a part of speech, but to the syntactic position of the predicate. Nenets adjectives show signs of transitivity, as they can take verbal affixes.

Keywords

Nenets language, characterization sentences, adjective, predicative forms, the phenomenon of transitivity of parts of speech

Acknowledgements

The author expresses her heartfelt gratitude to all experts in the Nenets language for their sincere interest and willingness to share their experience and knowledge.

For citation

Koshkareva N. B. Predikativnye formy prilagatel'nyh v neneckih predlozheniyah kachestvennoj harakterizacii [Predicative forms of adjectives in Nenets sentences of qualitative characterization]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 59–72. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-59-72

Введение

Одной из известных и важных в типологическом отношении особенностей ненецкого языка является возможность присоединения лично-предикативных и временных показателей непосредственно к имени существительному или прилагательному в позиции сказуемого. Это явление отмечается во всех грамматических описаниях ненецкого языка [Castrén, 1854; Прокофьев, 1937; Терещенко, 1947, 1973; Hajdú, 1963; Salminen, 1993, 1997, 1998 b; Буркова, 2010; Nikolaeva, 2014].

Целью данной статьи является характеристика ненецкого прилагательного в типологической перспективе как переходной части речи, совмещающей признаки прилагательного и глагола и на школе переходности частей речи располагающейся между полюсом «прилагательности» и «глагольности». Синтаксическая парадигма именных предложений со сказуемым – прилагательным отражает не только возможности морфологического изменения самого прилагательного, но и охватывает варьирование синтаксической позиции сказуемого в целом, в состав которой может входить также бытийный глагол, принимающий на себя модальные и аспектуальные показатели, а также и некоторые другие грамматические показатели. Тем самым в статье постулируется, что лично-предикативное оформление принадлежит не слову как части речи, а синтаксической позиции.

Статус прилагательного в ненецком языке остается дискуссионным. Некоторые ученые отрицают возможность выделения прилагательного как самостоятельной части речи, так как прототипические грамматические признаки прилагательного (в частности, ограниченный набор согласовательных категорий и нерегулярное согласование с определяемым именем) отсутствуют, поэтому в рамках «грамматики словоформы» на первый план выдвигается атрибутивная функция [Володин, 2004; Шитц, 2012].

Н. М. Терещенко перечисляет следующие формальные признаки, позволяющие отграничить прилагательные от других частей речи: употребление в атрибутивной функции, согласование с определяемым словом в числе, образование особой формы отрицания при помощи причастия вспомогательного отрицательного глагола *нись*, редкое употребление в лично-притяжательных формах, ограниченная возможность изменения по падежам, в частности, невозможность принимать форму родительного падежа в функции приименного определения [Терещенко, 1956, с. 157 и далее; 1965, с. 885].

Г. Н. Прокофьев считает, что совпадение некоторых именных и глагольных форм не препятствует их противопоставлению: «в целом ряде отношений между именем и глаголом ненецкого языка может быть проведена вполне четкая граница; так, например, именная основа, будучи использована в качестве глагола, никогда не образует ни видовых основ глагола, ни форм наклонения; в свою очередь, глагольная основа не может склоняться, не будучи превращена (с помощью того или иного словообразующего суффикса) в именную основу» [Прокофьев, 1937, с. 16–17].

Дополнительным критерием определения прилагательного как особой части речи является разная стратегия оформления именных и глагольных основ лично-предикативными аффиксами, на что ука-

зывает Т. Салминен: к именным основам они присоединяются непосредственно, тогда как глагольные основы подвергаются определенным морфонологическим видоизменениям: «...predicative forms are not simply nouns transferred to verbs but they remain morphologically distinct» [Salminen, 1997, с. 93]. Соответственно, возникает необходимость проверить весь фонд лексем качественной семантики (например, цветообозначения), которые принято называть глаголами в силу возможности оформляться лично-предикативными аффиксами в предикативной позиции.

Мы считаем возможным выделение прилагательного в ненецком языке как отдельной части речи прежде всего на основе семантики качественной характеристики, синтаксических функций атрибута и предиката, а также уникального для данной части речи набора словообразовательных аффиксов. Однако ненецкое прилагательное обладает рядом специфических признаков, которые ставят вопрос о типологии частей речи в языках разных систем. Прежде всего, возникает вопрос о «глагольных» признаках прилагательного, поскольку в предикативной функции оно принимает лично-предикативные, временные и некоторые другие показатели, а также образует отрицательную форму по глагольному типу.

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили полевые материалы автора, собранные в разные годы в местах проживания лесных (пп. Варьёган, Нумто Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, н.п. Тарко-Сале, Харампур, стойбище Военто Ямало-Ненецкого автономного округа) и тундровых (ямальских и гыданских) ненцев. Многие из них впоследствии были опубликованы [Кошкарёва, Буркова, Шилова, 2003; Буркова, 2003; Турутина, 2003; Буркова, 2004; Кошкарёва, 2005; Диалектологический словарь, 2010; Сказки Татвы, 2016; Фольклор, 2018; Фольклор, 2020]. Мы не даем ссылки на опубликованные материалы, так как в ряде случаев в публикации они сопровождаются литературным переводом, а в данной работе приводится перевод, максимально точно отражающий грамматическую природу высказывания. Часто в процессе расшифровки текстов на базе оригинального высказывания строилась его парадигма или вносились те или иные изменения – лексические или грамматические, обычные для элицитации, поэтому опубликованные примеры в текстах фольклорных произведений могут несколько отличаться от приводимых в данной статье, несмотря на их очевидное сходство. В примерах на тундровом ненецком языке соблюдаются нормы действующей орфографии, для лесного (нешанского) языка отражаются особенности произношения одних и тех же слов в разных говорах (например, пур. *дяля* / аган. *тяля* / нумт. *яля* ‘день’, стяженные формы, отсутствие гортанных смычных в ряде позиций в отдельных говорах и т. п.), поскольку орфографические нормы еще не утвердились окончательно, а произвольная унификация написания может привести к утрате значимых для территориальных разновидностей различительных черт.

Результаты и обсуждение

Предикативные прилагательные в ненецком языке употребляются в двух типах предложений – качественной характеристики и состояния, границу между которыми не всегда удается провести однозначно. Характеризация трактуется обычно как признак, постоянно присущий субъект, а состояние предполагает ограничение во времени.

Предложения качественной характеристики представляют собой класс именных конструкций, в которых конкретному предмету или событию приписывается единичный постоянный признак, например: лесн. аганск. *Пы́т ытялы́” ламту* ‘Брат твой низенький’; тундр. ямальск. *Тэтанди́ нэнада ханюй, [уаха”на хаясь]* ‘Постель вашего хозяина холодная, [он давно ушел]’.

Субъектом характеристики может быть:

– лицо, выраженное именем существительным или местоимением или не названное в высказывании, если на него указывает ближайший контекст: лесн. аганск. *Нюнт ню уа’лмай* ‘Твоя внучка большой стала, оказывается’; тундр. ямальск. *Халцокэй уэвы* ‘[Он] оказался проворным’; тундр. антипаютинск. *Тадахав уарка Тэта Вэра лыбкуй уэвы* ‘Старший Вэра оказался сговорчивым’;

тундр. приуральск. *Няхар*” *нинеками, няхар*” *Хэнокоми мал’ несавэй*” ‘Трое моих братьев, трое моих Хэно уже все женаты’;

– представитель флоры и фауны: лесн. аганск. *Чики калэ*” *кала*” ‘Эти лиственницы кривые’; тундр. приуральск. *Харвар мээ нэвы*, [*ханзеркарт’ мэита янгу*] ‘Лиственница-то была крепкая, [никак нельзя ее сломать]’; лесн. аганск. *Пы’та ка’птхатюта чахалиу нэхэ*” *уахан* ‘Его два быка очень сильные’;

– натурфакты: тундр. сеяхинск. *Хасарё сё ёря нэвы* ‘Протока, оказывается, глубокая’; тундр. сеяхинск. *Яха и’ сермада нум’лаха* ‘Вода в реке голубая’ (букв.: как небо); тундр. сеяхинск. *Яха’ марада таб* ‘Дно у реки песчаное’; лесн. аганск. *Чахи пай чахалиу на’лка* ‘Тот камень очень большой’; тундр. антипаютинск. *Тюку тудакко уабтасавэй* ‘Этот гриб ядовитый’;

– артефакты: лесн. аганск. *Чики кансо*” *на’лка нэмай* ‘Этот слопец большим был, оказывается’; тундр. ямальск. *Нынами савахав нэвы* ‘Мой лук-то, оказывается, неплохой’; тундр. сеяхинск. *Янамбовна! Лата ний салт. Мань тандая халтавась* – Осторожно! Пол скользкий. Я его только что помыла;

– обозначения природных явлений: лесн. аганск. *Чен нумта тюпажахаи* ‘Вчера погода, кажется, теплой была’; тундр. приуральск. *Сырада салмуи* ‘[Вокруг чума] снег не тронут’ (букв.: снег его ровный);

– события: тундр. ямальск. *Ня’ терта савась* ‘Разговор (букв.: рот-GEN содержимое-POSS ‘содержимое рта’) был хорошим’;

– абстрактные понятия: лесн. аганск. *Тайна вы’ няна чики понта ла’к, вы няну пейлата* ‘Там на стороне тундры расстояние маленькое, сторона тундры’; и др.

Позицию сказуемого занимают прилагательные, характеризующие субъект с разных сторон:

– физические качества и свойства живых и неживых предметов: тундр. ямальск. *Тики намдёдами, сидя намдёдами наркаркаха’ нэвэхэ’* ‘Вот эти двое (букв.: два моих) сидящих оказались **крупноватыми**’; лесн. аганск. *Ванта, кама ши’ти” тежеласанав, ман” пон ха”нуташи”* ‘Ванта, разве ты меня не знаешь, я ведь всегда был сильным’; тундр. сеяхинск. *Неро нынеуацянда манэць пяда – мал еся нын нэвы, сидя еся мунгацяда – мал еся мунгаха’ нэвэхэ’* ‘Начал он ивовый лук рассматривать: оказывается, лук **железный**, две ивовые стрелы тоже **железные**’;

– возраст: лесн. аганск. *Мань нючат, [уупухуна тамна мэнат]* ‘Я **был маленький**, [в люльке еще лежал]’;

– черты характера: лесн. аганск. *Няймаа” вайма шелу-утеч татянуэмти” маюхоу наймэхен* ‘К сожалению, у них было одно плохое свойство : они **были жадными**’;

– социальный статус: тундр. приуральск. [*Хэваханандо’ сидя мангабада Мандо илевэхэ’.*] *Нули” мангабавэхэ’* ‘[Возле них жили два бедных энца. Они] были совсем бедными’;

– субъективного восприятия и оценки: лесн. аганск. *Тиливсамаа” ваймаиш* ‘Жизнь ведь наша ведь **плохой была**’; *Пы’т калау чахалиу хомаиш* ‘Твой нож был очень **хороший**’;

Кроме того, прилагательные могут обозначать состояние субъекта: лесн. аганск. [*Нон ха’тато” витямта тя’ка” нянай, тат тэхэтёта тянукахаля”*,] *канэхену намэхен* ‘[Один из сильных начал развязывать свою веревку, шевельнул своих оленей хореом, они] **оказались мертвыми**’.

Частотность подобных примеров в естественных текстах не очень высока, поскольку необходимость описывать известные предметы в повседневном общении возникает редко. Как правило, характеристика требуется тогда, когда субъект обладает яркими отличительными чертами или они оказываются неожиданными для говорящего. Поэтому предложения качественной характеристики часто появляются в контрастных контекстах или сообщают о вновь выявленных свойствах, не известных ранее, с чем связана типичная для них эвиденциальная семантика.

Во многих языках значения характеристики и состояния выражаются разными типами конструкций: характеристика – именным предложением, состояние – глагольным, но возможны и разного рода пересечения. Способность ненецкого прилагательного принимать глагольные аффиксы подчеркивает «процессуальный» характер обозначаемого признака.

Присоединение лично-предикативных показателей к существительным и прилагательным в позиции сказуемого отмечается еще в самодийской грамматике М. А. Кастрена: предикативные именные формы могут как склоняться, так и спрягаться, при этом суффиксы имен и глаголов не различаются, к

именной основе могут присоединяться также и показатели времени: *sawam* ‘я хороший’; *sawams* ‘я был хорошим’; *sawamgum* ‘я буду хорошим’ [Castrén, 1854, с. 106].

Г. Н. Прокофьев подразделяет синтаксические формы имени на падежные и предикативные [Прокофьев, 1937, с. 23], последние принимают «суффиксы непереходящего глагола», ср.: *рьдар џиџан* ‘ты маленький’, *рьдар џиџанас* ‘ты был маленький’; ср. *рьдар тон* ‘ты пришел’, *рьдар тонас* ‘ты пришел в прошлом’ [Там же, с. 16].

Личные показатели, оформляющие именную основу, для настоящего и прошедшего времени приведены в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

**Личные показатели для настоящего и прошедшего времени,
служащие оформителями именной основы, выступающей в предложении
в качестве сказуемого [Прокофьев, 1937, с. 34]
Nominal personal affixes for present and past tense [Prokofiev, 1937, p. 34]**

Время	Лицо	I склонение			II склонение		
		Ед.	Дв.	Мн.	Ед.	Дв.	Мн.
Аорист	1	-m (dm)	-niŋ	-waŋ	-dm	-niŋ	-maŋ
	2	-n	-diŋ	-daŋ	-d	-diŋ	-daŋ
	3	–	-hʔŋ	-ŋ	–	-gŋ	-ŋ
Прош. вр.	1	-mz (-damz)	-ninz	-waç	-damz	-ninz	-maç
	2	-nas	-dinz	-daç	-das	-dinz	-daç
	3	-s	-hʔnz	-ç	-s (z)	-ganz	-ç

Г. Н. Прокофьев приводит примеры предикативных форм прилагательного *џиџа* ‘маленький’ (1-го кл. I скл.) в прошедшем времени [Там же, с. 34]:

<i>таџ џиџамз</i>	‘я был маленький’
<i>рьдар џиџанас</i>	‘ты был маленький’
<i>рьда џиџас</i>	‘он был маленький’
<i>таџиŋ џиџаниnz</i>	‘мы (дв.) были маленькими’
<i>рьдариŋ џиџадинz</i>	‘вы (дв.) были маленькими’
<i>рьдиŋ џиџаханz</i>	‘они (дв.) были маленькими’
<i>таџаŋ џиџаваç</i>	‘мы (мн.) были маленькими’
<i>рьдараŋ џиџадаç</i>	‘вы (мн.) были маленькими’
<i>рьдоŋ џиџаç</i>	‘они (мн.) были маленькими’

Парадигма сказуемых форм имени в «Очерке грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка» Н. М. Терещенко включает II класс основ, который подразделяется на две группы, в отличие от единого «второго склонения» у Г. Н. Прокофьева (см. табл. 2). Различия в субпарадигмах обусловлены типом основы – характером конечного звука.

Таблица 2
Table 2

**Личные показатели времён, служащие оформителями именной основы,
являющейся в предложении сказуемым [Терещенко, 1947, с. 129]
Temporal personal affixes of the nominal stem in a predicative position
[Tereshchenko, 1947, p. 129]**

Время	Лицо	I класс основ			II класс основ					
					1-я группа			2-я группа		
		Ед.	Дв.	Мн.	Ед.	Дв.	Мн.	Ед.	Дв.	Мн.
Неопределенное	1	-м, -дм	-ни'	-ва'	-м, -дм	-ни'	-ма'	-тм	-ни'	-ма'
	2	-н	-ди'	-да'	-н	-ди'	-да'	-т	-ди'	-та'
	3	—	-х-'	-'	—	-г'	-'	—	-к'	-'
Прошедшее	1	-мзь			-мзь					
		-манзь	-нинзь	-ваць	-манзь	-нинзь	-маць	-тамзь	-нинзь	-маць
		-дамзь			-дамзь					
2	-нась	-динзь	-даць	-дась	-динзь	-даць	-тась	-тинзь	-таць	
	3	-сь	-х-нзь	-ць	-зь	-ганзь	-ць	-ць	-канзь	-ць

Н. М. Терещенко отмечает, что именная основа, являясь в предложении сказуемым, «оформляется так же, как и глагольная в непереходной форме спряжения, т. е. изменяется по тем же лицам, числам и временам» [Там же, с. 41], и приводит парадигму изменения прилагательного в функции именного сказуемого, сопоставляя с глагольными формами и устанавливая соответствие между ними [Терещенко, 1947, с. 41–42], например:

Тикы хасава нгацекы мякананда сямьхат нюдя.

тикы хасава нгацекы=∅ мя=кана=нда
 этот мужчина ребенок=∅ чум=LOC/Sg=POSS/3Sg/Sg
 сямьхат нюдя=∅
 самый маленький=SUBJ/3Sg

‘Этот мальчик самый маленький в чуме.’

Та мальнггана нюдякодаць.

та мальнггана нюдя=ко=даць
 в то время маленький=DIM=PAST/SUBJ/2PI

‘В то время вы были маленькими.’

Спряжение глагольной и именной основ [Терещенко, 1947, с. 129–132]
Conjugation of verbal and nominal stems [Tereshchenko, 1947, p. 129–132]

Время	Число	Лицо	Глагол	Имя
			<i>тось</i> ‘прийти’, ‘приехать’	<i>нюдяко</i> ‘маленький’
Неопределённое	Ед.	1	то-дм	нюдяко-дм
		2	то-н	нюдяко-н
		3	то	нюдяко
	Дв.	1	то-ни’	нюдяко-ни’
		2	то-ди’	нюдяко-ди’
		3	то-нгаха’	нюдяко-хо’
	Мн.	1	то-ва’	нюдяко-ва’
		2	то-да’	нюдяко-да’
		3	то-’	нюдяко-’
Прошедшее	Ед. ч.	1	то-дамзь	нюдяко-дамзь
		2	то-нась	нюдяко-нась
		3	тю-сь	нюдяко-сь
	Дв. ч.	1	то-нинзь	нюдяко-нинзь
		2	то-динзь	нюдяко-динзь
		3	то-нгаханзь	нюдяко-хонзь
	Мн. ч.	1	то-ваць	нюдяко-ваць
		2	то-даць	нюдяко-даць
		3	то-ць	нюдяко-ць

Т. Салминен, однако, подчеркивает отсутствие полного изоморфизма между лично-предикативными парадигмами имен и глаголов [Salminen, 1997, с. 93]: аффиксы двойственного и множественного числа присоединяются к именным основам непосредственно, тогда как глагольные формы требуют определенного видоизменения основы – присоединения форманта *=на=*, ср. формы прилагательного *xangeq* (*ханэ*”(*θ*)) ‘умный’ и глагола *mebyeq-* (*мэбе*”-) ‘быть сильным’, основы которых оканчиваются одинаково – гортанным смычным. В 1-м л. ед. ч. они оформляются показателями *-d^om / -t^om*, а во 2-м л. ед. ч. *-n / -t^o*: если лично-числовой показатель присоединяется к именной основе, оканчивающейся на гортанный смычный, используется «глухой» вариант аффикса как результат фонетических процессов на стыке морфем; после глагольного форманта *=на=* используется «звонкий» вариант аффикса:

1Sg	<i>xange=t^om</i> умный=SUBJ/1Sg ‘я умный’	<i>mebyeq=nga=d^om</i> сильный=VRBLZ=SUBJ/1Sg ‘я сильный’
2Sg	<i>xange=t^o</i> умный=SUBJ/2Sg ‘ты умный’	<i>mebyeq=nga=n^o</i> сильный=VRBLZ=SUBJ/2Sg ‘ты сильный’
3Sg	<i>xangeq=∅</i> умный=SUBJ/3Sg ‘он умный’	<i>mebyeq=nga=∅</i> сильный=VRBLZ=SUBJ/3Sg ‘он сильный’

Статус аффикса =*ya*= не вполне ясен: он определяется либо как словоизменятельный – показатель времени (при том, что аорист обычно не имеет собственного морфологического показателя), либо как словообразующий, оформляющий глагольную основу, возможно аспектуального типа. Мы обозначили его в глоссах условно как вербализатор.

М. А. Кастрен отмечает возможность употребления именного сказуемого без вспомогательного глагола в форме будущего времени, например: *sawangum* ‘я буду хорошим’ и *niseŋum* ‘я буду отцом’ [Castrén, 1854, с. 167]. Н. М. Терещенко реконструирует данные формы для тундрового ненецкого языка следующим образом:

sāwəŋum'
sāwa=ŋgu=m'
 хороший=FUT=SUBJ/1Sg
 ‘Я буду хорошим.’

niśaŋum'
niśa=ŋgu=m'
 отец=FUT=SUBJ/1Sg
 ‘Я буду отцом’ [Терещенко, 1973, с. 167].

Однако для современного состояния тундрового диалекта ненецкого языка синтетическое выражение значения будущего времени не характерно: «Имена в роли сказуемого во всех самодийских языках не образуют ни видовых форм, ни форм наклонений, не имеют они и формы будущего времени» [Терещенко, 1973, 16]. Форма будущего времени образуется аналитически:

тундр. *Mer' narkadm' uŋgudm'*. [Терещенко, 1973, с. 159]
 мер' нарка=dm' ŋə=ŋgu=dm'
 скоро большой=SUBJ/1Sg быть=FUT=SUBJ/1Sg
 ‘Скоро я буду большим.’

В нашей картотеке синтетических форм будущего времени предикативного прилагательного не зафиксировано, все примеры содержат аналитические конструкции именного сказуемого: тундр. ямальск. [*Мякы мякана сидя не танянуху*']. *Няби не нарка уэгу, няби ламдикако уэгу* ‘[Внутри чума будут две женщины.] Одна из женщин **будет большая**, другая **низенькая**’; тундр. ямальск. [*Наркаюм' не едам' пиренгу*], *намзида ялариндо' туд" уэгу"* ‘[Большая из женщин сварит обед,] мясо **будет жирное**’.

Отрицательные конструкции образуются аналогично тому, как образуются глагольные отрицательные конструкции [Буркова, 2010, с. 275]: вспомогательный отрицательный глагол *нись* ‘не быть’ принимает временные и лично-числовые показатели субъектного спряжения, вспомогательный бытийный глагол *уэсь* ‘быть’ в составе именного сказуемого оформляется аффиксом коннегativa:

лесн. ненецк. [*Найля четау на'лка" пу'ша" маништу"-э: «Талям уамы, метя,] уаш-ки кэт ни уэ́т.*
[Уамы ватата татя, ненсамана ватамта мэ'ты.] Вича вайма ни уэ́т».

нашки=∅	кэт	ни=∅	ŋə=г
ребенок=NOM/Sg	хитрый	NEG=SUBJ/3Sg	быть=CONNEG
ви=∅=ча	вайма	ни=∅	ŋə=г
ум=NOM/Sg=POSS/3Sg/Sg	плохой	NEG=SUBJ/3Sg	быть=CONNEG

Букв: ребенок хитрым не будет, его ум плохим не будет.

‘[Поэтому сейчас старшие женщины говорят: «Так-то вот, невестка,] ребенок не должен быть хитрым. [Какое слово есть, прямо надо говорить.] И мысли у него не должны быть плохими.’

Таким образом, прилагательное в позиции сказуемого может принимать показатели лица и числа по типу субъектного спряжения, а также показатели прошедшего времени (в диахронии также, возможно, и будущего времени). Глагольная парадигма в именном сказуемом реализуется не в полном

объеме: аффиксы объектного и рефлексивного спряжения к именному сказуемому не присоединяются по семантическим причинам, так как они типичны для предложений акциональной семантики.

Возможность ненецкого «прилагательного» в позиции сказуемого изменяться по лицам, числам и временам ставит вопрос о его частеречной принадлежности. А. П. Володин отрицает наличие традиционно определяемого прилагательного в ненецком языке [Володин, 2004; Шитц, 2012]. Слова с прототипическими для прилагательных значениями размера, цвета, возраста, ценности, физических свойств, скорости, качественных характеристик человека в ненецкой лексикографической традиции часто определяются как глаголы, видимо, в силу того, что в позиции сказуемого они спрягаются. Соответственно, акцент смещается с выражения характеристики как постоянно присущего признака на выражение процессуальности. В перспективе было бы интересно проверить возможности

На шкале переходности между полюсами «имя» и «глагол» могут располагаться такие классы слов, которые в разной мере обладают как именными, так и глагольными признаками, некоторые из них тяготеют к полюсу «имени», другие к полюсу «глагольности» [Wetzer, 1996; Sasse, 2001].

По ряду своих свойств ненецкое «прилагательное» соответствует именным характеристикам: в препозиции к существительному оно выступает в роли определения. В позиции сказуемого оно подобно глаголу, так как принимает показатели лица, числа и времени, однако совпадает с ним не полностью, так как другие типичные глагольные категории, такие как модальность и аспектуальность, выражаются только аналитически. Полную парадигму аналитических форм именного сказуемого мы опишем в отдельной статье, а здесь приведем только один пример, чтобы показать, насколько сложно может быть устроена позиция именного сказуемого. В данном случае в состав сказуемого входят два вспомогательных глагола – отрицательный глагол *нись* ‘не быть’, который принимает грамматические показатели, и бытийный глагол *уэсь* ‘быть’ в форме коннегатива:

Тад нябимдей’ ладбата уани’, уэвами наүадя нивндараха уа” [Буркова, 2010, с. 299]

тад нябимдей лад=ба=та хани’ һэва=ми
затем вторично ударять=COND=3Sg снова голова=NOM/Sg:POSS/1Sg

наүадя ни=вида=раха=Ø уа=”
целый NEG=EV=APPROX=SUBJ/3/Sg быть-CONNNEG

‘Если он ударит другой раз, кажется, моя голова не будет цела’.

Соответственно, именное сказуемое, в отличие от глагольного, выражает отрицание, аспектуальные и модальные категории аналитически, соответствующие аффиксы присоединяются к вспомогательному глаголу.

Заключение

Парадигма именного сказуемого в ненецком языке включает не только лично-числовые и временные формы, но также и аналитические конструкции, в которых имя прилагательное сочетается со вспомогательными глаголами для выражения отрицания, модальных или аспектуальных значений. Набор глагольных категорий, которые может принимать именное сказуемое, ограничен: возможны аффиксы только субъектного спряжения, регулярны формы прошедшего времени, тогда как формы будущего времени отмечены только в источниках, относящихся к XIX в., в современных текстах для выражения будущего времени используется аналитическая конструкция; при этом аналитическое выражение отрицания соответствует глагольному типу.

На шкале переходности ненецкое прилагательное занимает место, сближающее его с глагольными формами. В типологии используются понятия *NOUNY / VERBY word classes*, а также *nouns* и *nerbs* [Hengeveld, 1992a, Hengeveld 1992b; Wetzer, 1996; Sasse 2001; и др.], которые позволяют признать существование континуума между прототипическими именами и глаголами, в котором ненецкое прилагательное занимает промежуточное положение.

В электронном атласе WALs (<https://wals.info/>) содержится отдельная карта, посвященная грамматическому кодированию предикативных прилагательных [Stassen, 2013]. Всего в выборке представлено 386 языков, из них: в 151 наблюдается глагольное кодирование, в 132 – неглагольное кодирова-

ние, в 103 – смешанное кодирование. Грубо округляя, разные типы кодирования представлены более или менее равномерно – приблизительно по трети на каждый тип.

Для ненецкого языка показано неглагольное кодирование предикативных прилагательных, при котором грамматическое оформление глагольных и именных сказуемых различается. Ссылка дается на работу [Décsy, 1968], в которой данный вопрос попросту не освещается, а не отрицается возможность глагольного кодирования. Использование источника, в котором содержатся неполные данные, приводит к искажению картины. При этом для юкагирского языка отмечается возможность глагольного кодирования, общность определенных грамматических механизмов в этих языках задает систему ожиданий, в которой эти грамматические подсистемы обладали бы чертами сходства, что и показывают проанализированные работы и фактический материал: в ненецком языке представлены обе стратегии – и глагольного, и неглагольного кодирования предикативных прилагательных.

При этом отнести ненецкий язык к третьему – смешанному – типу, при котором для предикативных прилагательных возможно и глагольное, и именное кодирование, все-таки нельзя, так как в WALS заявлен только семантический критерий, в соответствии с которым учитывается противопоставление постоянных и непостоянных признаков: если предикативное прилагательное передает постоянный признак (характеризацию), то оно маркируется по именному типу, если оно обозначает состояние, временный или случайный признак – по глагольному.

Для ненецкого в основе противопоставления лежит грамматический признак: глагольный тип маркирования используется для выражения отрицания, персональности и прошедшего времени, именной тип маркирования – при помощи аналитической конструкции – для выражения модальности и аспектуальности. Таким образом, материалы ненецкого языка позволяют уточнить основания типологии, выделить в смешанном типе дополнительный подтип, который связан с грамматическими, а не семантическими признаками конструкции.

Определение частеречной принадлежности ненецких прилагательных как морфологического класса затрудняется их нестандартным поведением в предикативной позиции. На наш взгляд, целесообразнее характеризовать не переходные признаки того или иного морфологического класса слов, а степень грамматикализации синтаксических отношений, т. е. признать, что аффиксами «сказуемости» оформляются не «части речи», а «синтаксические позиции», тогда возможность лично-предикативного и временного оформления будет относиться к характеристике не прилагательного, а сказуемого как центрального члена предложения, для которого эти значения типичны и обязательны. Тогда типологическую классификацию именных предложений можно строить в зависимости от степени грамматикализации членов предложения, а не частей речи: любая часть речи как лексическая категория может потенциально оказываться в любой синтаксической позиции, при этом ее морфологические свойства либо полностью соответствуют требованиям этой позиции и тогда они выражаются самой этой формой, либо требуют дополнительного – аналитического – маркирования.

Список литературы

Буркова С. И. Лесной диалект ненецкого языка (пуровский говор) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 10. Экспедиционные материалы. Новосибирск, 2003. С. 141–183.

Буркова С. И. Образцы текстов на лесном диалекте ненецкого языка (пуровский говор) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 13. Экспедиционные материалы. Новосибирск, 2004. С. 149–162.

Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа) // Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 179–349.

Вербов Г. Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 3–190.

Володин А. П. Ненецкие «прилагательные» // Вопросы урало-алтайской лингвистики. Санкт-Петербург, 2004. С. 56–61.

Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2010. 350 с.

Кошкарева Н. Б. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка: Часть первая. Синтаксические связи. Новосибирск, 2005. 334 с.

- Кошкарёва Н. Б., Буркова С. И., Шилова В. В. Образцы текстов на лесном диалекте ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 7. Часть 2. Новосибирск, 2003. С. 3–91.
- Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов / Под ред. Г. Н. Прокофьева. М., Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937. С. 5–52.
- Салминен Т. К вопросу о классификации ненецких диалектов и говоров // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 2A: Summaria dissertationum. Debrecen, 1990. С. 243.
- Сказки Татвы: сборник фольклорных произведений на лесном диалекте ненецкого языка / Сост.: Татва и Алла Логаны. Отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Вып. 1. Ханты-Мансийск, 2016. 212 с.
- Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л., 1947. 272 с.
- Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 282 с.
- Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 942 с.
- Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973. 323 с.
- Турутина П. Г. Нешаң ванлат, шотпялс": Легенды и сказки лесных ненцев. Новосибирск, 2003. 107 с.
- Фольклор ямальских ненцев / Сост. Н. М. Янгасова; отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. СПб.: Историческая иллюстрация, 2018. 223 с.
- Фольклор ямальских ненцев. Вып. 2. Фольклор сеяхинских ненцев / Сост. Л. О. Окоэтто; науч. ред. Н. Б. Кошкарёва. Воронеж: ООО «Алекс Принт», 2020. 183 с.
- Шуца О. А. Атрибутивная группировка словоформ качественной семантики в уральских языках: в сравнительно-сопоставительном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 141 с.
- Castrén M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854. 631 p.
- Décsey G. Yurak chrestomathy. Bloomington: Indiana University Press, 1968. 107 p.
- Hajdú P. The Samoyed peoples and languages. Bloomington: Indiana University, 1963. 113 p.
- Hengeveld K. Parts of speech // Layered structure and reference in a functional perspective / M. Fortescue, P. Harder, L. Kristofferson (Eds.). Amsterdam, Benjamins, 1992a, pp. 29–56.
- Hengeveld K. Non-verbal predication: Theory, typology, diachrony. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992b.
- Nikolaeva I. A grammar of Tundra Nenets. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. 511 p.
- Salminen T. Phonological criteria in the classification of the Nenets dialects // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum* 3C. Debrecen, 1990. Pp. 344–349.
- Salminen T. Word classes in Nenets: (and a few words about their Uralic parallels) // *Festschrift für Raija Bartsch*, zum 25.10.1993 (MSFOu 215). Helsinki, 1993. Pp. 257–264.
- Salminen T. Tundra Nenets inflection. Helsinki, 1997. 155 p.
- Salminen T. A morphological dictionary of Tundra Nenets. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1998 a. 544 p.
- Salminen T. Nenets // *The Uralic languages*. London: Routledge, 1998 b. Pp. 516–547.
- Sasse H.-J. Scales between *nouniness* and *verbiness* // *Language typology and language universals. An international handbook* / Ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible. Vol. 1. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001. Pp. 495–509.
- Stassen L. Predicative Adjectives // *The World Atlas of Language Structures Online* / Dryer M., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (Available online at <http://wals.info/chapter/118>).
- Wetzer H. The typology of adjectival predication (Empirical approaches to language typology, 17.) Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 1996. 398 с.

References

Burkova S. I. Kratkij ocherk grammatiki tundrovogo dialekta neneckogo yazyka (po materialam govorov, rasprostranennyh na territorii Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga) [A brief essay on the grammar of the Tundra dialect of the Nenets language (based on subdialects of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)].

In: *Dialektologicheskij slovar' neneckogo yazyka* / Pod red. N. B. Koshkarevoj. Ekaterinburg: Basko, 2010, pp. 179–349. (In Russ.)

Burkova S. I. Lesnoj dialekt neneckogo yazyka (purovskij govor) [Forest dialect of the Nenets language (Pur subdialect)]. In: *Yazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2003, iss. 10, pp. 141–183. (In Russ. and Nenets)

Burkova S. I. Obrazcy tekstov na lesnom dialekte neneckogo yazyka (purovskij govor) [Samples of texts in the Forest dialect of the Nenets language (Pur subdialect)]. In: *Yazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2004, iss 13, pp. 149–162. (In Russ. and Nenets)

Castrén M. A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg, 1854. 631 p.

Décsy G. *Yurak chrestomathy*. Bloomington, Indiana University Press, 1968. 107 p.

Dialektologicheskij slovar' neneckogo yazyka [Dialectological dictionary of the Nenets language] / Pod red. N. B. Koshkarevoj. Ekaterinburg: Basko, 2010. 350 p. (In Russ.)

Fol'klor yamal'skih nencev [Folklore of the Yamal Nenets] / Sost. N. M. Yangasova; otv. red. N. B. Koshkaryova. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustraciya, 2018. 223 p. (In Russ. and Nenets)

Fol'klor yamal'skih nencev. Vyp. 2. Fol'klor seyahinskih nencev [Folklore of the Yamal Nenets. Iss. 2. Folklore of the Seyakha Nenets] / Sost. L. O. Okotetto; nauch. red. N. B. Koshkaryova. Voronezh: OOO «Aleks Print», 2020. 183 p. (In Russ. and Nenets)

Hajdú P. *The Samoyed peoples and languages*. Bloomington: Indiana University, 1963. 113 p.

Hengeveld K. Parts of speech. In: Michael Fortescue, Peter Harder & Lars Kristofferson (Eds.), *Layered structure and reference in afunctional perspective*. Amsterdam, Benjamins, 1992a, pp. 29–56.

Hengeveld K. *Non-verbal predication: Theory, typology, diachrony*. Berlin, Mouton de Gruyter, 1992b.

Koshkareva N. B. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta neneckogo yazyka: Part 1. Sintaksicheskie svyazi* [Essays on the syntax of the Forest dialect of the Nenets language. Part 1. Syntactic relations]. Novosibirsk, 2005. 334 p. (In Russ.)

Koshkareva N. B., Burkova S. I., Shilova V. V. Obrazcy tekstov na lesnom dialekte neneckogo yazyka [Sample texts in the Forest dialect of the Nenets language]. In: *Yazyki korennyh narodov Sibiri*. Novosibirsk, 2003, iss. 7, part 2, pp. 3–91. (In Russ. and Nenets)

Nikolaeva I. A. *grammar of Tundra Nenets*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2014. 511 p.

Prokof'ev G. N. Neneckij (yurako-samoedskij) yazyk [Nenets (Yurako-Samoyed) language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Chast' I. Yazyki i pis'mennost' samoedskih i finno-ugorskih narodov* [Languages and writing of the peoples of the North. Part 1. Languages and writing of the Samoyedic and Finno-Ugric peoples] / Pod red. G. N. Prokofeva. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1937, p. 5–52. (In Russ.)

Salminen T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1998 a. 544 p.

Salminen T. K voprosu o klassifikacii neneckih dialektov i govorov [To the question of the classification of Nenets dialects and subdialects]. In: *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 2A: Summaria dissertationum*. Debrecen, 1990. P. 243. (In Russ.)

Salminen T. Nenets. In: *The Uralic languages*. London: Routledge, 1998 b, pp. 516–547.

Salminen T. Phonological criteria in the classification of the Nenets dialects. In: *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 3C*. Debrecen, 1990, pp. 344–349.

Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki, 1997, 155 p.

Salminen T. Word classes in Nenets: (and a few words about their Uralic parallels). In: *Festschrift fur Rai-ja Bartens, zum 25.10.1993* (MSFOu 215). Helsinki, 1993, pp. 257–264.

Sasse H.-J. Scales between *nouniness* and *verbiness*. In: *Language typology and language universals. An international handbook* / Ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible. Vol. 1. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2001, pp. 495–509.

Shitc O. A. *Atributivnaya gruppировка slovoform kachestvennoj semantiki v ural'skih yazykah: v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte* [Attributive grouping of word forms of qualitative semantics in the Uralic languages: in a comparative aspect]: Dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2012. 141 s.

Skazki Tatvy: sbornik fol'klornyh proizvedenij na lesnom dialekte neneckogo yazyka [Tatva's tales: a collection of folklore in the Forest dialect of the Nenets language] / Sost.: Tatva i Alla Logany. Otv. red. N. B. Koshkareva. Hanty-Mansijsk, 2016. 212 p. (In Russ. and Nenets)

Stassen L. Predicative Adjectives // *The World Atlas of Language Structures Online* / Dryer M., Haspelmath M. (eds.). Leipzig, Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (Available online at <http://wals.info/chapter/118>).

Tereshchenko N. M. *Materialy i issledovaniya po yazyku nencev* [Materials and research on the Nenets language]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1956. 282 p. (In Russ.)

Tereshchenko N. M. *Nenecko-russkij slovar'* [Nenets-Russian Dictionary]. Moscow: Sov. enciklopediya, 1965. 942 p. (In Russ. and Nenets)

Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki neneckogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Nenets (Yurac-Samoyed) language]. Leningrad, 1947. 272 p. (In Russ.)

Tereshchenko N. M. *Sintaksis samodijskih yazykov* [Syntax of the Samoyedic languages]. Leningrad, Nauka, 1973. 323 p. (In Russ.)

Turutina P. G. *Neshang vanlat, shotpyals': Legendy i skazki lesnyh nencev* [Legends and Tales of the Forest Nenets]. Novosibirsk, 2003. 107 p. (In Russ. and Nenets)

Verbov G. D. *Dialekt lesnyh nencev* [Forest Nenets Dialect]. In: *Samodijskij sbornik* [Samoyed collection of scientific papers]. Novosibirsk, 1973, pp. 3–190. (In Russ.)

Volodin A. P. *Neneckie «prilagatel'nye»* [Nenets «adjectives»]. In: *Voprosy uralo-altajskoj lingvistiki* [Issues of Ural-Altai linguistics]. Sankt-Peterburg, 2004, pp. 56–61. (In Russ.)

Wetzer H. *The typology of adjectival predication* (Empirical approaches to language typology, 17) Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1996, 398 p.

Список условных обозначений

аган. – аганский говор лесного ненецкого языка; **антипают.** – антипаютинский говор тундрового ненецкого языка; **лесн.** – лесной ненецкий (нешанский) язык; **нум.** – нумтовский говор лесного ненецкого языка; **приур.** – приуральский говор тундрового ненецкого языка; **пур.** – пуровский говор лесного ненецкого языка; **сеях.** – сеяхинский говор тундрового ненецкого языка; **тундр.** – тундровый ненецкий язык; **ям.** – ямальский говор тундрового ненецкого языка; **ABL** – отложительный падеж; **ACC** – винительный падеж; **AFFR** – утвердительный аффикс; **APPROX** – аффикс кажущегося действия; **APR** – аффикс приблизительного количества; **ASS** – уподобительный аффикс; **AUG** – увеличительный аффикс; **COND** – условная форма глагола; **CONJ** – конъюнктив; **CONNEG** – коннегатив; **DAT** – дательный падеж; **DEF** – аффикс неполноты качества; **DEGR** – аффикс степени обладания признаком; **DEST** – предназначительный аффикс; **DIM** – уменьшительный аффикс; **Du** – двойственное число; **DUR** – аффикс длительности действия; **FUT** – будущее время; **GEN** – родительный падеж; **CONV** – неопределенно-деепричастная форма; **НAB** – аффикс обычного вида действия; **HORT** – побудительное наклонение; **IMP** – повелительное наклонение; **INTRG** – вопросительный аффикс; **LOC** – местно-творительный падеж; **MOM** – аффикс однократного действия; **NEG** – отрицательный глагол; **NOM** – именительный падеж; **obj** – показатель числа объекта; **OBJ** – объектное спряжение; **OBL** – долженствовательное наклонение; **PAST** – прошедшее время; **Pl** – множественное число; **POSS** – притяжательный аффикс; **PP** – причастие прошедшего времени; **PRON** – местоимение; **PrP** – причастие неопределенного времени; **PRTCL** – частица; **PROB** – предположительное наклонение; **QUAL** – аффикс качественных отыменных прилагательных со значением обладания признаком, который назван основой; **refl** – показатель субъектно-безобъектного спряжения; **REFL** – лично-числовые аффиксы субъектно-безобъектного спряжения; **Sg** – единственное число; **SLCT** – аффикс избирательности; **SUBJ** – субъектное спряжение; **TRANS** – транслатив; **VN_{impf}** – имя процесса действия; **VN_{prf}** – имя прошлого действия; **VN_{Loc}** – имя действия, обозначающее место или время действия.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.05.2022*

Сведения об авторе

Кошкарева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, зав. сектором языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, зав. кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4578-6591

Information about the Author

Natalia B. Koshkareva – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Siberian Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of General and Russian Linguistics of the Humanities Institute of Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4578-6591

ФОНЕТИКА

УДК: 81'342.41

DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-73-81

Ранее не описанный тип гласных: дуфоны

Н. С. Уртегешев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Детальный акустический анализ лингвистического материала по разным языкам (башкирский, сургутский диалект хантыйского, ороchonский, язык меннонитов) позволил выявить новый тип гласных, который ранее в научной литературе не был описан. Такие гласные звуки мы назвали дуфонами и дали им следующее определение: дуфоны – полудолгие гортанно-связочные глоттально-нетолчковые (гласные) звуки, структурно сложные – с двумя разнотипными, неравнозначными по длительности вокальными компонентами в пределах одного ядра без глоттальной вставки (например, ба̄, об̄, эа̄).

Ключевые слова

гортанно-связочные (гласные) звуки, вокальное ядро, вокальный компонент, дуфоны, длительность, ороchonский язык, башкирский язык, язык меннонитов, сургутский диалект хантыйского языка

Благодарности

Выражаю благодарность за предоставленный лингвистический материал д-ру филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков АмГУ О. Н. Морозовой (орочонский язык), канд. филол. наук, н. с. Ордена знака почета ИИЯЛ УФИЦ РАН Л. К. Ишкильдиной (башкирский язык), магистранту НГУ К. В. Шиндровой (язык меннонитов).

Для цитирования

Уртегешев Н. С. Ранее не описанный тип гласных: дуфоны // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 73–81. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-73-81

Previously undescribed vowel type: dufons

N. S. Urtegeshev

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

In general phonetics, vowels are considered as speech sounds pronounced without any stricture in the epiglottic cavities, with the lips, tongue, and soft palate playing a special role in their formation. In terms of structure, a distinction is made between monophthongs and diphthongs. We believe vowel formation to be influenced by numerous barriers and regard the role of lips, tongue, and soft palate as secondary one, that is, they provide only additional articulation. Of particular interest is the function of larynx with its different departments and folds. We assign a special role in the formation of vowels to vocal folds. We define vowels as laryngeal-ligamentous glottal-non-glottal and distinguish between laryngeal-rounded and laryngeal-non-rounded sounds. According to this account, a detailed

© Н. С. Уртегешев, 2022

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 1 (iss. 43)

acoustic analysis of linguistic material in different languages (Bashkir, Surgut dialect of Khanty, Orochon, Mennonite language) revealed a new type of vowels that had not been described in the scientific literature before. We termed such vowel sounds *dufons* with the following definition: *dufons* are semi-long laryngeal-ligamentous glottal-nonsilent (vowel) sounds with a complex structure: they have two vocal components of different types and unequal durations within one core without a glottal insertion (for example, \overline{oa} , \overline{ob} , \overline{ea}).

Keywords

Laryngeal-ligamentous (vowel) sounds, vocal core, vocal component, diphones, duration, Orochon language, Bashkir language, Mennonite language, Surgut dialect of the Khanty language

Acknowledgements

I express my gratitude to Doctor of Philology, Head of the Department of Foreign Languages of the AmSU O.N. Morozova (Orochon language), Candidate of Philology, Candidate of the Order of the Badge of Honor of the IAL UFIC RAS L.K. Ishkildina (Bashkir language), master's student of the NSU K.V. Shindrova (Mennonite language) for the linguistic material provided.

For citation

Urtegeshev N. S. Raneё ne opisannyй tip gласnykh: dufony [Previously undescribed vowel type: dufons]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 73–81. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-73-81

«...всякая фонема должна рассматриваться
во всем многообразии ее употребления...» [Зиндер, 1979, с. 17]

Введение

В общей фонетике гласные определяют как класс звуков речи, для которых обязательным является участие голоса при отсутствии какой-либо преграды в надгортанных полостях. Для образования качества гласных важно отсутствие локализованного в каком-либо участке мускульного напряжения, особая роль губ, языка и мягкого нёба. С акустической точки зрения гласные – это звуки с голосовым источником возбуждения и с чётко выраженной формантной структурой. Особая функция гласных заключается в том, что они являются вершиной слога, слогообразующим элементом в сочетаниях звуков речи. Все эти признаки не абсолютны: артикуляционные и акустические различия между гласными и некоторыми сонантами могут вообще отсутствовать (например, между русскими [i] и [i̯] в словах «у Май» [umái] и «май» [mái]). Кроме того, слогообразующим элементом может быть не только гласный, но и согласный. Таким образом, звук речи, обладающий перечисленными особенностями, скорее всего гласный, а не согласный. Фонетическая функция гласных – организация звуковой целостности слога, слова и синтагмы [Бондарко, 1990, с. 105].

Мы определяем гласные как гортанно-связочные звуки, для которых обязательным условием является работа голосовых складок: возможно приглушение (сложный артикуляционный процесс с сохранением работы голосовых складок [Moisik, Hejná, Esling, 2019, с. 220–224]), но неприемлемо глухое произношение (отсутствие голоса). Для образования гласных необязательно подсвязочное давление: необходимые звуко- и типообразующие колебания возникают благодаря мышцам, прикрепленным к голосовым складкам. Различаются гортанно-округленные (*o*, *y*, *ö*, *y̥*) и гортанно-неокругленные (*э*, *и*, *а*, *ы*) гласные. Главным отличительным признаком гласных от согласных мы считаем отсутствие глоттального толчка, характерного для последних. Гласные, по нашему мнению, являются самыми «преградными» звуками речи, поскольку любая дополнительная артикуляция – это не что иное, как фокус или преграда, у гласных их больше, чем у согласных, и выражены они ярче. Смычный фокус для гласных возможен, но он рассматривается как дополнительная артикуляция, а не основная. В отличие от согласных (кроме сонорных), гласные могут быть очень сильно зашумленными, но не могут быть шумными, потому что шумность – это характеристика, свойственная только шумным согласным.

При традиционном подходе артикуляционные классификации гласных строятся на основе следующих признаков: ряд, подъем, наличие / отсутствие лабиализации, наличие / отсутствие назализации. Мы учитываем также наличие / отсутствие гортанно-округленности, глоттализации, глоттальной вставки, вестибуляризации, эпиглоттализации, фарингализации, приглушенности, увуларизации (при соматических исследованиях).

Кроме того, гласные рассматриваются с точки зрения однородности артикуляции, т. е. по структуре: обычно различают монофтонги и дифтонги [Бондарко, 1990, с. 105]. Сюда же можно добавить трехфазовые двудерные прерывистые гласные [Уртегешев, 2021, с. 154–167]. Таким образом, следует различать простые и сложные по структуре звуки, а если учитывать дифтонгоиды, то также и усложненные призвуком.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили изолированные словоформы, записанные от носителей башкирского, орочонского, языка меннонитов, сургутского диалекта хантыйского языка. Звуковые файлы нарезались с помощью компьютерных программ CoolPro, Audacity, анализировались в программе SpeechAnalyzer 3.0.1.

При определении ряда и подъема гласных при помощи компьютерных программ возникает проблема соотношения акустических данных с артикуляционными параметрами. Кроме того, единые требования к обозначению гласных фондов и их соответствие формантам не выработаны. Для достижения единообразия при квалифицировании качества гласных по акустическим показателям нами разработана соответствующая методика, базирующаяся на таблице корреляций акустических и артикуляторных характеристик вокальных компонентов речи [Уртегешев 2020]. Градация количественных показателей гласных и согласных звуков определялась по относительной длительности: 0–60 % – сверхкраткий; 60–100 % – краткий; 100–150 % – полудолгий; 150 % и выше – долгий; свыше 300 % – сверхдолгий. Для определения и визуализации ядерности гласных¹ на базе компьютерной программы Speech Analyzer 3.0.1 нами разработана следующая методика: в настройках *Graph Parameters* в *Display* находим *Frequency*, выставляем 400 Hz; в *Thresholds* в первой строке выставляем от –9.0 до –8.0 dB, а во второй строке – от –9.3 до –8.3 dB; в *Color mode* активируем *mono*; в *Spectral Resolution – Medium Band Filter* (172 Hz).

Фонетическая запись производилась в принятой в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН Универсальной унифицированной транскрипционной системе (УУФТ) В. М. Надеяева [Надеяев, 1960; Уртегешев и др., 2009].

Результаты и обсуждение

Анализ лингвистического материала, полученного от носителей башкирского языка, позволил выявить особый тип гласных, который по структуре, ядерности и числу компонентов отличается от уже установленных. В научной литературе по башкирскому языку такие гласные трактуются как лабиализованные [Билялов, 1928, с. 371; Кiekбаев, 1957, с. 17–19; Максютова, 1976; Гарипов, 1979, с. 231; Миржанова, 1979, с. 173; Миржанова, 2006, с. 18, 142; Дмитриев, 2008, с. 19–22; Уртегешев, Ишкильдина, Хисамитдинова, 2021, с. 12].

Визуальный анализ позволил констатировать у них слабое огубление (лабиализованность), которое не может оказывать заметного влияния на слуховое восприятие. Детальное сегментирование речевого потока по динамической спектрограмме в компьютерной программе Speech Analyzer 3.0.1 позволило выявить у таких гласных два компонента: первый – гортанно-округленный типа «о», второй – гортанно-неокругленный типа «а», например, в слове *ак* ‘белый’ (рис. 1).

Чтобы не путать с другими типами сложных гласных, предлагаем записывать их двумя буквами согласно последовательности компонентов, объединяя верхней лигой – *ба*, показывая тем самым, что это одна фонетическая единица. Предварительно такие гласные мы назвали двухкомпонентными.

Анализ фонетического материала, полученного от носителей сургутского диалекта хантыйского языка, позволил выявить в ряде слов лабиализованный гласный [Уртегешев, Кошкарева, 2017, с. 94],

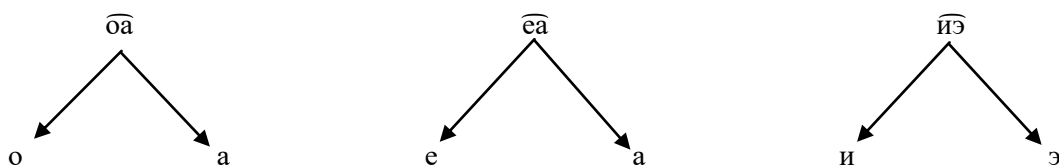
¹ *Вокальное ядро* – непрерывная работа голосовых складок в один отрезок времени при артикулировании гласного с фазами: экскурсии (или переходным участком), выдержки и рекурсии (или переходным участком). По структуре различаем одноядерные и двудерные (прерывистые и дифтонги). У прерывистых гласных различаем три компонента: вокальное ядро + глоттальный согласный + вокальное ядро, а у дифтонгов два компонента: вокальное ядро + вокальное ядро.

который при детальном акустическом анализе оказался похожим на башкирский «ба̄», например, в слове *қон* ‘правитель’ (рис. 2).

В языке менонитов Новосибирской области (рис. 3) и орочононов Китая (рис. 4) выявлен другой двухкомпонентный гласный: оба звукотипа² гортанно-неокругленные – первый типа «и», второй типа «э» – «иэ̄».

Мы допускаем, что в других языках (особого внимания в этом плане заслуживает татарский язык) есть подобные гласные с разным набором типовых настроек в составе единого комплекса одной фонетической единицы, не только «ба̄» и «иэ̄», но и «бы̄», «бе̄» и «ба̄». Такие гласные мы назвали *дуфонами* (два звука). Во всех рассмотренных нами языках дуфоны полудолгие, состоят из двух количественно разных компонентов: один краткий, а второй сверхкраткий. Проанализированный материал позволил дать этим гласным следующее определение: *дуфоны* – полудолгие гортанно-связочные (гласные) звуки, структурно сложные – с двумя разнотипными, неравнозначными по длительности вокальными компонентами в пределах одного ядра без глоттальной вставки (например, оа̄, іе̄, об̄, бе̄, еа̄). Эти гласные на письме обозначаются одной буквой.

У таких гласных наблюдается структурная редукция, в результате которой происходит расщепление на два монофтонга. Выбор того или иного монофтонга у носителей идиом связан с наличием / отсутствием разного рода сингармонизма: лабиального, палатального, по подъему (возможно, включается еще какой-то дополнительный фактор, который предстоит выявить).

В таблице 1 показаны разные характеристики близких по виду вокальных настроек, что доказывает самостоятельность подобных гласных. Дуфоны нельзя отнести к монофтонгам, так как количество разнотипных компонентов в пределах одного вокального ядра различается.

Нельзя считать дуфоны и дифтонгоидами, так как компоненты дуфонов качественно³ различны, а у дифтонгоидов «... гласный имеет в начале (или в конце) незначительный элемент другого, близкого ему обычно по артикуляции гласного несколько неоднородный характер, не производящий еще, однако, впечатления дифтонга. Так, в русском языке гласный *о* обычно начинается с небольшого элемента *у*, а затем переходит через закрытый вариант *о* к открытому, так что его можно фонематически изобразить *ио*... Могут быть и дифтонгоиды со скольжением в конце, например, *ei*, гласный, часто получающийся у лиц, которые учатся произносить [e] закрытое, например, французского или немецкого языков» [Матусевич, 1948, с. 61].

Отнести дуфоны к квазидифтонгам или ложным дифтонгам тоже нельзя, потому что у дуфона оба компонента вокальные, а в финальной позиции квазидифтонгов или ложных дифтонгов находится согласный типа «*ј*» или «*w*». Кроме того, квазидифтонг при словоизменении распадается на два слога [Бондарко, 1990, с. 138], в то время как дуфон всегда относится к одному слогу.

Дуфоны отличаются от дифтонгов тем, что у них два звукотипа сливаются в пределах одного вокального ядра, тогда как дифтонг представляет собой сочетание двух гласных, составляющее один слог [Трахтеров, 1962, с. 65], т. е. фиксируется два вокальных ядра.

Главной отличительной чертой дуфонов от прерывистых гласных является наличие у последних двух ядер и глоттальной вставки между ними.

Таким образом, дуфоны имеют признаки, сближающие их с другими гласными, но в то же время они обладают характеристиками, типичными только для них.

² *Тип гласного* мы определяем как уникальную базовую артикуляционную настройку, порожденную работой голосовых складок и прикрепленных к ним мышц. Однородные гласные объединяются в один звукотип или кластер, например, а, л, α, а, а°, ã, 'а и т. д.

³ Качественная характеристика гласного включает в себя все артикуляционные изменения в речевом тракте выше глоттиса.

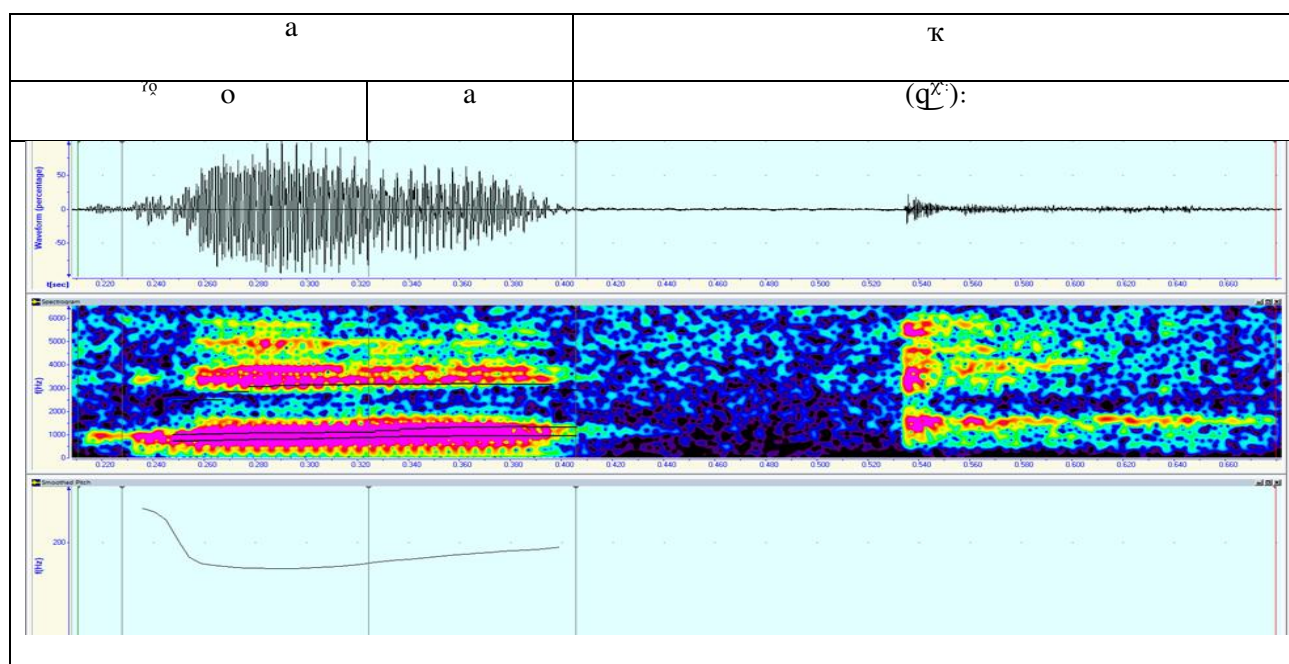

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *ак* [(^oа̄):(q̄^к):] ‘белый’, башкирский язык (о: F₁ = 804 Гц, F₂ = 1070 Гц, F₃ = 3107 Гц; а: F₁ = 945 Гц, F₂ = 1325 Гц, F₃ = 3157 Гц)
 Fig. 1. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *ак* [(^oа̄):(q̄^к):] ‘white’, Bashkir language (о: F₁ = 804 Hz, F₂ = 1070 Hz, F₃ = 3107 Hz; а: F₁ = 945 Hz, F₂ = 1325 Hz, F₃ = 3157 Hz)

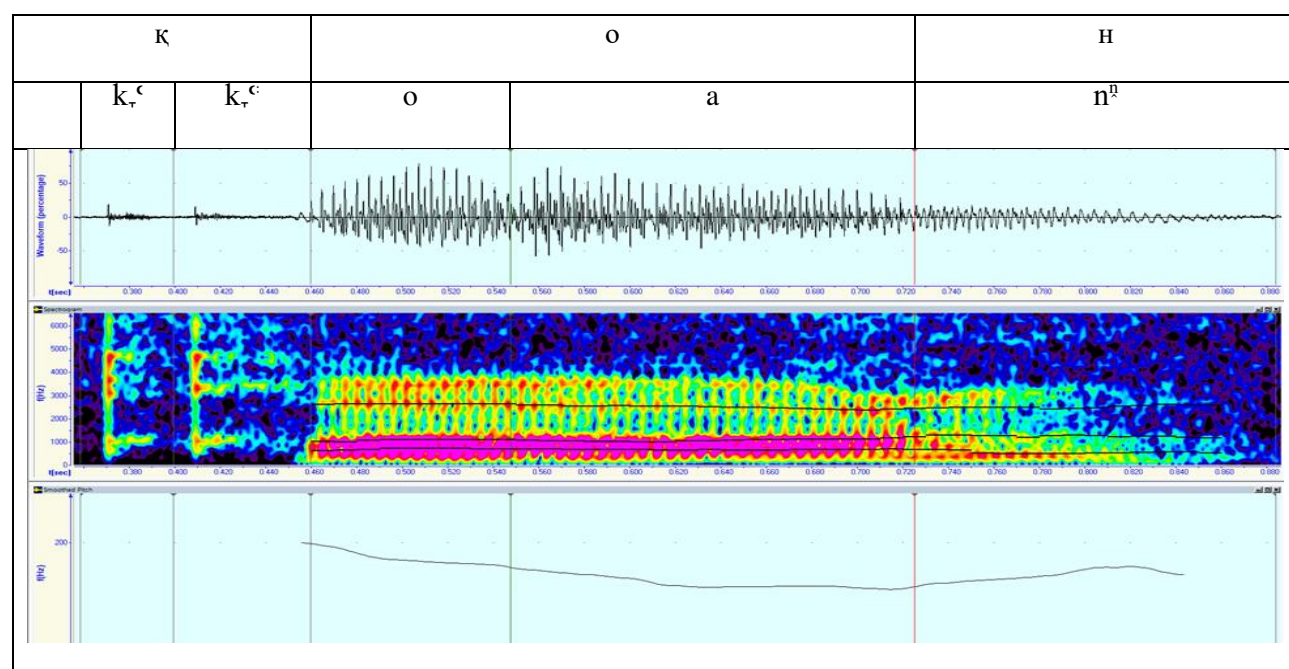

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *кон* [k̄^к:(^oа̄^н):] ‘правитель’, сургутский диалект хантыйского языка (о: F₁ = 713 Гц, F₂ = 1094 Гц, F₃ = 2636 Гц; а: F₁ = 653 Гц, F₂ = 1099 Гц, F₃ = 2502 Гц)
 Fig. 2. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *кон* [k̄^к:(^oа̄^н):] ‘leader’, Surgut dialect of the Khanty language (о: F₁ = 713 Hz, F₂ = 1094 Hz, F₃ = 2636 Hz; а: F₁ = 653 Hz, F₂ = 1099 Гц, F₃ = 2502 Hz)

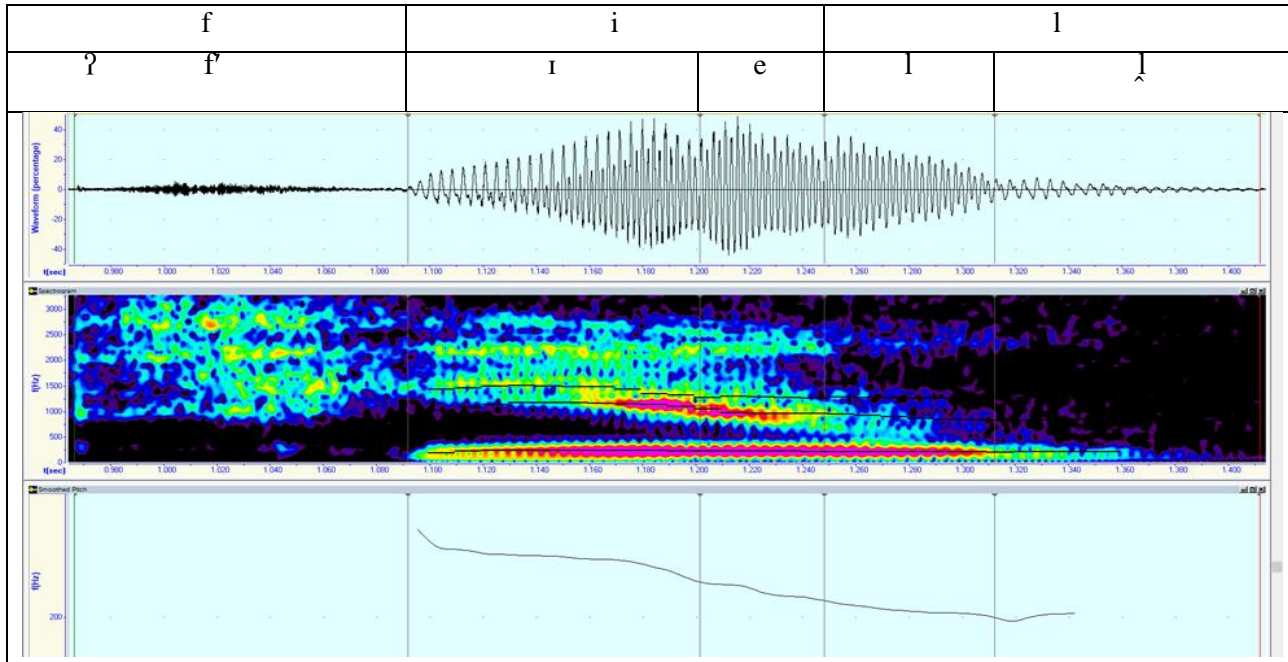

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *fil* [ʔfʰɪ·ɫ] ‘много’, язык меннонитов (ɪ: F₁ = 483 Гц, F₂ = 2335 Гц, F₃ = 2973 Гц; e: F₁ = 438 Гц, F₂ = 1917 Гц, F₃ = 2544 Гц)
 Fig. 3. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *fil* [ʔfʰɪ·ɫ] ‘many’, Mennonite language (ɪ: F₁ = 483 Hz, F₂ = 2335 Hz, F₃ = 2973 Hz; e: F₁ = 438 Hz, F₂ = 1917 Hz, F₃ = 2544 Hz)

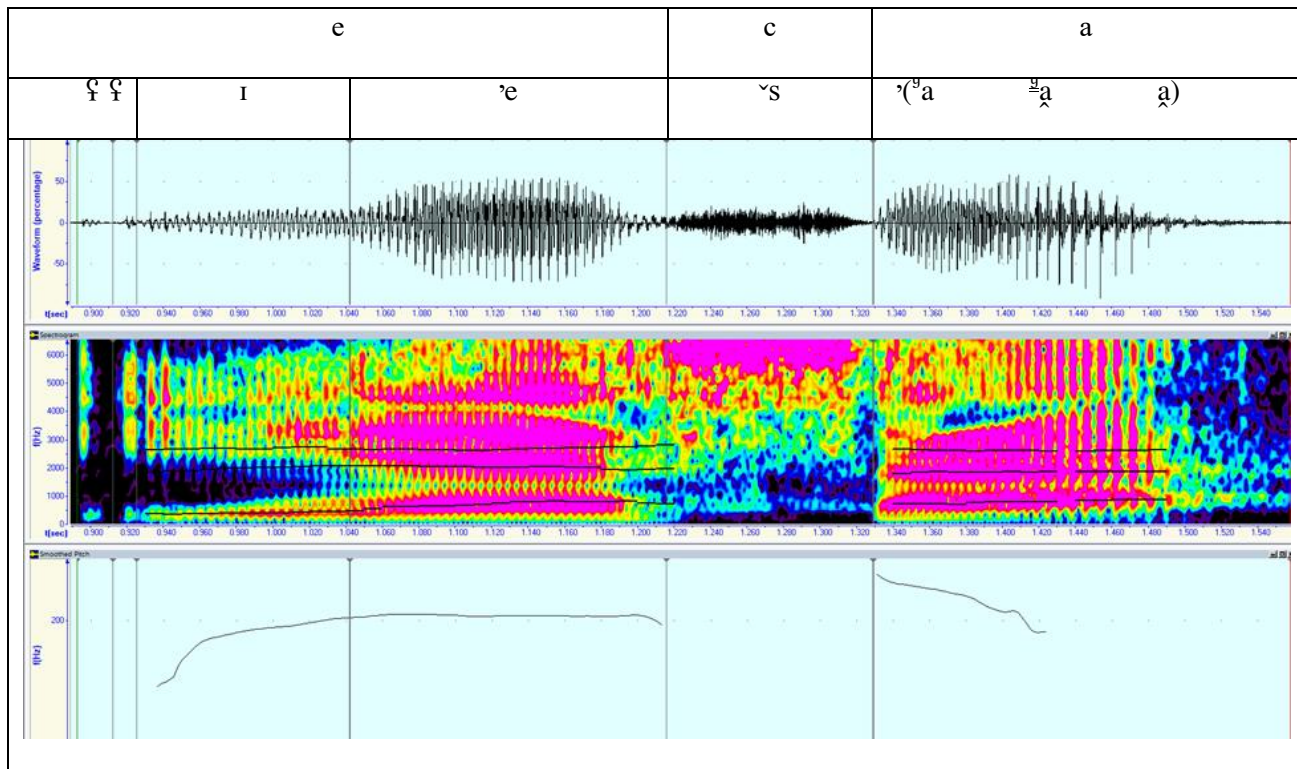

Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *eca* [ʔʧʰɛ·ʲs (ʲaʲa)] ‘глаз’, ороchonский язык (ɪ: F₁ = 401 Гц, F₂ = 2015 Гц, F₃ = 2672 Гц; e: F₁ = 751 Гц, F₂ = 2027 Гц, F₃ = 2633 Гц)
 Fig. 4. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *eca* [ʔʧʰɛ·ʲs (ʲaʲa)] ‘eye’, Orochon language (ɪ: F₁ = 401 Hz, F₂ = 2015 Hz, F₃ = 2672 Hz; e: F₁ = 751 Hz, F₂ = 2027 Hz, F₃ = 2633 Hz)

Таблица 1
Table 1**Сводная таблица видовых настроек гласных**
Summary table of species vowel settings

Название	Структура	Компоненты	Вокальные ядра	Длительность	Глоттальная вставка	Слог	Тип, качество
Монофтонг	простой	один	одно	краткий, (полу) долгий	нет	один	однородный
Дуфон	сложный	два	одно	полудолгий	нет	один	контрастные по типу и качеству
Дифтонг	сложный	два	два	(полу) долгий	нет	один	контрастные по типу и качеству
Дифтонгоид	усложненный призвуком	два	одно	краткий, (полу) долгий	нет	один	разные по типу, близкие по качеству
Квазидифтонг	сложный	два	одно	(полу) долгий	нет	два	однородный + «j», «w»
Прерывистые гласные полного образования	сложный	три	два	(полу) долгий	есть	один	гоморганные по типу и качеству
Прерывистые гласные неполного образования	сложный	три	два	(полу) долгий	есть	один	контрастные по качеству

Заключение

Дуфоны представляют собой сложные в структурном плане гласные: в пределах одного вокального ядра реализуются два контрастных звукотипа, каждый из которых в акустической программе можно прослушать, но на слух они воспринимаются как одно целое звучание, поэтому на письме их обозначают одной буквой. Так как данные гласные состоят из двух контрастных компонентов, они могут восприниматься по-разному (происходит акустическая структурная редукция): одни слушающие лучше воспринимают первый звукотип, другие – второй. Выбор в пользу того или иного компонента зависит от сингармонизма: лабиального, палатального, по подъему, а также слухового опыта слушающего. При записи диалектной лексики возможно вариативное написание слов с дуфонами.

Список литературы

Билялов М. М. Таблицы по фонетике башкирского языка // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик. Т. III. Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1928. С. 369–383.

Бондарко Л. В. Гласные // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 138.

Гарипова Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: опыт синхронической и диахронической характеристики. М.: Наука, 1979. 303 с.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М., 2008. 264 с.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.

Киекбаев Дж. Г. Фонетика башкирского языка: Опыт описательного и сравнительно-исторического исследования (на башк. языке) // Ученые записки. Филологическая серия. № 3. Отдельный выпуск IV. Уфа, 1957. 113 с.

- Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. В сравнительно-историческом освещении. М., 1976. 292 с.
- Матусевич М. И. Введение в общую фонетику. Л., 1948. 135 с.
- Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа: Китап, 2006. 296 с.
- Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979. 272 с.
- Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л.: [б. и.], 1960. 66 с.
- Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. М., 1962. 348 с.
- Уртегешев Н. С. Гласные: соответствие формант артикуляции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (40). С. 63–77.
- Уртегешев Н. С. Двухъядерные гласные в шорском языке и языках Сибири // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 154–167. DOI 10.17223/18137083/77/12
- Уртегешев Н. С., Ишкильдина Л. К., Хисамитдинова Ф. Г. Атлас артикуляторных настроек гласных башкирского языка. Уфа, 2021. 298 с.
- Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б. Система долгих гласных звуков первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник урovedения. 2017. Т. 7. № 3 (30). С. 74–97.
- Уртегешев Н. С., Селютин И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Вопросы филологии. Серия: Урало-алтайские исследования. 2009. №1 (1). С. 100–115.
- Scott R. Moisk, Miša Hejná, John H. Esling. Abducted vocal fold states and the epilarynx: a new taxonomy for distinguishing breathiness and whisperiness // Conference: 19th International Congress of Phonetic Sciences At: Melbourne, Australia. August 2019. Pp. 220–224.

References

- Bilyalov M. M. Tablitsy po fonetike bashkirskogo yazyka [Tables on the phonetics of the Bashkir language]. In: *Zapiski Kollegii Vostokovedov pri Aziatskom Muzei Akademii Nauk Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [Notes of the College of Orientalists at the Asian Museum of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics]. Leningrad, AN SSSR, 1928, vol. 3, pp. 369–383. (In Russ.)
- Bondarko L. V. Glasnye [Vowels]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1990, p. 138. (In Russ.)
- Dmitriev N. K. *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Grammar of the Bashkir language]. Moscow, 2008, 264 p. (In Russ.)
- Garipova T. M. *Kypchakskie yazyki Uralo-Povolzh'ya: opyt sinkhronicheskoy i diakhronicheskoy kharakteristiki* [Kipchak languages of the Ural-Volga region: the experience of synchronic and diachronic characteristics]. Moscow, Nauka, 1979, 303 p. (In Russ.)
- Kiebaev Dzh. G. Fonetika bashkirskogo yazyka: Opyt opisatel'nogo i sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya (na bashk. yazyke) [The phonetics of the Bashkir language: The experience of descriptive and comparative historical research (in Bashkir)]. In: *Uchenye zapiski. Filologi-aya seriya no. 3. Otdel'nyy vypusk IV* [Uchenye zapiski. Philological series No.3. The special issue IV.]. Ufa, 1957, 113 p. (In Russ.)
- Maksyutova N. Kh. *Vostochnyy dialekt bashkirskogo yazyka. V sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [The eastern dialect of the Bashkir language. In comparative historical coverage]. Moscow, 1976, 292 p. (In Russ.)
- Matusevich M. I. *Vvedenie v obshchuyu fonetiku* [Introduction to general phonetics]. Leningrad, 1948, 13 p. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. *Severo-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka (formirovanie i sovremennoe sostoyanie)* [The North-western dialect of the Bashkir language (formation and current state)]. Ufa, Kitap, 2006, 296 p. (In Russ.)

Mirzhanova S. F. *Yuzhnyy dialekt bashkirskogo yazyka* [The Southern dialect of the Bashkir language]. Moscow, 1979, 272 p. (In Russ.)

Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkriptsii (UUFT)* [Universal Unified Phonetic Transcription (UUFT) Project]. Moscow, Leningrad, 1960, 66 p. (In Russ.)

Scott R. Moisik, Miša Hejná, John H. Esling. Abducted vocal fold states and the epilarynx: a new taxonomy for distinguishing breathiness and whisperiness. In: *19th International Congress of Phonetic Sciences At: Melbourne, Australia*. August 2019, pp. 220–224.

Trakhterov A. L. *Angliyskaya foneticheskaya terminologiya* [English phonetic terminology]. Moscow, 1962, 348 p. (In Russ.)

Urtegeshev N. S. Glasnye: sootvetstvie formant artikulyatsii [Vowels: matching of formants to articulation]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 63–77. (In Russ.)

Urtegeshev N. S. Dvuyadernye glasnye v shorskom yazyke i yazykakh Sibiri [Binuclear vowels in the Shor language and the languages of Siberia]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 4, pp. 154–167. (In Russ.)

Urtegeshev N. S., Ishkil'dina L. K., Khisamitdinova F. G. *Atlas artikulyatornykh nastroek glasnykh bashkirskogo yazyka* [Atlas of articulatory settings of Bashkir vowels]. Ufa, 2021, 298 p. (In Russ.)

Urtegeshev N. S., Koshkaryova N.B. Sistema dolgikh glasnykh zvukov pervogo sloga v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka [System of vowels of the first syllable in the Surgut dialect of the Khanty language]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2017, vol. 7, no. 3 (30), pp. 74–97. (In Russ.)

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A. Foneticheskie transkriptsionnye standarty UUFT i MFA: sistema sootvetstviy [Phonetic transcription standards of UUFT and MFA: a system of correspondences]. *Journal of Philology. Ural-Altai Studies*. 2009, no. (1), pp. 100–115. (In Russ.)

Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Vyssh. shk., 1979, 312 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
20.05.2022*

Сведения об авторе

Николай Сергеевич Уртегешев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия).

E-mail: urtegeshev@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8616-4652

ResearcherID: k-5458-2017

Information about the Author

Nikolay S. Urtegeshev – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: urtegeshev@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8616-4652

ResearcherID: k-5458-2017

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК: 811.511.142:81'367.2

DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-82-88

Лексико-семантические замены в переводе романа С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»

А. Т. Бадарчы

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу лексико-семантических замен, использованных в русском переводе тувинского романа С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»). Основными видами подобных замен являются конкретизация, генерализация и модуляция (смысловое развитие) значения исходной единицы. Материал исследования собран путём сплошной выборки из оригинального текста и его русского перевода. Проанализированные лексико-семантические замены являются весьма распространёнными приёмами перевода, поскольку оригинальный тувинский текст изобилует различными терминами и понятиями, устойчивыми сочетаниями, отражающими культурные особенности тувинского народа. Прием конкретизации используется для достижения большей точности перевода. Применение генерализации часто продиктовано стилистическими причинами. Этот приём употребляется для более обобщенной передачи в переводящем языке образных и развернутых описательных выражений, многочисленных терминов и понятий с конкретным или узким значением. Модуляцией передается более точное содержание высказывания и значения той или иной лексической единицы или словосочетания. Эти значения бывают не только логически связанными, но и контекстуально обусловленными.

Ключевые слова

тувинский язык, переводоведение, тувинско-русский текст, лексические трансформации, лексико-семантические замены, конкретизация, генерализация, модуляция.

Для цитирования

Бадарчы А. Т. Лексико-семантические замены в переводе романа С. А. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 82–88. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-82-88

Lexico-semantic substitutions in the translation of “The tale of a fair boy” by S. A. Saryg-ool

A. T. Badarchy

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of lexical and semantic substitutions used in the Russian translation of the Tuvan novel “Aңгыр-оолдуң тоожузу” (“The tale of a fair boy”) written by S. A. Saryg-ool. The main types of such substitutions are concretization, generalization and modulation (semantic development) of the original unit meaning. The research material was collected by a continuous sampling from the original text and its Russian translation. The

© А. Т. Бадарчы, 2022

lexico-semantic substitutions analyzed are very common translation techniques due to the original text being replete with various terms, notions, and collocations reflecting the cultural characteristics of the Tuvan people. The concretization technique is used to achieve greater translation accuracy. Generalization is mainly used to convey figurative and detailed descriptive expressions, numerous terms, and notions with a specific or narrow meaning. The translator uses this transformation technique to avoid excessive word loading of the translated text. The modulation technique is intended to convey more precisely the content and meaning of a lexical unit or phrase that may not be understood in literal translation and may distort the understanding of the text.

Keywords

Tuvan language, translation studies, Tuvan-Russian text, lexical transformations, lexico-semantic substitutions, concretization, generalization, modulation.

For citation

Badarchy A. T. Lexico-semantic substitutions in the translation of S. A. Saryg-ool's novel "The tale of the Bright Boy". *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 82–88. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-82-88

В истории тувинской литературы важное место занимает творчество Степана Агбаановича Сарыг-оола (1908–1983 гг.), одного из первых писателей Тувы. Литературная деятельность писателя внесла заметный вклад в развитие тувинской литературы. С его произведения «Белек» («Подарок») – первого крупного произведения в тувинской литературе – началось развитие жанра повести. Он перевёл на тувинский язык стихи и поэмы А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Т. Шевченко, В. Маяковского и др. С. А. Сарыг-оолом создан киносценарий первого тувинского художественного фильма «Люди голубых рек» (в соавторстве с О. Саган-оолом). По мотивам его поэмы поставлена первая тувинская опера «Чечен и Белекмаа» (музыка Р. Кенденбиля). Он был автором учебных пособий по родной литературе для 4–5 классов общеобразовательных школ Тувы. При жизни С. А. Сарыг-оол выпустил сорок три книги. Его книги изданы также и на других языках.

Значительное место в тувинской литературе занимает роман-диалогия С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»). В романе описывается жизнь и быт дореволюционных тувинцев, изменения, происходившие в их жизни накануне революции и гражданской войны. Повествование ведётся от лица главного героя Аңгыр-оола. Для изображения целостной картины истории тувинского народа и его духовной культуры писатель обращается к этнографическим материалам и использует фольклорные произведения. В поэтике романа органично сочетаются мифологический и реалистический способы раскрытия образов героев и явлений действительности. «Повесть о светлом мальчике» называют художественной летописью, «энциклопедией жизни тувинского народа» [Комбу, 2012, с. 237; Данилов, 2003, с. 48].

Первая книга романа опубликована в 1961 г. в Кызыле, первый перевод – в 1966 г. в издательстве «Молодая гвардия». Вторая книга вышла в свет в 1966 г. в Тувинском книжном издательстве, ее перевод – в 1974 г. в издательстве «Современник». Это произведение было переведено на разные языки: русский, якутский, киргизский, монгольский, литовский, эстонский, английский.

Оригинальный текст романа и его русский перевод не соотносятся друг с другом по объёму: перевод представлен в сжатом и изменённом виде. Однако это не повлияло на общее содержание романа и развитие сюжетной линии: компрессия текста компенсирована такими переводческими трансформациями, как объединение предложений и даже глав, перемещениями и перестановками не только отдельных предложений, но и больших фрагментов текста, многочисленными опущениями и применением нулевого перевода.

Наше исследование посвящено анализу лексико-семантических замен (конкретизация, генерализация и модуляция), использованных в последнем по времени и общедоступном русском переводе романа С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»), вышедшем в 1986 г. в издательстве «Современник» (переводчик М. А. Ганина), включающем обе книги. Материал исследования собран путём сплошной выборки из оригинального текста и его перевода на русский язык.

В теории переводоведения существуют различные определения переводческих трансформаций, предложенные Л. С. Бархударовым, В. Н. Комиссаровым, Р. К. Миньяр-Белоручевым и другими исследователями.

В нашей работе мы, вслед за В. Н. Комиссаровым, трактуем *переводческие трансформации* как «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле» [Комиссаров, 1990, с. 172]. В соответствии с характером единиц оригинального текста переводческие трансформации классифицируются как лексические и грамматические. Основные типы *лексических трансформаций* включают следующие приёмы: переводческое транскрибирование и транслитерацию, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию) [Комиссаров, 1990, с. 172].

Способ перевода лексических единиц оригинала путём использования в переводе единиц *переводящего языка* (далее ПЯ), значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определённого типа логических преобразований, называются *лексико-семантическими заменами*. Основными видами подобных замен являются *конкретизация, генерализация и модуляция* значения исходной единицы [Комиссаров, 1990, с. 174].

Конкретизация

Конкретизация – замена слова или словосочетания с более широким предметно-логическим значением в *исходном языке* (далее ИЯ) словом или словосочетанием с более узким значением в переводе [Комиссаров, 1990, с. 174]. Например:

(1) *Даштын хэй чон эт, чемин быжсырып, бистерни эргеледип, аш-чем берип турары база-ла эки* [Сарыг-оол, 2008, с. 57] ‘**На кострах** варят много вкусной пищи, все ласково говорят о маме, гладят меня по голове’ [Сарыг-оол, 1986, с. 36]. Слово *даштын* ‘на улице’, ‘под открытым небом’; ‘во дворе’; ‘вне дома’ переведено словоформой *на кострах*.

(2) *Күжүр теве-даа чүү боор, дөлем чер орта, хүн үнер чүкче көргөш, серте чок, кегженип чыткан* [Сарыг-оол, 2008, с. 13] ‘Лёг себе спокойно головой **к востоку**, жуёт жвачку, дремлет’ [Сарыг-оол, 1986, с. 6]. Сочетание *хүн үнер чүкче* (букв.: в сторону, где восходит солнце) заменено сочетанием *к востоку*.

В приёме конкретизации единица исходного текста может выражать родовое понятие, а единица ПЯ – входящее в неё видовое понятие, например:

(3) *Авам ол-ла дораан мени көдүрүп алгаиш, сугга аппарып чуп берген* [Сарыг-оол, 2008, с. 23] ‘Прибежала мама, схватила меня и унесла **к ручью**’ [Сарыг-оол, 1986, с. 11]. Здесь тувинское слово *суг* с общим значением ‘вода’, ‘река’ переводится словом ‘ручей’.

(4) *Хамык ужжур бичиизинде эвес, угаанында болган* [Сарыг-оол, 2008, с. 13] ‘Дело-то **не в росте**, а в **смекалке**’ [Сарыг-оол, 1986: 6]. Понятие ‘маленький’, ‘меньший’, ‘младший’, выраженное прилагательным *биче*, конкретизировано в ПЯ словом ‘рост’; лексема *угаан* со значением ‘ум’, ‘разум’, ‘рассудок’ заменяется в переводе на слово с более узким значением ‘смекалка’ [ТРС, 1968, с. 105, 432].

Встречаются примеры конкретизации, в которых весьма подробно описываются предметы, качества или действия, например, действие, обозначаемое тувинским глаголом *чолукишуур* ‘здороваться с кем-л., подавая обе руки’:

(5) *Дең эжи болза, кайы мурнааны-ла алдыртан өрү чолукишуурун кижги бурү оралдажыр* [Сарыг-оол, 2008: 138] ‘Если же встречается ровесник или друг, **вежливость обязывает опустить свои руки ниже и не допустить, чтобы он опустил свои руки ниже твоих**’ [Сарыг-оол, 1986, с. 93].

Использование приёма конкретизации в рассмотренных примерах, на наш взгляд, обусловлено необходимостью достичь большей точности перевода. Выбор того или иного соответствия в переводе может быть связан в какой-то степени с предпочтениями переводчика.

Генерализация

Замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением называется *генерализацией* – это преобразование, обратное конкретизации [Комиссаров, 1990, с. 176].

(6) *Ол кезжээ оолдар бир өгге кажыктаан, кыстар бир өгге даалылап, хорулдаан – мырыңай хөглүг* [Сарыг-оол, 2008, с. 136] ‘Парни и девушки разошлись по юртам и играли в разные игры’ [Сарыг-оол, 1986, с. 91]. В тувинском предложении использованы лексемы с конкретным значением: *кажыктаар* ‘играть в бабки’ и глаголы *даалылаар* и *хорулдаар*, образованные от названий игр *даалы* ‘национальная игра, напоминающая домино’, *хорулда* ‘игра, напоминающая даалы’ [ТРС, 1968, с. 218, 139, 485]. Значения этих глаголов в ПЯ переданы обобщённым сочетанием ‘играли в разные игры’.

(7) *Алды оран, ортаа оран, үстүү оран – үш оранны депши чурттаар кылдыр чаяттынган...* [Сарыг-оол, 2008, с. 49] ‘Говорят, бог создал его таким, чтобы он мог жить во всех трёх мирах’ [Сарыг-оол, 1986, с. 23]. В тувинском примере использованы конкретные названия трех мифологических миров: *алды оран* ‘нижний мир’, *ортаа оран* ‘средний мир’ и *үстүү оран* ‘верхний мир’; в русском тексте их заменяет обобщение *три мира*.

(8) *А ол хүн кезегезин часкаш, оолдуң кезегези-биле холуй дырап ёзулааш, оон соңгаар кыстың кезегезин үш чап кылдыр чара өрээш, боошкун дээр ийикпе, чавага, салбак-чачак, чалаа-кара баглаар...* [Сарыг-оол, 2008, с. 189–190] ‘Косу девушки разъединяют на три косички, которые ниже плеч соединяют в одну, вплетая сюда же тяжёлое специальное украшение из бус и серебра’ [Сарыг-оол 1986, с. 114]. В тувинском предложении перечислены названия различных женских накосных украшений и их элементов: *боошкун*¹, *чавага*², *салбак-чачак*³, *чалаа-кара*⁴. В ПЯ на их месте употреблено словосочетание с более общим значением – ‘украшение из бус и серебра’.

Нередко генерализация совмещается с контекстуальными заменами:

(9) *Караңгы имир келгенде, демги-ле хамык догжуур байлыңны үш-дөрт-даа кижии алгааш, аалдың барыын талазынче үнүп чорупту* [Сарыг-оол, 2008, с. 53] ‘Они подняли вместе с доской все эти ламские сооружения и понесли на запад от аала, лошадь они тоже увели с собой’ [Сарыг-оол, 1986, с. 33]. В тувинском языке лексемы *догжуур*⁵ и *байлың*⁶ обозначают вылепленные ламами фигурки, используемые в буддийской ритуальной практике. Они переведены на русский язык словосочетанием ‘ламские сооружения’, поскольку в данном контексте оно наиболее оптимально передаёт значение единиц ИЯ.

Такая же контекстуальная замена применена в примерах (10) и (11):

(10) *Үш хар чеде бээрге, тускай, кандыг хүн кыргыдып болурун ламаларга судур аштырып – айтырып алып* [Сарыг-оол, 2008, с. 22] ‘А когда сравняется три года, идут к ламе, и он назначает день’ [Сарыг-оол, 1986, с. 8]. Сочетание *судур аштырып – айтырып алып* (букв.: сутру открыть просят-узнают) в ПЯ передано сочетанием ‘назначает день’. Действительно, цель похода к ламе в данном контексте состоит в том, чтобы он, заглянув в священные книги, назвал обратившимся наиболее подходящие даты для стрижки волос.

(11) *Ам удавас маңаа бо душка – дээш, демги «Саң-Салыр» кырынче айыткаш* [Сарыг-оол, 2008, с. 136] ‘Он указал в ту сторону, где виднелись сооружения из снега’ [Сарыг-оол, 1986, с. 92]. Тувинское глагольное сочетание *саң салыр* имеет значение ‘совершать обряд окуривания, сжигая туркестанский можжевельник’ [ТРС, 1968, с. 368], однако в данном предложении оно окказионально субстантивировано, на что указывают кавычки, в которые оно заключено, и обозначает костёр для совершения обряда, осуществляемого в зимнее время, и, видимо, поэтому оно переведено как ‘сооружения из снега’.

Рассмотрим также другие примеры с приёмом генерализации:

(12) *Дөрт шагның эң-не экизин сөглеп, өөрүп келир ыраажы-дыр ийин... Хек үнү бо-дур ам* [Сарыг-оол, 2008, с. 81] ‘Кукушка кукует о весне, это время так и называется «кукушкин го-

¹ *Боошкун* ‘узелок’ [ТРС, 1968, с. 113].

² *Чавага* ‘узорчатое украшение для косы’ [ТРС, 1968, с. 505].

³ *Салбак-чачак* ‘кисть (украшение на женском головном уборе)’ [ТРС, 1968, с. 364].

⁴ *Чалаа-кара* ‘шелковая нить, вплетаемая в косу’ [ТРС, 1968, с. 513].

⁵ *Догжуур* ‘фигурка в виде трехгранной пирамиды, вылепленная из муки жареного ячменя и употреблявшаяся ламами как предмет жертвоприношения’ [ТРС, 1968, с. 166].

⁶ *Байлың* ‘вылепленные или вырезанные жертвенные фигуры’ [ТСТЯ, 2003, с. 205].

лос» [Сарыг-оол, 1986, с. 54–55]. Оригинальный пример исходного текста *дөрт шагның эң-не экизин сөглеп* (букв.: о самом лучшем из четырёх времён говоря) трансформирован в описательное сочетание ‘кукует о весне’.

Более общее обозначение может быть предпочтительным и по стилистическим причинам, например:

(13) *Черни көөрге-ле, ындыг ээнзиргей, ылым-чылым даглар, шораан хаялар, соок суглуг хемнер, дөргүннер, шытың шимчес дивес «кара чер-дир» оң* [Сарыг-оол, 2008, с. 65] ‘Журчит ручеек в тени высоких тополей, птицы поют, скалы, нагретые солнцем, струят марево’ [Сарыг-оол, 1986, с. 41]. В тувинском предложении употреблены как общие, так и специфические географические термины, передающие особенности природного ландшафта: *даг* ‘гора’, *хая* ‘скала’, *шораан* ‘отвесная скалистая гора, покрытая кустарником’, *хем* ‘река’, *дөргүн* ‘речка, берущая начало в степи, и окружающий её лес’ [ТРС, 1968, с. 140, 579, 471, 473, 179]. Переводчик заменяет эти единицы на слова ‘скалы’ и ‘ручей’ с более широким и общим значением.

Аналогичным способом переводчик генерализирует, трансформируя, и другие предложения, например:

(14) *Кавайда дуңмам ыглай бээди, чайга!* [Сарыг-оол 2008: 47] ‘Маленький в люльке плачет – качай!’ [Сарыг-оол, 1986, с. 12]. Тувинский термин родства *дуңма* ‘младший брат или младшая сестра’ переведено словом ‘маленький’.

Прием генерализации в исследуемом тексте применяется в основном для передачи образных и развёрнутых описательных выражений, многочисленных терминов и понятий с конкретным или узким значением. Переводчик употребляет этот прием трансформации, чтобы избежать излишней загруженности переводного текста, т. е. по стилистическим причинам.

Модуляция

Замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы, называется *модуляцией*, или *смысловым развитием* [Комиссаров, 1990, с. 177].

Наиболее часто значения соотнесённых слов в оригинальном и переводном текстах оказываются связанными причинно-следственными отношениями, например:

(15) *Хам-даа болур чадавас боор бо – дээш. Ужа, төш чиир* [Сарыг-оол, 2008, с. 50] ‘Станет шаманом – всегда будем кушать жирный курдюк и грудинку, будем дары получать богатые’ [Сарыг-оол, 1986, с. 24]. В русском тексте переводчик, употребив слова *ужа* ‘жирный курдюк’ и *төш* ‘грудинка’, далее логически развивает предложение дополнением ‘будем дары получать богатые’. В тувинской культуре угощение жирным курдюком и грудинкой считается богатым подарком и проявлением особо почтительного отношения.

При использовании метода модуляции причинно-следственные отношения часто имеют более широкий характер, но логическая связь между двумя наименованиями всегда сохраняется [Комиссаров, 1990, с. 177], например:

(16) *А чер-биле эки иштежит, өөрени бээриңге, ол база-ла тынып, ырлап, каттырып чыдар* [Сарыг-оол, 2008, с. 65] ‘Приникнешь к земле и чувствуешь, что она тоже дышит, поёт, живёт...’ [Сарыг-оол, 1986, с. 41]. Значение тувинского сочетания *каттырып чыдар* ‘смеётся’ осмысливается как ‘живёт’ в русском переводе.

(17) *Ачамның-даа, кырган-авамның-даа арыннарынче көөрүмге, дыка коргунчуг: хөрөктериниң иштинде изиг үс хайнып турганзыг* [Сарыг-оол, 2008, с. 56] ‘Взглянешь на отца и бабушку – точно у них в груди масло кипит, клокочет’ [Сарыг-оол, 1986, с. 35–36]. Переводчик, трансформируя предложение, логически выводит значение ‘клокочет’ из значения сочетания *хайнып турганзыг* ‘словно кипел’. Данный эквивалент является устойчивым средством выражения эмоционального состояния человека в русском языке.

В примере (18) состояние человека передается выражением с лексемой *баар* ‘печень’, так как в тувинской картине мира печень предстает как средоточие эмоций:

(18) *Баарымда-ла ынчалдыр авам мээң кандыг-ла бир чугула чамдыымны алгаиш барган* [Сарыг-оол, 2008, с. 61] ‘В глубине печени лежал большой черный камень, и тяжесть эта была нестерпи-

ма' [Сарыг-оол, 1986, с. 38]. Перевод этого предложения на основе прямых соответствий (букв.: в печени моей мама моя взяла некоторую одну важную часть) был бы не понятен русскоязычным читателям, для которых ассоциативная связь печени и эмоций не очевидна, поэтому переводчик использует описательные обороты 'в глубине печени' и 'большой черный камень', которые не утрачивают связи с исходным тувинским образом.

В следующем примере переводчик также прибегает к способу смыслового развития тувинского слова *кежигун* 'член (партии)' → 'собрание партии':

(19) *Кежигун акым Бараан-оолду Хем-Белдири чоктаар деп, кожууннуң таңма черинден бижик келген* [Сарыг-оол, 2008, с. 289] 'Мой дядя Баран-оол получил предписание с хошунной⁷ печатью явиться в Хем-Бельдир **на собрание партии**' [Сарыг-оол, 1986, с. 169]. Тувинское существительное *кежигун* толкуется как 'член'; например, *партия кежигуну* 'член партии' [ТРС, 1968, с. 235].

Рассмотренные примеры показывают, что переводчик прибегает к модуляции для наиболее адекватной и полной передачи значения отдельных тувинских слов и словосочетаний, которые могут быть непонятны при дословном переводе или могут привести к искажению смысла читателями, не знакомыми с реалиями тувинской культуры и быта.

Проанализированные лексико-семантические замены являются весьма распространенными приемами перевода, поскольку оригинальный тувинский текст изобилует различными терминами и понятиями, устойчивыми сочетаниями, отражающими культурные особенности жизни тувинцев. Прием конкретизации используется для достижения большей точности перевода. Применение генерализации часто продиктовано стилистическими причинами. Этот прием употребляется для более обобщенной передачи в ПЯ образных и развернутых описательных выражений, многочисленных терминов и понятий с конкретным или узким значением. Модуляцией (смысловым развитием) передаются более точное содержание высказывания и значения той или иной лексической единицы или словосочетания. Эти значения иногда бывают не только логически связанными, но и контекстуально обусловленными.

Список литературы

- Данилов С. В. Слово о друге // Повелитель слов. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2003. С. 46–48.
- Комбу С. С. Тувинская литература. Словарь. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 599 с.
- Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.

Список источников

- Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. 440 с.
- Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике. Перевод с тувинского М. А. Ганиной. М.: «Современник», 1986. 287 с.

References

- Danilov S. V. Slovo o druge [A word about a friend]. In: *Povelitel' slov* [The lord of words]. Kyzyl, Tuvinskoe kn. izd., 2003, pp. 46–48. (In Russ.)
- Kombu S. S. *Tuvinskaya literatura. Slovar'* [Tuvan literature. Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2012, 360 p. (In Russ.)
- Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, Vyss. shk., 1990, 253 p. (In Russ.)

⁷ *Кожуун* 'район' [ТРС, 1968, с. 245]

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p. (In Russ., in Tuv.).

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan Language]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 599 p. (In Tuv., in Russ.).

List of sources

Sarıg-ool S. A. *Angir-oolduŋ toožuzu* [The tale of Angyr-ool]. Kizil, Tuvinskoe kn. izd., 2008, 440 p. (In Tuv.).

Saryg-ool S. A. *Povest' o svetlom mal'chike* [The tale of the bright boy]. M. A. Ganina (Transl. from Tuvan). Moscow, Sovremennik, 1986, 287 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
16.05.2022

Сведения об авторе

Анай-Хаак Тимофеевна Бадарчы – магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия).

E-mail: badarchy2019@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5556-9067

Information about the Author

Anai-Khaak T. Badarchy – Master's Student, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: badarchy2019@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5556-9067

ХРОНИКА

УДК 092.(-05).(-055.2)
DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-89-99

Дело жизни: Интервью с Евгенией Николаевной Кузьминой (к ее 75-летию)

Для цитирования

Дело жизни: Интервью с Евгенией Николаевной Кузьминой (к ее 75-летию) / Подготовила Т. В. Дайнеко // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 89–99. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-89-99

The work of a lifetime: Interview with Evgenia Nikolaevna Kuz'mina (on her 75th birthday)

For citation

Delo zhizni: Interv'yu s Evgeniey Nikolaevnoy Kuz'minoy (k ee 75-letiyu) [The work of lifetime: Interview with Evgenia Nikolaevna Kuz'mina (on her 75th birthday)]. Prepared by T. V. Daineko. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 89–99. (In Russ.). DOI 10.25205/ 2312-6337-2022-1-89-99

16 февраля 2022 года исполнилось 75 лет Евгении Николаевне Кузьминой.

Главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. Заведующая сектором фольклора народов Сибири. Выдающийся филолог-фольклорист, доктор филологических наук, профессор. Первый и в течение долгих лет бессменный ответственный секретарь 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», редактор многих ее томов, ныне заместитель главного редактора. Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники (2001). Замечательный человек, пользующийся заслуженным уважением и любовью коллег. Мама трех дочерей и бабушка пятерых внуков. Перечисление званий и заслуг Евгении Николаевны можно еще продолжить...

Получить представление о вкладе Евгении Николаевны в фольклористику можно, ознакомившись с ее научными трудами, список которых размещен на личной странице Е. Н. Кузьминой на сайте Института филологии СО РАН¹. Нам же было важно и интересно, воспользовавшись юбилейной датой как поводом, лично расспросить Евгению Николаевну о ее жизненном и творческом пути. Далее пред-

¹ Е. Н. Кузьмина является автором более 100 научных работ, в том числе 2 монографий, и соавтором 3 монографий. См.: <https://www.philology.nsc.ru/departments/folklor/people/kuzmina.php>

© Т. В. Дайнеко, 2022

ставлены фрагменты беседы с Е. Н. Кузьминой. Для удобства восприятия читателем текст дан от первого лица, вопросы интервьюера опущены (расшифровка с аудиозаписи, литературная обработка текста, составление общей композиции публикации выполнены мной. – Т. Д.).

Детские и ранние школьные годы

– Я урожденная деревенская, родилась в улусе Шапшалтуй Аларского района Иркутской области. Слово «шапшаланта» в переводе с бурятского – это «сенокосные луга, место, где косят траву». Аларский район славился тем, что здесь выращивали отменную пшеницу. Шапшалтуй, располагающийся в просторном, красивом месте, растянут в длину, и он делился на отдельные поселения, которые имели свои названия. Самым дальним из них было Нурмалта (буквально с бурятского «место с озером»; ныне это поселение практически исчезло). Моя семья жила в этом месте. В начальную школу мне приходилось ходить за 4 километра от дома: выходишь рано утром, а возвращаешься – уже вечер. Я выросла и выучилась в многонациональной среде. В нашем улусе жили татары, буряты, русские, литовцы, а по соседству располагались украинская и польская деревни, где проживали крестьяне, переселившиеся еще во время столыпинских реформ.

Выросла я в простой семье. Мои родители сначала были колхозниками, затем стали рабочими совхоза, а после переезда в Улан-Удэ устроились на локомотивовогоноремонтный завод (ЛВРЗ). Папа работал слесарем, а мама – штукатуром-маляром. Детей в семье было пятеро: брат и четыре сестры. Все в свое время получили высшее образование, это было очень важным для наших родителей.

Моя мама происходит из шаманского рода. Прапрабабушка с маминой стороны была довольно известной шаманкой, к ней многие приезжали, и похоронена она по традиционному шаманскому обряду. А со стороны папы – род кузнецов, которые тоже пользовались особым уважением, поскольку считалось, что у них существует прямая связь с небом².

В детстве я была очень болезненным ребенком; из-за хронического заболевания меня дважды в год, осенью и весной, отправляли в больницу, где я подолгу лечилась, пропуская школу. Что перед собой видишь – к тому и тянешься: моей мечтой стало стать врачом. Практиковаться во врачебном искусстве я начала лет с шести – на соседских детях, которые слушались меня беспрекословно. Однажды, например, я поставила всей детской компании «прививки от туберкулеза»: делала на предплечьях приятелей надрезы стеклышком и капала туда разноцветные «вакцины». У меня их много было заготовлено в стеклянных баночках: раствор глины, кирпичной пыли и прочего. Руки у детей, конечно, опухли и воспалились, и после этого случая родители мне строго запретили заниматься врачеванием. Помню также, как скормила детской компании упаковку таблеток «кальцекса» – так я «лечила» их от воспаления легких.

В девять лет я решила стать фокусником. Выступление настоящего фокусника я видела, когда долечивалась в санатории, и оно произвело на меня большое впечатление. Вернувшись домой, я устроила большое представление перед детьми: пела, танцевала, переодевалась. И, конечно, показывала фокусы: накатала из газет шариков и «прятала» их в ушах, носу, доставая назад, например, из-за ворота одежды. Одна маленькая девочка решила повторить мой фокус, а в результате через некоторое время пришлось ее везти в районный центр к врачу, чтобы достать газетный шарик из уха.

Читать я научилась очень рано и читала всё подряд, до чего могла дотянуться. Часто это чтение было не по возрасту. Так, в 4 классе я прочла «Тихий Дон» Шолохова, и он оставил очень глубокое впечатление.

Учеба в средней и старшей школе

После окончания 4 класса меня забрала в свою семью родная тетя, и 5 класс я училась в городе Усолье-Сибирское. Затем семья тети переехала в Иркутск, а я вернулась домой. Продолжить учебу я могла только в школе, которая располагалась в 16 километрах от моего дома, на станции Кутулик, что по Восточно-Сибирской железной дороге. Это была единственная средняя школа на несколько окрестных деревень. Для ребят, которые жили в соседних деревнях, в Кутулике было организовано что-то вроде интерната: предоставлялась крыша над головой (здание барачного типа, удобства на улице), с кроватями и

² Здесь Евгения Николаевна проводит параллель с древнегреческими мифами, героем которых является Гефест, и отмечает, что заимствования нет, налицо параллельное развитие культур. – Т. Д.

печью. Всё остальное: продукты на неделю, постельное белье, школьные принадлежности – дети привозили сами. Воспитателей не было. В этом «интернате» в будние дни жили дети с 5-го по 7-й класс. Дети жили сами по себе – делали уроки, готовили еду. Десять-пятнадцать девочек и столько же мальчиков; те, кто постарше, смотрели за маленькими. На выходные уходили или уезжали – на попутках, общественного транспорта никакого не было – домой. Официально к детям был прикреплен один из учителей, но он, видимо, был трусоват: боялся ходить затемно или не хотел оставаться, к вечеру заходил на несколько минут и сразу уходил домой, оставляя детей одних.

Поскольку в то время многие ребята получали семилетнее образование и уходили из школы, через несколько лет я оказалась самой старшей среди малышей. И вынуждена была стать на место воспитателя и присматривать за всеми. Однажды мы пережили очень неприятную ночь. Кто-то – скорее всего, это были хулиганящие подростки – забрасывал кусками угля стены нашего дома и пытался ножом открыть входную дверь, закрытую на крюк. Мне пришлось загнать всех малышей за печь, выключить во всем доме свет, чтобы нас не было видно, и долго удерживать двумя руками большой железный крюк на двери, чтобы его не смогли подцепить снаружи (в щели мелькало острие ножа). Хулиганы несколько часов пытались открыть дверь (она оказалась крепкая), потом наконец ушли. Было очень страшно. Взрослым наутро всё рассказали, но никакого разбирательства не последовало.

Хорошо помню, как по субботам шла домой. Часть пути мы шли с друзьями из соседней деревни, братом и сестрой, а последние 7 километров я проходила одна. Путь я заканчивала обычно уже затемно, и в свете луны далеко-далеко была видна одинокая береза на поляне – она была для меня как маяк. А в воскресенье мне надо было до темноты проделать обратный путь, и с понедельника начиналась новая учебная неделя.

Когда я училась в 11 классе, «интернат» закрыли совсем – мне стало негде жить. Тогда классная руководительница Нелли Сергеевна Сомова собрала родительское собрание и рассказала: мол, у нас учится девочка – очень способная, хотелось бы, чтобы она закончила школу, но ей негде жить. Тогда родители моей школьной подруги Гали взяли меня к себе в семью (дядя Федя сказал: «Где двое, там и третий не помешает»), и я у них прожила несколько месяцев. Они меня даже лечили народными методами, благодаря чему моя хроническая болезнь суставов, наконец, отступила.

Когда мы перешли в 11 класс, школа решила перейти на униформу синего цвета. К сожалению,

мои родители не могли мне купить ткань, в то время и денег-то у колхозников совсем не было, работали за трудодни... Вот тогда произошел еще один трогательный эпизод: мои одноклассники тайком от меня собрали деньги и купили мне ткань, тонкую голубую шерсть. На одном из уроков производственного обучения ребята торжественно преподнесли мне подарок. А я от неожиданности расплакалась... Все были ошарашены, даже урока не получилось. Мне было очень стыдно, я готова была провалиться сквозь землю. Позже благодаря этому подарку я смогла вместе со всеми девочками раскроить и сшить себе костюм (на фото все девочки как раз в этих самодельных костюмах).

11 «Б» класс в день прощального звонка.
24 мая 1965 г., р.п. Кутулик Иркутской области.
Евгения Кузьмина третья слева в нижнем ряду.

Я с большой благодарностью вспоминаю школьных учителей и директора, Ивана Альфонсовича Пеньковского. Он был фронтовик, танкист, прошел всю войну, дважды горел в танке. Физику преподавал так, что ее на отлично знали даже заядлые двоечники. Про меня он всегда говорил: «Мал золотник, да дорог», – очень хвалил мои сочинения, зачитывал их во всех классах, и сказал моей тете, своей однокласснице, что из меня выйдет хороший филолог или литератор. А я в то время тянулась к естественным наукам, увлекалась химией и биологией.

Когда сдавали выпускной экзамен по обществоведению, я вытянула единственный билет, который не успела выучить. Учитель истории и обществоведения (мы с ним регулярно встречались в больнице, видимо, у него тоже было хроническое заболевание) шел по рядам и увидел мое растерянное лицо. Он все понял, взял у меня билет и незаметно заменил его на другой. Остальные билеты я все знала и сдала на отлично.

Приближался выпускной вечер, а у меня не было ни платья, ни туфель. И тогда наша классная руководительница Нелли Сергеевна Сомова подарила мне свои туфли – кожаные, коричневые, очень качественные. А платье мы с подругой себе сшили своими руками.

Школа была окончена, родители очень хотели, чтобы я продолжила образование.

Университетские годы

Я решила поступать в Иркутский государственный университет имени А. А. Жданова и поехала в Иркутск, где жили мои тетья и дядя. Они были людьми образованными: тетья работала учительницей, а дядя – Шерхунаев Раднай Андреевич – преподавал на отделении журналистики в Иркутском университете, был известным фольклористом, изучал творчество бурятских сказителей, у него есть ряд научных монографий о них.

Можно сказать, что дядя и тетья определили мое будущее. Сначала я хотела поступить в медицинский институт, но тетья была категорически против и меня отговорила. В то время в медицинском институте учились семь лет, стипендия была совсем небольшой, в семье были младшие дети, которых надо было выучить, – родителям было бы трудно меня учить так долго. Тогда я сказала, что буду поступать на химический факультет. И снова тетья выступила резко против: мол, ты устроишь взрыв, взорвешь людей, прожжешь одежду, можешь себя изуродовать...

Я тогда говорю: «Буду поступать на журналистику». Тут уже подал голос дядя, который сам преподавал на факультете журналистики. Он сказал, что это совсем не девичья специальность, потому что надо будет постоянно ездить в командировки за материалом, семья будет заброшена и так далее. Но я уже уперлась, пошла и подала документы на отделение журналистики. И когда стала сдавать экзамены, увидела, что, действительно, поступать на эту специальность пришли одни парни, причем взрослые, многие после армии. Эти парни отлично подтянули меня по истории (я ее не сдавала в школе), и я поступила. Я была одна девушка среди ребят.

Незадолго до начала занятий декан нашего историко-филологического факультета, – на котором учились журналисты, историки и филологи, – вызвал меня и говорит: «Есть вакансия на бурятское филологическое отделение». Я и не знала, что существует такое отделение. А его, оказывается, активно развивали, в том числе ездили по национальным бурятским округам и там, на местах, набирали абитуриентов. Важно было взять именно бурят, которые знают родной язык. В то время я даже не подозревала, что бурятский язык можно изучать как предмет, хотя на бытовом уровне я его, конечно, знала.

И я стала учиться на бурятской филологии. Поначалу мне трудно давался бурятский язык, потому что в основу письменного литературного языка положен хоринский диалект, сильно отличающийся от родного мне западного диалекта (даже газету «Бурят үнэн» («Бурятская правда»), которую выпускали на литературном языке, в моих родных местах люди не читали, им было непонятно). Но я была упорной, настойчиво осваивала язык и училась очень хорошо.

С середины первого курса и до конца обучения в университете я была старостой группы. И относилась к своим обязанностям со всей ответственностью. Были случаи, когда на первом курсе я приходила в общежитие (сама я жила тогда у дяди с тетьей, поскольку не досталось места в общежитии) и будила своих однокурсников, загулявших накануне, – так я заботилась, чтобы их не лишили стипендии за пропуски. Мои одноклассники жили обычной студенческой жизнью, увлекались вечеринками, не пропускали ни одного собрания студенческих «землячеств», где все друг друга знали, передружились.

Одна я не ходила на эти «землячества». Для меня учеба была всем. Заканчивая учебный день, я уже мечтала, как побегу в библиотеку, где меня ждали стопки заказанных заранее книг, каждый раз читала в библиотеке до самого закрытия. Я была «книжной» девушкой. В библиотеке мне нравилось всё – старинное здание на набережной Ангары, широкая лестница со стертymi ступенями, запах и шелест книг, интеллигентные библиотекари явно благородного происхождения, всегда в строгой одежде, неукоснительно соблюдающие правила. Сама атмосфера книг меня завораживала, я окунулась в нее полностью, жила в этом мире.

Училась я с увлечением. Качество образования в университете в то время было очень высоким. Многие преподаватели были представителями старой профессорской школы, они были эвакуированы в Сибирь из Ленинграда во время Великой Отечественной войны и по окончании ее остались работать в Иркутске. Хорошо помню лекции литературоведа Василия Прокопьевича Трушкина. Курсовые работы и дипломную я писала по проблемам русского языка, и мой научный руководитель, Эмилия Ивановна Слабковская, отмечала, что у меня есть склонность к аналитической работе. Другие преподаватели тоже хвалили: например, Анна Петровна Селявская, которая читала у нас поэтику, называла меня «светлой головкой».

А на факультативе я училась азам научной работы, обретала навыки писать доклады. Преподаватели говорили, что мне надо развиваться как фольклористу. Дядя тоже очень поощрял мои занятия, рекомендовал заняться исследованием бурятского фольклора.

Во время учебы в университете, в рамках фольклорной практики, состоялась и моя первая экспедиция. Мы поехали в Агинский национальный округ. Фольклорная традиция там была жива, но ее носители не особенно охотно шли на контакт со студентами. Было лето, в деревне много работы, студенты отвлекали... Я хорошо запомнила одного дедушку-исполнителя, который пообещал рассказать всё, что знает, если я выпью водки, которую он мне налил. Пришлось совершить подвиг во имя науки и выпить ее, хотя алкоголь я в принципе не принимала. Девчонки-студентки вызвали повышенный интерес со стороны местных парней – они буквально не давали нам проходу, так что мы или сидели в осаде, или передвигались исключительно группами.

Летом 1969 года в Улан-Удэ проходила Всесоюзная конференция, называлась она «Образ Ленина в литературе и искусстве». Я тогда перешла на пятый курс и отправила туда свой первый научный доклад на тему «Легенды о Байкале и Ангаре». Как ни странно, мой доклад был принят, и меня, студентку, пригласили принять участие в конференции в качестве докладчика.

Доклады и обсуждения, звучавшие на конференции, произвели на меня огромное впечатление. Я впитывала всё, как губка, – и атмосферу, и научные идеи. Среди участников были Елиазар Моисеевич Мелетинский, Борис Николаевич Путилов, Михаил Григорьевич Воскобойников, молодые тогда Виктор Михайлович Гацак и Сергей Юрьевич Неклюдов, сибирские фольклористы Николай Васильевич Емельянов, Лазарь Ефимович Элиасов, Алексей Ильич Уланов, Гунга Очирович Туденов, Михаил Петрович Хомонов... Это были люди, работы которых я штудировала, учась в университете, а тут я видела их перед собой, слушала, как они выступают, делятся своим исследовательским опытом. Это был огромный урок для меня.

На этой конференции я впервые услышала о насущных проблемах современной фольклористики, в частности сибирской. О том, что нет у фольклористов своего журнала (у этнографов была «Советская этнография»). О том, что коллекции лежат закрытые, недоступные даже для исследователей. О том, что надо публиковать фольклорные тексты, чтобы они стали доступны как для ученых, так и для широкого круга читателей. Огромное впечатление осталось. И я, конечно, не могла предположить, что все эти идеи лягут в основу серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», которой мне предстояло заниматься в моем будущем.

Университет я заканчивала с красным дипломом. В ту пору выпускники вузов должны были три года отработать в школах, и только отличникам по особой рекомендации Ученого совета факультета давали разрешение поступать в аспирантуру, минуя отработку. Дипломную работу я защитила на отлично, сдала также обязательный предмет «Научный коммунизм». И мне дали направление в аспирантуру.

Учеба в аспирантуре. Поворот в судьбе

Я поехала поступать в аспирантуру в Улан-Удэ, где в Бурятском институте общественных наук (БИОН)³ были два сильных фольклорных отдела, которыми руководили известные фольклористы Алексей Ильич Уланов и Лазарь Ефимович Элиасов. Я хотела заниматься изучением русского фольклора. Однако мне сообщили, что в этом году приема в аспирантуру нет...

В местной газете я увидела объявление о вакансии преподавателя на кафедру философии в местном Технологическом институте, подала документы и прошла отбор. Меня взяли преподавателем исторического материализма, университетское образование позволяло. Это было в августе. В начале сентября преподаватели и студенты уехали, как это было принято тогда, на сельхозработы, а я осталась на кафедре и начала готовиться к предстоящему курсу лекций. Вдруг звонит Алексей Ильич Уланов и предлагает поступить к нему в отдел на появившееся место лаборанта. Начинает меня убеждать, что это естественный путь ученого: сначала поработать лаборантом, затем поступить в аспирантуру, и так далее; говорит, что заметил меня еще на конференции, и мне надо заниматься фольклором. Я согласилась, поняла, что изучение фольклора мне, конечно, ближе (а о том, что зарплата в Технологическом институте была бы в два раза выше, я узнала гораздо позднее). Так я попала в отдел к А. И. Уланову. Около года работала лаборантом: осваивала пишущую машинку, вела протоколы заседаний отдела, печатала документы. Затем пришло известие, что выделено место в аспирантуре, по просьбе Алексея Ильича я придумала тему, которой хотела бы заниматься, – «Женские образы в бурятском эпосе». И приступила к работе в архивах, разыскивала тексты улигеров. Я проштудировала все доступные тексты улигеров, провела анализ, написала текст диссертации, прошла обсуждение в отделе. Мне дали месяц отдыха, а потом нужно было готовить защиту. Но тут грянула реформа ВАК, и мне пришлось отложить защиту диссертации на несколько лет.

Будучи в аспирантуре на первом курсе (это был сентябрь 1972 года), я приняла участие в фольклорной экспедиции в Монголию под руководством Елизаветы Васильевны Баранниковой. Отряд побывал в трех аймаках, работая с бурятами, которые откочевали во время революции и позже. Бурятские диаспоры были очень большими, однако управляли бурятскими аймаками всегда монголы. Старики встречали нас, как родных. Они стремились пообщаться с участниками экспедиции, рассказать всё, что помнят. С пяти утра они уже были возле того места, где мы жили: придут, сядут на улице, курят, разговаривают между собой, пока мы встаем. Им важно было расспросить о родине, узнать об условиях, в которых живут российские буряты. Когда мы уезжали, они все плакали, говорили, что даже если мы приедем в следующий раз, их уже не будет на свете (многим было за 80 лет). Запомнилось, что быт этих людей тогда был на уровне наших 1950-х годов: железные кровати, радиолы, деревянные лавки, кошма... Собранный в этой экспедиции материал был позже опубликован, попал в тома и монографии, которые подготовили Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров.

В 1977 году я поехала на Вторую всесоюзную конференцию по эпическому творчеству, которая на этот раз проходила в Якутске. Помимо научных докладов были и важные организационные моменты. В резолюции, принятой по завершении первой конференции, было прописано, что выдвинутые идеи поручается проработать бурятским фольклористам. А на второй конференции ученые должны были доложить о выполнении этого решения. Вообще Улан-Удэ и Якутск были в то время в авангарде сибирской гуманитарной науки, именно в этих городах находились мощные научные центры с сильными кадрами гуманитариев. И вот на второй конференции Василий Цыренович Найдаков доложил о результатах обсуждения специальной комиссией идей, что были изложены в той резолюции. На якутской конференции пришли к выводу, что для дальнейшей реализации выдвинутых идей необходимо связаться с Сибирским отделением Академии наук в Новосибирске. Новосибирск был признан очень удобным для координации работы сибирских фольклористов – он занимал выгодное положение географически и был доступен для любых видов транспорта. Изложить решение, принятое на якутской конференции, поручили Александру Бадмаевичу Соктоеву как ученому секретарю Бурятского филиала СО АН СССР. И вскоре А. Б. Соктоев приехал в Новосибирск выступать на заседании Президиума Сибирского отделения Академии наук СССР.

³ Ныне – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

В 1981 году в Президиуме СО АН СССР было принято решение об издании серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», поначалу речь шла о подготовке 24 томов. Председателем только что стал Валентин Афанасьевич Коптюг; он поддержал этот проект и поставил свое условие – возглавить его должен был лично Александр Бадмаевич. Затем А. Б. Соктоеву было предложено сделать доклад на заседании Бюро редакционно-издательского совета (РИСО) в Москве, к проработке идеи подключился Научный совет по фольклору, председателем которого в то время был В. М. Гацак. В ходе обсуждения решено было запланировать публикацию фольклора как можно большего числа этносов (в том числе малочисленных), проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке, и таким образом количество томов возросло до 60. Так было положено начало развитию фольклористики в Новосибирске.

Уже существовал Объединенный институт истории, филологии и философии. В стенах этого института решено было открыть сектор фольклора народов Сибири. Для начала выделили три рабочие ставки, две квартиры для проживания сотрудников, и А. Б. Соктоев стал искать себе помощника, который был взял на себя обязанности ответственного секретаря новой фольклорной Серии. Вернувшись в Улан-Удэ, он предложил эту должность четверым ученым: Елизавете Васильевне Баранниковой, Михаилу Иннокентьевичу Тулохонову, Светлане Сумановне Бардахановой и мне. Самым слабым звеном была я: у меня, по сравнению с коллегами, было меньше опыта – я работала научным сотрудником в БИОНе, и, кроме того, были достаточно тяжелые личные обстоятельства – я недавно овдовела, оставшись с двумя маленькими детьми на руках. Однако все опытные ученые отказались от предложения А. Б. Соктоева. Я же к тому времени уже защитила свою кандидатскую диссертацию на тему «Женские образы в героическом эпосе бурятского народа» (1981) и была согласна круто поменять жизнь, взявшись за новое дело в новом для меня городе. И поехала в Новосибирск.

Новый этап. Дело жизни

В Новосибирске Александр Бадмаевич сразу загрузил меня работой, а проще говоря, гонял и в хвост, и в гриву. Это были годы становления Серии, работы было очень много. Небольшому коллективу нужно было оправдать высокое доверие, доказать, что сектор фольклора был образован не зря. Александр Бадмаевич требовал от своих сотрудников полной самоотдачи: запрещал брать работу по совместительству, не приветствовал больничные, даже с маленькими детьми. Мне приходилось часто работать по ночам. Как вспоминают мои дочери, они просыпались – я сижу, рукописи разложены на полу, чтобы ничего не перепутать, горит настольная лампа...

С 1981 года и вплоть до 1990-го, года выхода первого тома, шла организационная работа. Вопросов было очень много – и организационных, и научных. Мне как ответственному секретарю приходилось заниматься буквально всем. Формировать авторские коллективы, разыскивая кандидатов в составители по всем образовательным и научным организациям страны, переписываться с администрациями регионов, прося о содействии (а вся переписка тогда шла обычной почтой), держать связь с составителями, принимать поступающие в сектор рукописи, проводить экспертизу их научного уровня, и так далее. В первые же годы существования сектора фольклора были разработаны «Принципы подготовки томов серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока”», соблюдения которых надо было требовать от авторов-составителей. В секторе работали редакторы фольклорных текстов (например, С. П. Рожнова), ко-

Е. Н. Кузьмина с томами Серии в секторе фольклора народов Сибири.

торые должны были прекрасно владеть русским языком и суметь в переводном тексте передать образный и поэтический строй оригинала. Работу редакторов тоже координировала я как ответственный секретарь.

Я сама росла вместе с авторами томов Серии. Знакомилась с жанрами сибирского фольклора, вникала в его проблемы. Фольклор разных сибирских народов открывался для меня постепенно, и до сих пор этот процесс продолжается.

Коллективу сектора фольклора нужно было решить новую и нетривиальную для тех времен задачу: придумать, как в книжном издании соединить слово и звук. Выдвигались разные предложения. Помню, что мы даже обращались к специалистам, занимающимся информатикой, и искали какие-то совместные решения, пытались как-то показать звук с помощью вычислительной машины «Мрамор». Но в итоге решено было дополнять книги виниловыми пластинками. Для этих целей разработали фирменный оформительский стиль томов Серии – книга нестандартного формата и небольшая виниловая пластинка в картонном коробе.

Для размещения на пластинках нужны были качественные аудиозаписи, которые, как правило, отсутствовали в архивах в то время. Тогда Александр Бадмаевич съездил в Москву, добрался до звукозаписывающей фирмы «Мелодия» и завязал с ее руководством тесное сотрудничество. Отныне в целях получения качественных аудиозаписей в состав каждой экспедиции сектора фольклора входил звуко-режиссер фирмы «Мелодия» Михаил Дидык, который возил с собой крайне дорогостоящую аппаратуру. С импортным магнитофоном «Награ» Дидык даже спал в обнимку, буквально ни на секунду не выпускал его из рук. Остальные члены экспедиции должны были обеспечивать полную тишину во время работы с информантами. К сожалению, магнитная пленка была в дефиците, поэтому фольклорные произведения приходилось записывать фрагментами.

Экспедиции всегда были очень важной частью работы сектора. Выезжали и большими, и малыми группами. Однажды Александр Бадмаевич взял в экспедицию С. П. Рожнову – он хотел, чтобы редакторы, которые работали над томом на последнем этапе его подготовки, имели представление о стадии сбора материала. Мне довелось побывать в Хабаровском и Приморском краях, по Якутии поездила. Со временем стало трудно организовывать большие экспедиции, перешли на малые отряды в 2-3 человека. Сотрудники сектора посетили многие сибирские и дальневосточные регионы: кроме уже упомянутых, были в Иркутской области, в Красноярском крае, на Чукотке, Сахалине, Камчатке... В поиске информантов, построении маршрутов в каждом регионе большую помощь оказывали местные ученые и представители национальной интеллигенции.

Вообще на всех этапах подготовка томов была коллективной работой. Первые совещания авторских коллективов проходили, как большие конференции, съезды. Специалисты – фольклористы и музыковеды – приезжали со всего Союза.

В то время люди работали с большим энтузиазмом. Параллельно готовились несколько рукописей. Практически одновременно к финишу двигались пять томов, и нужно было определить, какой из них будет опубликован первым. А. Б. Соктоев хотел открыть Серию таким томом, который бы демонстрировал, какое внимание советское государство и наука оказывают малым народам. В итоге выбор пал на том, подготовленный сотрудником Института языка, литературы и истории Якутского научного центра А. Н. Мыреевой «Эвенкийские героические сказания»⁴. Решено было отдать таким образом дань всему эвенкийскому народу и лично сказителю – Николаю Гермогеновичу Трофимову. Он во имя науки совершил настоящий подвиг: будучи больным, в полубессознательном состоянии ехал со стойбища до районного центра, а в своем вещмешке вез рукопись – сделанную им самозапись двух сказаний, «Храбрый Содани-богатырь» и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде». На этой тетрадке было написано: «Передать Анне Николаевне Мыреевой» (с ней он познакомился в одной из ее экспедиций). Во время операции Н. Г. Трофимов умер, врачи позже обнаружили в

⁴ Евгения Николаевна описала забавный случай, произошедший в период подготовки этого тома: «Анна Николаевна Мыреева приехала в очередной раз в Академгородок, чтобы поработать со мной, а точный адрес мой забыла, помнила только примерно. Она нашла наш двор и спросила буквально у первого встречного, где здесь живет женщина-азиатка, у которой длинные косы и две дочки. Ей тут же указали нужный подъезд, этаж и номер квартиры».

его вещах рукопись и передали ее ученым. Вот так эвенкийский том был издан первым, хотя эвенков и нельзя отнести к малочисленным народам.

На приеме в Президиуме СО РАН после вручения коллективу серии «Памятники фольклора...» Государственной премии РФ. г. Новосибирск, 2002 г.
Слева направо: А. П. Деревянко, В. И. Молодин, Н. А. Алексеев, С. П. Рожнова,
В. А. Ламин, Е. Н. Кузьмина, Н. Л. Добрецов.

В период становления Серии мне пришлось оставить занятия своей научной темой. Александр Бадмаевич считал, что «Памятники фольклора...» должны быть абсолютным приоритетом. Индивидуальную тему я начала восстанавливать только после ухода А. Б. Соктоева, с 1997 года. И то не сразу это получилось, потому что тома шли и шли, организационная и научная работа занимала всё мое время. Ведь к каждому тому нужен был свой подход – и к материалу, и к людям. Каждый том – особая традиция, живая история, со своими сложными переплетениями: это и личная, и научная, и организационная работа. Всё сплетается в какой-то клубок и замыкается на конкретном томе.

Я вернулась к изучению героического эпоса, стала систематизировать накопленные знания, выявлять структуру сюжета, составляющие его мотивы, типические места. Теперь уже я обратилась не только к бурятскому эпосу, но и к эпическому материалу других сибирских народов. В итоге в 2005 году была защищена докторская диссертация⁵, а также издан «Указатель типических мест героического эпоса сибирских народов»⁶.

Накопление материала шло постепенно. С бурятским героическим эпосом я досконально познакомилась, когда училась в аспирантуре и сидела в архивах. Уже тогда составила какой-то фонд сюжетов,

⁵ Тема диссертации: «Героический эпос народов Сибири: аспекты двуязычной эдиции и типологии (на материале серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»)»

⁶ Указатель типических мест героического эпоса сибирских народов (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Экспериментальное издание / Отв. ред. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1382 с.

мотивов, персонажей. А когда начала работать над томами Серии, я увидела, что в героическом эпосе других народов, при всем национальном своеобразии, есть сходные черты.

И еще мной двигало удивление: хотелось выяснить, как сказитель запоминает тексты такого огромного объема. Ведь сказитель может исполнять эпос несколько часов – от вечерней до утренней зари, с небольшими перерывами на то, чтобы выпить чаю или выкурить трубку. И постепенно я выявила наличие в эпосе каждого народа типических мест, синтагматически связанных между собой. Они составляют каркас текста, на котором и вырастает весь сюжет. Зная только этот каркас и фонд эпических формул, сказитель может исполнить эпическое произведение.

Вот сказитель приступает к исполнению эпоса, и сначала он должен описать, где всё будет происходить – это типическое место о первотворении. Затем он хочет рассказать о герое: «Жил богатырь такой-то». И сразу возникает следующий эпизод – где он жил? Например, герой жил во дворце – а что это за дворец, он уже был готовый или герой сам его строил? Этот эпизод входит в описание. И так по кирпичику, по кирпичику – внешность героя, во что он был одет, какой у него конь, какое вооружение, и далее по развитию сюжета. Исполнитель знает каркас повествования, кроме того, у него в памяти хранится определенный лексический фонд для описания каждого типического места, который транслируется из одного сказания в другое. И есть такие сказители, которые никогда ни от чего не отклоняются, соблюдая традиционный канон, а есть импровизаторы – они склонны к творчеству, расширяют или сокращают типические места.

Эпическое произведение в зависимости от обстоятельств исполнения может быть длиннее или короче, с развитыми или краткими сюжетными линиями. Много может иметь значение: настроение исполнителя, его самочувствие, отзывчивость аудитории слушателей – откликаются ли они, подбадривают сказителя или же пассивно воспринимают.

Косы, как у богатырки из эпоса, в 1994 г. они были еще длиннее. г. Ханты-Мансийск, 2004 г.

В процессе исследования выяснилось, что существуют интертекстуальные типические места и такие, которые свойственны только конкретному тексту. Краткое изложение структуры составленного мной указателя занимает две страницы, но даже если бы я увеличила описание в несколько раз, всё равно не удалось бы исчерпать все варианты, возможные в текстах. Поэтому решено было сделать указатель открытого типа. Во вступительной статье я написала, что такие указатели надо создавать, опираясь на национальные корпуса эпических текстов: то есть хакасский эпос должен иметь свой указатель, якутский – свой, и так далее⁷.

Я слушала сказителей на Алтае. Кроме того, в 1994 году, в одной из экспедиций мне посчастливилось слушать исполнение эпоса знаменитым якутским сказителем Василием Осиповичем Каратаевым. Удивительный исполнитель, он мог сказывать девять часов подряд. Помню, как мы шли в клуб, чтобы как раз сделать запись: я шла впереди с распущенными косами, а Василий Осипович с другими участниками экспедиции – позади. И вот он посмотрел на мои длинные косы и говорит: «У моей богатырки что-то волосы коротковаты, надо бы их сделать на пару тутум длиннее» (с якутского, «тутум» – это расстояние, равное высоте кулака). Вот так, судя по словам сказителя, творческий процесс у него шел постоянно.

⁷ Отметим, что в настоящее время таких национальных указателей пока не существует. Исследователи сибирских эпических традиций пользуются методикой анализа, предложенной Е. Н. Кузьминой, и опираются на созданный ею Указатель.

Педагогическая деятельность

В 1990 году в НГУ на гуманитарном факультете открыли отделение тюркской филологии и стали набирать студентов из национальных республик – Алтая, Тувы, Хакасии. Им я читала курс «Фольклор народов Сибири» (1992–2008). Руководила курсовыми и дипломными работами студентов гуманитарного факультета (1993–2012).

В Институте филологии под моим руководством были написаны и защищены восемь кандидатских диссертаций и одна докторская (Ж. М. Юша). При выборе темы для аспиранта я всегда учитываю его интересы, смотрю, какие публикации у него уже есть, к чему он склонен. Среди моих соискателей Любовь Арбачакова, Надежда Чистобаева, Валентина Миндибекова, Туяра Илларионова, Марина Петрова, Лидия Ачитаева, Юлия Лиморенко, Анна Гриневиц, Жанна Юша, Белла Коломакина, Наталья Шульбаева, Алина Дмитриенко.

Евгения Николаевна Кузьмина много лет ведет большую научно-организационную работу. Она является членом Ученого совета Института филологии СО РАН, председателем редакционного совета журнала «Языки и фольклор коренных народов Сибири», членом редакционного совета журналов «Эпосоведение», «Научное обозрение Саяно-Алтая», выступает в качестве ответственного редактора научных изданий и оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций, проводит экспертизу научно-исследовательских проектов.

Сотрудники сектора фольклора народов Сибири и весь коллектив Института филологии СО РАН сердечно поздравляют уважаемую Евгению Николаевну с юбилеем и желают здоровья, благополучия и много сил для достижения новых научных вершин!

Текст подготовила *Татьяна Дайнеко*

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
16.05.2022*

Сведения об авторе

Дайнеко Татьяна Владимировна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007

Information about the Author

Tatyana V. Dayneko – Candidate of Art Studies, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007

УДК 398+001.8''1929/2021''
DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-100-120

**Памяти Учителя:
Татьяне Георгиевне Леоновой посвящается**

В. А. Москвина¹, Е. П. Соловьёва²

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

² Независимый исследователь, с. Седельниково, Омская область, Россия

Для цитирования

Москвина В. А., Соловьёва Е. П. Памяти Учителя: Татьяне Георгиевне Леоновой посвящается // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 100–120. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-100-120

**In memory of the Teacher:
Dedicated to Tatyana Georgievna Leonova**

V. A. Moskvina¹, E. P. Solovyova²

¹ Omsk state pedagogical University, Omsk, Russian Federation

² Independent Researcher, Sedelnikovo village, Omsk region, Russian Federation

For citation

Moskvina V. A., Solovyova E. P. Pamyati Uchitelya: Tat'yane Georgievne Leonovoy posvyashchaetsya [In memory of the Teacher: Dedicated to Tatyana Georgievna Leonova]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 100–120. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-100-120

16 декабря 2021 года ушла из жизни Татьяна Георгиевна Леонова – доктор филологических наук, профессор, руководитель Сибирского регионального вузовского центра по фольклору на базе Омского государственного педагогического университета, председатель оргкомитета ежегодного научного симпозиума «Народная культура Сибири».

Имя сибирского фольклориста Татьяны Георгиевны Леоновой (1929–2021) хорошо известно в научном сообществе.

Т.Г. Леонова родилась 2 мая 1929 г. в городе Иркутске. Ее родители, Георгий Алексеевич Леонов и Клавдия Павловна Красильникова-Леонова, окончили Иркутский университет. Будучи учеником известного фольклориста и этнографа Г. С. Виноградова, Георгий Алексеевич в 1920-х гг. участвовал в этнографических экспедициях, где собирал материалы о деревянном зодчестве и другие сведения о народной культуре Восточной Сибири. К сожалению, 1930-е гг. изменили его судьбу, сделав военным топографом. Клавдия Павловна почти всю жизнь проработала библиотекарем. Семейная любовь к книгам, уважение к науке определили профессиональный выбор Татьяны Георгиевны.

© В. А. Москвина, Е. П. Соловьёва, 2022

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2022. No. 1 (iss. 43)

Великая Отечественная война застала семью Г. А. Леонова в Ярославле, откуда его жена и дочь были эвакуированы сначала в Казахстан, а затем, в 1942 г. – в Омск. Здесь Т. Г. Леонова начала свою трудовую деятельность в 1943 г.

По окончании школы в 1948 г. Т. Г. Леонова поступила в Омский государственный педагогический институт (ОмГПИ)¹. Еще в студенческие годы она начала собирать и изучать региональный фольклор. Первая фольклорная экспедиция преподавателей и студентов ОмГПИ в районы Омской области, организованная в 1951 г. Виктором Антоновичем Василенко, стала стартом полевых исследований Татьяны Георгиевны. Во время экспедиции она начала запись фольклора со сказок, и это определило тему будущей научной работы.

Окончив институт, Т. Г. Леонова была направлена в аспирантуру, где под руководством профессора Владимира Ивановича Чичерова подготовила кандидатскую диссертацию «Традиции русской народной сказки Сибири», которую защитила в Институте мировой литературы им. М. А. Горького РАН (ИМЛИ РАН). В диссертации, преимущественно на материале омских записей волшебных и бытовых сказок, решались вопросы своеобразия сказочной традиции Западной Сибири и эволюции жанра сказки в современных условиях. Т. Г. Леонова доказала, что местное своеобразие проявляется в сюжетном составе сказочного репертуара омских исполнителей, в степени популярности и оригинальности разработки отдельных сюжетов (например, среди волшебных сказок наиболее популярны сюжеты о чудесном бегстве и двух братьях), а также в отражении в сказках разных фольклорных традиций, в локализации места сказочного действия, в наличии диалектизмов в языке сказок.

Вернувшись в Омск, с 1956 г. Т. Г. Леонова начала работать на кафедре русской и зарубежной литературы ОмГПИ, пройдя путь от ассистента до профессора. В преподавательском арсенале Татьяны Георгиевны были разные курсы. Сначала молодому преподавателю поручили читать курсы русской литературы XIX и XX вв. и теории литературы. Позже, наряду с фольклором, Т. Г. Леонова читала древнерусскую литературу, вела спецкурсы и спецсеминары, посвященные проблемам регионального фольклора, фольклорно-литературного взаимодействия, поэтики словесного творчества, также разработала курс этнологии для студентов-культурологов. Все учебные занятия Т. Г. Леоновой проводились на высоком научном, методологическом и методическом уровне. В ее курсах материал всегда разрабатывался теоретически глубоко и вместе с тем доступно для студентов. Одним из важных достоинств Татьяны Георгиевны как преподавателя являлось умение представить читаемый ею курс в контексте гуманитарной науки в целом, показать связь между вербальным и невербальным искусством, осветить рассматриваемый предмет с позиций смежных дисциплин. Педагогический опыт профессора Леоновой закреплен в ряде научно-методических публикаций, посвященных проблемам преподавания фольклора и этнологии, а также организации и проведению фольклорных практик.

Т. Г. Леонова стояла у истоков фольклорного архива ОмГПУ, который был организован В. А. Василенко в 1951 г. Ученица приняла эстафету у своего учителя: под ее руководством архивный материал был систематизирован в соответствии с требованиями фольклористики того времени. Татьяна Георгиевна также разработала «Положение о фольклорном архиве», отразившее специфику хранения и использования в научных и учебных целях экспедиционных материалов.

Татьяна Георгиевна Леонова. 2008 г.

¹ В настоящее время – Омский государственный педагогический университет (ОмГПУ).

Т. Г. Леонова более 40 лет руководила кружком народного творчества, который стал для многих поколений студентов ступенью в мир фольклора. В течение многих лет Татьяна Георгиевна организовывала экспедиции и учебные практики студентов по собиранию фольклора Омской области. Под ее руководством состоялось 25 выездов в разные районы Омской области. Ею же регулярно готовилась и публиковалась информация о результатах экспедиций и обзоры экспедиционных материалов в сборниках «Фольклор и литература Сибири» (Омск, 1974, 1975, 1976, 1981), в ежегоднике «Русский фольклор» (Т. 16. Л., 1976; Т. 17. Л., 1977).

На основе экспедиционных материалов Татьяна Георгиевна опубликовала несколько сборников фольклора Омской области. В «Народных песнях Прииртышья» (Омск, 1969) представлены в наиболее полном объеме, по сравнению с другими печатными источниками, песни, записанные в Омской области, начиная от свадебных обрядовых и кончая песнями и частушками времен Великой Отечественной войны. Предисловие к сборнику содержит сведения о публикациях фольклора Омской области, заметки собирателей об исполнителях, их творческой манере, ситуативном контексте записи. В примечаниях дана характеристика каждого раздела сборника и паспортные данные к текстам.

«Фольклор Западной Сибири» (Омск, 1974) – первый в Сибири сборник обрядового календарного и свадебного фольклора. Он составлен Т. Г. Леоновой с участием студентов. В отличие от предыдущего сборника песен здесь представлены не только русские, но и белорусские песни Омской области. К текстам имеются пояснения исполнителей по поводу бытования, комментарии с указанием вариантов и места записи, что позволяет судить о географии распространения и степени популярности песни в Омской области, а также библиография вариантов песни и результаты сравнения с ранее опубликованными вариантами тех же песен.

Начатое В. А. Василенко издание сказок из фольклорного архива ОмГПУ было продолжено Т. Г. Леоновой в сборнике «Фольклор Западной Сибири: Сказки» (Омск, 1982). Материал в книге расположен в соответствии с жанровой классификацией, в предисловии отмечены особенности омских записей сказок. Комментарии дают представление о вариантах текста и географическом распространении сюжета в области. В сборнике имеются необходимые указатели (исполнителей, собирателей, текстов).

В 1989 г. Т. Г. Леонова защитила в ИМЛИ РАН докторскую диссертацию «Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке», в которой выявила стадиальность процесса развития русской литературной сказки XIX в. в ее отношении к фольклорным традициям. Развитие происходит от совмещения компонентов фольклорной и литературной систем к их синтезу, от фольклорно-литературного синтеза, от расцвета жанра в русле фольклорных традиций к оригинальной авторской системе с наличием в ней фольклорных компонентов в их изначальных и новых функциях. Т. Г. Леонова дала оригинальное определение жанра литературной сказки и доказала, что стабильными жанровыми свойствами, определяющими ее фольклоризм, являются характер вымысла, принятого автором и читателем как условность, и сказовая форма повествования. Эти свойства являются общими для сказок разных писателей, но имеют специфическое индивидуальное воплощение и функции.

Помимо изучения и публикации сказок, традиционных обрядовых и необрядовых песен, вопросов фольклорно-литературного взаимодействия, в сферу научных интересов Т. Г. Леоновой входили проблемы регионального фольклора: динамика локальных традиций и их особенности, а также межкультурное взаимодействие в полиэтническом регионе. Также ею рассмотрены вопросы изучения народного романса, его места в современном песенном репертуаре омских исполнителей, проанализирован песенный фольклор Великой Отечественной войны, записанный в Омской области, выявлены жанровые особенности устного автобиографического рассказа.

В 1980–1990-х гг. ее научная работа была связана главным образом с реализацией планов Института филологии СО РАН по изданию серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», не имеющей аналогов в мировой издательской практике. Она стала одним из составителей (вместе с Р. П. Матвеевой) тома «Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных» (Новосибирск, 1993). Как ответственный редактор выпустила тома «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры» (Новосибирск,

1997) и «Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть» (Новосибирск, 2002).

С 1992 г. Т. Г. Леонова являлась руководителем Сибирского регионального вузовского центра по фольклору и председателем оргкомитета ежегодного межвузовского научно-практического семинара «Народная культура Сибири», собирающего специалистов из многих регионов России и ближнего зарубежья. На семинаре реализовалось междисциплинарное и комплексное изучение народной культуры Сибири. Приоритетными направлениями на семинаре оставались следующие: методология и история науки, теоретические и методологические проблемы в изучении народной культуры, материальная культура народов Сибири, традиционная культура коренных народов Сибири и переселенцев, вопросы взаимодействия этнических традиций, взаимосвязь фольклора с литературой и другими видами искусства, народная культура и современность. Татьяна Георгиевна при подготовке программ мероприятия отличалась умением выстроить заседания семинара с учетом внутренней логики каждого направления, заострить внимание на наиболее актуальных вопросах, поднимаемых в докладах. На проведение семинаров и издание сборников материалов Т. Г. Леонова не раз получала финансовую поддержку со стороны Российского гуманитарного научного фонда, что свидетельствует о высокой научной значимости данного форума.

Обладая творческими и организаторскими способностями, Т. Г. Леонова создала свою научную школу, объединившую группу аспирантов и соискателей сибирского региона, ею подготовлено 12 кандидатов филологических наук, которые работают в системе образования, многие занимают ответственные должности – доцентов и заведующих кафедрами.

Список научных трудов Т. Г. Леоновой насчитывает более 200 публикаций (см. Приложение к данной статье), в 38 изданиях она была ответственным редактором, что свидетельствует о творческой активности и обширности интересов ученого. Работы Т. Г. Леоновой нашли широкое применение в исследовательской и практической деятельности учебных и научных учреждений разного профиля.

По решению Президиума Российской академии наук, Т. Г. Леоновой за цикл работ по фольклору Сибири присуждена премия им. А. Н. Веселовского за 2003 г.

В последние два десятилетия Татьяна Георгиевна продолжала активную научную деятельность, итогом которой стали две монографии. В 2009 г. она завершила работу над материалами архива ее отца Г. А. Леонова [Леонов, Леонова, 2009]. В 1927–1930 гг. он выезжал в экспедиции по Илимскому краю как действительный член Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Книгу Татьяна Георгиевна сначала задумывала как научный сборник архивных материалов, но в процессе работы над ними сложилось монографическое осмысление записей и зарисовок, отразивших быт населения, деревянное зодчество, деревянную скульптуру и декоративную резьбу, крестьянскую живопись и фольклор Илимского края 1920–1930-х гг. Благодаря совместной, хотя и разделенной большим временным периодом, работе Георгия Алексеевича и Татьяны Георгиевны, в научный оборот введен уникальный новый материал, характеризующий явления, ныне исчезнувшие. Данная монография является образцом комплексного методологического подхода к фиксации и изучению традиционной культуры отдельного региона. Книгу высоко оценили ведущие ученые. Так, Б. А. Конилов отметил высокий профессионализм авторов и особо подчеркнул значимость разделов, связанных с искусством русского старожильческого населения Сибири и снабженных «великолепными экспедиционными рисунками» Г. А. Леонова [Там же, с. 5]. Н. А. Томилов также заострил внимание на иллюстративном материале, в том числе фотографиях, сделанных во время экспедиций, и на качественном их отборе, подчеркнул актуальность материала рубежа 1920–1930-х гг. для решения выдвигаемых «современной наукой проблем его систематизации, региональной / локальной специфики, эволюции форм народной культуры» [Там же, с. 7]. Становление методологии изучения традиционной культуры, прослеженное в монографии, выделила как важный результат работы ее авторов Т. Г. Иванова и подчеркнула, «что разбор, осмысление и систематизация архива, состоящего из разнохарактерных документов, потребовали от Т. Г. Леоновой много сил и терпения» [Там же, с. 8].

Последняя монография Т. Г. Леоновой «Проблемы изучения регионального фольклора» – это своеобразный итог ее работы по изучению проблем регионального фольклора. В монографию вошли исследования разных лет, начиная с 1950-х гг. и заканчивая 2000-ми. Монография состоит

из двух частей, каждая из которых посвящена определенному направлению научной деятельности автора. В первой главе первой части объединены и систематизированы работы, посвященные полевым исследованиям и архивным разысканиям: это и обзорные статьи по результатам экспедиционных выездов, и статьи, связанные с изучением архивных материалов известных сибирских фольклористов, и работы, определяющие методологические принципы архивохранения и использования архивных материалов в научной и учебной деятельности.

Особого внимания заслуживают главы, в которых прослеживается история изучения и издания фольклора Омской области, раскрываются актуальные проблемы сибирской фольклористики. Опыт руководства Сибирским региональным вузовским центром по фольклору и многолетнее изучение истории фольклористики Сибири помогли Татьяне Георгиевне в написании работ по истории изучения омского фольклора.

Также в монографии важное место занимает разработка методологических принципов исследования регионального фольклора, история его изучения и определение понятий «региональный» / «локальный», теоретическое обоснование комплексного метода в исследовании локальных традиций и рассмотрение фольклорно-литературных связей в культуре региона.

В монографии отразилась широта взглядов Т. Г. Леоновой, ее глубокие знания культуры Сибири, многоаспектность ее исследовательской работы. Как писала сама Татьяна Георгиевна: «Книгу считаю для себя итоговой. В нее включено главное из того, что успела сделать по проблемам регионального фольклора, что останется после меня и может быть полезным для других» [Леонова, 2014, ч. 1, с. 15]. Действительно, книга нужна не только фольклористам, но и студентам, начинающим постигать особенности культуры, фольклора своего края.

Татьяна Георгиевна Леонова до конца жизни оставалась в научном строю: принимала участие в подготовке юбилейного XXX семинара «Народная культура Сибири», который состоялся 30 ноября – 2 декабря 2021 г., сделала доклад на семинаре, а через две недели ее не стало. Ее ученики и коллеги вспоминают сибирского ученого, обращаются к ее трудам и продолжают начатое ею направление в изучении фольклора Омского Прииртышья.

Список литературы

Леонов Г. А., Леонова Т. Г. Народная культура Илимского края: по архивным материалам рубежа 1920–1930 гг. Омск: Амфора, 2009. 456 с., 239 ил.

Леонова Т. Г. Проблемы изучения регионального фольклора: Монография в 2 ч. Омск: Амфора, 2014. Ч. 1. 336 с., 128 ил.; Ч. 2. 420 с., 48 ил.

References

Leonov G. A., Leonova T. G. *Narodnaya kul'tura Ilimskogo kraja: po arkhivnym materialam rubezha 1920–1930 gg.* [Folk culture of the Ilim region: based on archival materials from the turn of 1920–1930]. Omsk: Amfora, 2009. 456 p.

Leonova T. G. *Problemy izucheniya regional'nogo fol'klora: Monografiya: v 2 ch.* [Problems of studying regional folklore: Monograph in 2 parts]. Omsk: Amfora, 2014. Pt. 1, 336 p; Pt. 2, 420 p.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
16.03.2022*

Приложение Appendix

Библиография Татьяны Георгиевны Леоновой (составила В. А. Москвина)

Bibliography of Tatyana Georgievna Leonova (compiled by V. A. Moskvina)

Диссертационные работы

1. *Леонова Т. Г.* Традиции русской народной сказки в Сибири: Дис. ... канд. филол. наук: Рукопись. (М.: ИМЛИ АН СССР, 1956.) 307 с.
1. *Леонова Т. Г.* Традиции русской народной сказки в Сибири: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ АН СССР, 1956. 16 с.
2. *Леонова Т. Г.* Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: Дис. ... д-ра филол. наук: Рукопись. (Омск: ОГПИ, 1988.) 402 с.
3. *Леонова Т. Г.* Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: ИМЛИ АН СССР, 1988. 29 с.

Монографии

4. *Леонова Т. Г.* Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. 197 с.
5. Народная культура Муромцевского района: [Коллективная монография] / М. Л. Бережнова и др.; Омск. филиал Объединенного ин-та истории, филологии и философии СО РАН; Редкол.: Т. Г. Леонова (отв. ред.) и др. М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 2000. 334 с.
6. *Леонов Г. А., Леонова Т. Г.* Народная культура Илимского края: по архивным материалам рубежа 1920–1930 гг. Омск: Амфора, 2009. 456 с., 239 ил.
7. *Леонова Т. Г.* Проблемы изучения регионального фольклора: Монография в 2 ч. –Омск: Амфора, 2014. Ч. 1. 336 с., 128 ил.; Ч. 2. 420 с., 48 ил.

Публикации фольклорных текстов

8. Народные песни Прииртышья / Сост., вступ. ст. и примеч. Т. Г. Леоновой. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. 166 с.
9. Загадаю – отгадай! Загадки народов СССР / Сост., предисл., ред. Т. Г. Леоновой и Е. Г. Долгих. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 255 с.
10. Фольклор Западной Сибири / Сост. и предисл. Т. Г. Леоновой. Омск: Изд-во ОГПИ, 1974. Вып. 1. 116 с.
11. Русские сказки Сибири / Сост., вступ. статья Т. Г. Леоновой. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1977. 191 с.
12. Фольклор Западной Сибири. Сказки / Предисл., подгот. текстов, ред. Т. Г. Леоновой. Омск: Изд-во ОГПИ, 1982. 128 с.
13. Сказки писателей Сибири / Сост., вступ. ст., примеч. Т. Г. Леоновой. Омск: Омск. книжн. изд-во, 1986. 351 с.
14. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука», 1993. 352 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
15. Белорусский фольклор на омской земле / Сост. и предисл. Т. Г. Леоновой. Омск: Омский Левша, 2001. 63 с.

16. Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Семейно-обрядовые песни и причитания / Отв. сост. Н. В. Леонова; сост. Т. Г. Леонова, А. М. Свиридова, Т. Б. Варфоломеева, К. П. Кабашников, А. С. Федосик; отв. ред. В. М. Гацак. Новосибирск: Наука, 2011. 548 с., ил., ноты + компакт-диск. (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока; Т. 31).

Статьи, доклады, тезисы, обзоры, рецензии, материалы к библиографии

1955

17. Леонова Т. Г. Питре Джузеппе // Большая советская энциклопедия. М., 1955. Т. 33.

1961

18. Леонова Т. Г. Из истории собирания и изучения народной сказки Сибири (дооктябрьский период) // Ученые записки. Омск: Изд-во ОГПИ, 1961. Вып. 13. Серия историко-филологическая. Ч. 2. Труды кафедры русской и зарубежной литературы. С. 1–18.

1962

19. Леонова Т. Г. Литературная жизнь в Омске в годы Великой Отечественной войны: (Материалы к библиографии) // Ученые записки. Омск: Изд-во ОГПИ, 1962. Вып. 17. Труды кафедры русской и зарубежной литературы. С. 169–213.

1965

20. Леонова Т. Г. Эволюция жанра сказки в условиях современности // Сибирский фольклор: Межвуз. сб. статей. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1965. Вып. 1. С. 99–120.

1966

21. Леонова Т. Г. Наблюдения над современным состоянием фольклора (по материалам фольклорных экспедиций 1963–1964 гг.) // Современный русский фольклор: Сб. статей. М.: Наука, 1966. С. 24–42.

1967

22. Леонова Т. Г. Пути развития советской народной песни // Роль фольклора в коммунистическом воспитании: Сб. статей / АН СССР. Сибирское отделение. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. С. 118–127.

23. Леонова Т. Г. Литературная жизнь в Омске в годы Великой Отечественной войны // Из истории партийных организаций Западной Сибири: Ученые записки. Омск: Изд-во ОГПИ, 1967. Вып. 28. С. 137–147.

1969

24. Леонова Т. Г. Сибирская сказка Г. А. Мачтега // Вопросы русской и зарубежной литературы: Ученые записки. Омск: Изд-во ОГПИ, 1969. Вып. 40. С. 32–49.

1970

25. Леонова Т. Г. Фольклорные традиции в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина (к вопросу о «низком» герое) // Вопросы русской литературы: Ученые записки. Омск: Изд-во ОГПИ, 1970. Вып. 56. С. 39–47.

26. Леонова Т. Г. Хороводно-игровые песни в селах Прииртышья // Современное состояние народного творчества: Тез. докл. всесоюзной конф. Л.: Наука, 1970. С. 70–72.

1973

27. Леонова Т. Г. Взаимодействие художественных традиций в разных жанрах славянского фольклора // Эпическое творчество народов Сибири: Тез. докл. всесоюзной конф. Улан-Удэ, 1973. С. 91–93.

1974

28. Леонова Т. Г. Взаимодействие фольклорных традиций в сибирских селах со смешанным населением // Фольклор и литература Сибири. Омск: Изд-во ОГПИ, 1974. Вып. 1. С. 3–23.

29. Леонова Т. Г. Обзор материалов фольклорных экспедиций Омского пединститута за 20 лет // Фольклор и литература Сибири. Омск: Изд-во ОГПИ, 1974. Вып. 1. С. 69–98.

30. Леонова Т. Г. Образ рассказчика в народной и литературной сказке // Прозаические жанры фольклора народов СССР: Тез. докл. всесоюзной конф. Минск: Наука, 1974. С. 186–189.

1975

31. *Леонова Т. Г.* Фольклорный репертуар сибирских сел с разным составом населения // Фольклор и литература Сибири: Межвуз. сб. статей. Омск: Изд-во ОГПИ, 1975. Вып. 2. С. 21–23.
32. *Леонова Т. Г.* Жанровая специфика русской литературной сказки XIX века в ее отношении к фольклорной сказке // Проблемы литературных жанров: Материалы межвуз. науч. конф. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1975. С. 198–199.

1976

33. *Леонова Т. Г., Белкина Л. М.* Обзор и публикация материалов фольклорной экспедиции 1974 г. в Знаменский и Муромцевский районы Омской области // Фольклор и литература Сибири. Омск: Изд-во ОГПИ, 1976. Вып. 3. С. 31–46.
34. *Леонова Т. Г., Белкина Л. М., Фролова Н. К.* Поездки Омского педагогического института: (Научная информация) // Русский фольклор: (Материалы и исследования). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. Т. 4. С. 304.

1977

35. *Леонова Т. Г., Шомина В. Г.* Бурятские народные сказки: [Рецензия] // Байкал. 1977. № 7. С. 124–126.
36. *Леонова Т. Г.* Экспедиционная работа // Русский фольклор: (Материалы и сообщения). Л.: Наука, 1977. Т. 17. С. 207.

1978

37. *Леонова Т. Г.* О психологическом изображении как средстве осмеяния персонажей в сказках А. С. Пушкина // Художественный метод и творческая индивидуальность: Межвуз. сб. статей. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. С. 3–14.

1979

38. *Леонова Т. Г.* К вопросу об эволюции жанра сказки в русской литературе XIX века // Проблемы литературных жанров: Материалы межвуз. науч. конф. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. С. 189–191.

1980

39. *Леонова Т. Г.* Психологическое изображение в русской литературной сказке второй половины XIX века // Проблемы психологизма в художественной литературе: Межвуз. сб. статей. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. С. 104–120.
40. *Леонова Т. Г.* Свидетельство Э. Андреоли о бытовании сказок и преданий в Сибири в середине XIX века // Фольклор и литература Сибири. Омск: Изд-во ОГПИ, 1980. С. 12–24.
41. *Леонова Т. Г.* Современное состояние фольклора в его региональном проявлении // Всесоюзная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований. Уфа: Наука, 1980. С. 187–188.

1981

42. *Леонова Т. Г.* Русские народные сказки Сибири о богатырях. Новосибирск: Наука, 1979; Русские свадебные песни Сибири. Новосибирск: Наука, 1979: [Рецензия] // Филологические науки. 1981. № 5. С. 83–85.
43. *Леонова Т. Г.* Я. Р. Кошелев – фольклорист, литературовед, педагог // Сибирский фольклор. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1981. С. 3–22.
44. *Леонова Т. Г.* Сюжеты пушкинских сказок в местной фольклорной традиции // Фольклор и литература Сибири. Омск: Изд-во ОГПИ, 1981. С. 105–119.

1982

45. *Леонова Т. Г.* Роль кафедры в собирании местного фольклора, его изучении и использовании в учебно-воспитательном процессе // Развитие теории и практики коммунистического воспитания учащейся молодежи: Тез. внутривуз. конф. Омск: Изд-во ОГПИ, 1982. С. 56–62.

1984

46. *Леонова Т. Г.* Фольклорные и литературные начала в «Сказке о копейке» С. М. Степняка-Кравчинского // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора: Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. С. 97–109.

47. *Леонова Т. Г.* Современная литературная сказка и народно-поэтическая традиция // Фольклорное наследие народов СССР и современность: Сб. статей / АН СССР. Науч. совет по фольклору и др. Кишинев: Штиинца, 1984. С. 246–260.

1985

48. *Леонова Т. Г.* О собирании и некоторых вопросах изучения фольклора Омской области // Русский фольклор: (Материалы и исследования). Л.: Наука, 1985. Т. 23. С. 11–18.
49. *Леонова Т. Г.* Образ Лукоморья в поэзии Л. И. Мартынова // Проблемы творчества Л. Мартынова: Межвуз. сб. науч. трудов. Омск: Изд-во ОГПИ, 1985. С. 82–94.

1987

50. *Леонова Т. Г.* О сходстве и различии формы повествования в русской народной и литературной сказке // Художественный метод и творческая индивидуальность писателя: Межвуз. сб. статей. Омск: Изд-во ОГПИ, 1987. (Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 33232).

1991

51. *Леонова Т. Г.* Этико-эстетическое содержание фольклорного образа в контексте русской литературной сказки // Этико-эстетические основы русского фольклора: Тез. докл. и сообщений республикан. науч. конф. Свердловск, 1991. С. 21–23.
52. *Леонова Т. Г.* Задачи изучения фольклоризма русской литературной сказки // Русский фольклор: Проблемы изучения и преподавания: Тез. докл. межвуз. науч. конф. Тамбов, 1991. Ч. 1. С. 15–18.
53. *Леонова Т. Г.* Фольклорный архив Омского пединститута и работа вокруг него // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Межвуз. сб. науч. трудов. Иркутск, 1991. С. 86–91.
54. *Леонова Т. Г.* Указатель сказочных сюжетов // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Межвуз. сб. науч. трудов. Иркутск, 1991. С. 91–99.
55. *Леонова Т. Г.* Предисловие // Окунева К. М. Таёжная росинка: Сб. авторской самодеятельной песни. Муромцево, 1991. С. 3–5.

1992

56. *Леонова Т. Г.* О задачах и перспективах работы Западно-Сибирского регионального вузовского центра по изучению и сохранению народной культуры // Материалы Первого семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОГПИ, 1992. С. 16–21.
57. *Леонова Т. Г.* Славянские межэтнические связи в фольклоре Омской области // Славянские чтения: Литература. Язык. История. Этнография. Тез. докл. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во ОГПИ, 1992. Вып. 1. С. 21–23.
58. *Леонова Т. Г.* О значении «Жития Сергия Радонежского» в русской литературе // Русский вопрос: история и современность: Тез. докл. всерос. науч. конф. Омск, 1992. Ч. 2. С. 57–58.
59. *Леонова Т. Г.* Актуальные задачи собирания и изучения фольклора // Русский вопрос: история и современность: Тез. докл. всерос. науч. конф. Омск, 1992. Ч. 2. С. 58–59.
60. *Леонова Т. Г.* Фольклорные традиции Вятского края в Западной Сибири // Вятская земля в прошлом и настоящем: Тез. второй регион. конф. Киров: КГПИ, 1992.

1993

61. *Леонова Т. Г.* Локальные традиции в фольклоре русского населения Омской области // Духовное возрождение России: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Секция 3. Научный семинар. Омск, 1993. С. 138–140.
62. *Леонова Т. Г.* Русский «жестокий» романс как предмет комплексного изучения // Славянские чтения: Духовная культура и история славян: Тез. и материалы докл. науч.-практ. конф. Омск: Изд-во Тарского филиала ОГПИ, 1993. Вып. 2. С. 81–82.

1994

63. *Леонова Т. Г.* Перспективы изучения сказок о животных по сибирским записям // Русский фольклор и фольклористика Сибири: Тез. докл. всерос. науч. конф. Улан-Удэ, 1994. С. 7–8.

1995

64. *Леонова Т. Г.* «Житие Сергия Радонежского» в развитии русской агиографической литературы // Жанровое развитие искусства слова. Омск: ОмИПКРО, ОмГПУ, 1995. С. 5–22.
65. *Леонова Т. Г.* Народный костюм в песнях Омского Прииртышья // Художественное моделирование и народные традиции: Материалы всерос. науч. конф. / Отв. ред. В. Б. Богомолов, Н. А. Томилов. Омск: ОмТИ, 1995. Ч. 1. С. 79–84.
66. *Леонова Т. Г.* Об урбанизации народной песенной культуры // Урбанизация и культурная жизнь Сибири: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Омск: СФ РИК, 1995. С. 241–243.
67. *Леонова Т. Г.* Русские сказки о животных в контексте фольклора аборигенов Сибири // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1995. Т. 1. С. 308–311.
68. *Леонова Т. Г.* Фольклор в годы Великой Отечественной войны (по омским материалам) // Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне: Материалы всерос. науч. конф. Омск: ОФ ОИИИФФ СО РАН, 1995. С. 90–94.
69. *Леонова Т. Г.* Фольклорный романс как предмет изучения и явление современной духовной народной культуры // Материалы Второго семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. С. 10–22.
70. *Леонова Т. Г.* Слово о подвижниках слова. Три сказки народов Сибири // Культура Сибири. 1995. № 1. С. 34–36.

1996

71. *Леонова Т. Г.* Песенный фольклор Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по омским материалам) // Статьи о фольклоре и литературе: Сб. науч. статей преподавателей и аспирантов кафедры русской и зарубежной литературы / Отв. ред. А. Э. Еремеев. Омск: ОмГПУ, 1996. С. 16–25.
72. *Леонова Т. Г.* Главные аспекты изучения регионального фольклора // Материалы Третьего научно-практического семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по народной культуре / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. С. 21–28.
73. *Леонова Т. Г., Морозов И. Ю.* Актуальные вопросы преподавания фольклора на филологическом факультете педагогического вуза // Материалы Третьего научно-практического семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по народной культуре / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. С. 109–115.
74. *Леонова Т. Г.* Фольклор Омской области: итоги и перспективы изучения // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1996. № 1. С. 84–96.
75. *Леонова Т. Г.* О некоторых аспектах изучения литературной сказки // Литературная сказка: История, теория, поэтика. М.: МГПУ, 1996. С. 4–7.
76. *Леонова Т. Г.* К вопросу об интеграции этнографии и филологии в изучении регионального фольклора // История и культура Сибири: Материалы отчетной сессии Омск. филиала Объединен. ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Омск, 1996. С. 44–47.

1997

77. *Леонова Т. Г.* Значение «Хождения» игумена Даниила в открытии в русской литературе темы Востока // Россия и Восток: Филология и философия: Материалы IV междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск: ОФ ОИИИФФ СО РАН, 1997. С. 5–11.
78. *Леонова Т. Г.* Итоги и перспективы изучения фольклора Муромцевского района Омской области // Народная культура: Материалы IV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. С. 5–8.
79. *Леонова Т. Г.* Фольклоризм сказок писателей Сибири (XIX век) // Народная культура: Материалы V всерос. науч.-практ. семинара по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. С. 82–84.
80. *Леонова Т. Г.* Фольклор русских Омского Прииртышья в современных условиях // Второй междунар. конгресс этнографов и антропологов: Резюме докл. и сообщений. Уфа: Вост. ун-т, 1997. Ч. 2.

81. *Леонова Т. Г.* Сибирскому региональному вузовскому центру по фольклору 5 лет: итоги работы // Народная культура Сибири и Дальнего Востока: Материалы VI науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Новосибирск, 1997. С. 5–9.
82. *Леонова Т. Г.* Положение о фольклорном архиве кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета // Народная культура Сибири и Дальнего Востока: Материалы VI науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Новосибирск, 1997. С. 186–191.
83. *Леонова Т. Г.* О монографии А. Э. Еремеева «И. В. Киреевский. Литературные и философско-эстетические искания (1820-1830)»: [Рецензия]. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 170 с. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1997. № 2. С. 145–146.

1998

84. *Леонова Т. Г.* К вопросу о жанровом своеобразии «Сказки о золотом петушке» А. С. Пушкина // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. № 3. С. 43–47.
85. *Леонова Т. Г., Москвина В. А.* Семантика и функции знахаря в заговорах // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. № 3. С. 75–78.
86. *Леонова Т. Г.* Под грифом Омского отделения Академии гуманитарных наук // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. № 3. С. 175.
87. *Леонова Т. Г.* Информация о VII научно-практическом семинаре Сибирского регионального центра по фольклору // Народная культура Сибири: Материалы VII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 3–5.
88. *Леонова Т. Г.* К вопросу о концепции курса этнологии для студентов-культурологов // Народная культура Сибири: Материалы VII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 53–57.
89. *Леонова Т. Г.* Итоги и перспективы изучения русского фольклора Омского Прииртышья // Русский вопрос и современность: Материалы Третьей всерос. науч. конф. (Омск, 17–18 декабря 1996 г.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 217–221.
90. *Леонова Т. Г.* Проблемы комплексного изучения регионального фольклора // Вторые омские искусствоведческие чтения: 6–7 февраля 1998. Сб. материалов / Отв. ред. В. Ф. Чирков. Омск: Альтернатива АРТ, 1998. С. 9–11.
91. *Леонова Т. Г.* Сказки о коте, петухе и лисе (61 В) и о мальчике и ведьме (327 С, F) в соотношении их структуры и семантики // Традиционная культура и мир детства: Материалы междунар. науч. конф. «XI Виноградовские чтения». Ульяновск: Лаборатория культурологи, 1998. Ч. 2. С. 5–25.
92. *Леонова Т. Г.* О публикации белорусских календарно-обрядовых песен (по материалам Омской области) // Славянские чтения. Омск, 1998. Вып. 6. Духовные ценности народа: Тез. и материалы науч.-практ. конф. (Омск, 24 мая 1997 г.). С. 188–189.
93. Информация о работе IV Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» / Т. Г. Леонова, Н. А. Томилов, В. Г. Рыженко, А. П. Толочко и др. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Информация о работе IV Междунар. науч. конф. Решение конференции. Омск, 1998.

1999

94. *Леонова Т. Г.* Народная фразеология в описании свадебного обряда (по материалам говоров Среднего Прииртышья) // Динамика фразеологического состава языка: Тез. междунар. науч. конф. Курган, 1999. С. 44–45.
95. *Леонова Т. Г.* О значении фольклорных экспедиций 1960-х годов // Третьи Омские искусствоведческие чтения «Н.М. Брюханов и его время» (26–28 февраля 1999 г.): Сб. материалов / Отв. ред. В. Ф. Чирков. Омск: Альтернатива АРТ, 1999. С. 88–89.
96. *Леонова Т. Г.* Коллекция по народной культуре из семейного архива Г. А. Леонова // Народная культура Сибири: Материалы VIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 49–56.
97. *Леонова Т. Г.* Информация о VIII научно-практическом семинаре Сибирского регионального вузовского центра по фольклору // Народная культура Сибири: Материалы VIII науч.-практ. семи-

нара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 3–5.

98. Леонова Т. Г. Проблема интеграции преподавания фольклора в школе и в вузе // Вопросы фольклора и литературы: К 70-летию со дня рождения Т. Г. Леоновой / Отв. ред. А. Э. Еремеев. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 42–51.
99. Леонова Т. Г. Список научных и научно-методических трудов // Вопросы фольклора и литературы: К 70-летию со дня рождения Т. Г. Леоновой / Отв. ред. А. Э. Еремеев. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. С. 152–165.

2000

100. Леонова Т. Г. Былинная традиция в Западной Сибири: к вопросу о географическом распространении // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира: Тез. докл. междунар. науч. конф. (7-8 сентября 2000 г.). Якутск, 2000. С. 8–9.
101. Леонова Т. Г. Информация о IX научно-практическом семинаре Сибирского регионального вузовского центра по фольклору // Народная культура Сибири: Материалы IX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 7–10.
102. Леонова Т. Г. Проблемы функционирования обрядового фольклора белорусов в полиэтнической среде // Народная культура Сибири: Материалы IX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 65–69.
103. Леонова Т. Г. Сибирский региональный вузовский центр по фольклору и его научно-практический семинар // Культурологические исследования в Сибири. 2000. № 1. С. 131–134.
104. Леонова Т. Г. Состояние и перспективы издания региональных сборников фольклора // Русский вопрос: история и современность: Сб. науч. трудов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 211–217.
105. Леонова Т. Г. Фольклор Омской области: итоги и перспективы изучения // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 2000. № 5. С. 28–38.

2001

106. Леонова Т. Г. Фольклор в годы войны // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск, 2001. С. 215–218.
107. Леонова Т. Г. Антропонимы и топонимы в русских песнях Муромцевского района // История и культура Сибири: Материалы работы науч. сессии Омского филиала Объединен. Ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 243–252.
108. Леонова Т. Г. Сказка о коте, петухе и лисе в региональной традиции // Фольклор и литература Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 158–169.
109. Леонова Т. Г. К проблеме фольклоризма русской литературной сказки // Первые Лазаревские чтения: Тез. регион. науч.-практ. конф. Челябинск: Изд-во, ЧГПУ, 2001. С. 170–171.
110. Леонова Т. Г. Народные песни на пушкинские тексты в фольклорной традиции // Славянские чтения. России и Пушкину посвящается: Материалы науч.-практ. конф. Омск: Курьер, 2001. Вып. VII–VIII. С. 93–98.
111. Леонова Т. Г. Традиции белорусской свадьбы в сёлах Омского Прииртышья // Славянские чтения. России и Пушкину посвящается: Материалы науч.-практ. конф. Омск: Курьер, 2001. Вып. VII–VIII. С. 93–98.
112. Леонова Т. Г. Информация о региональной научно-практической конференции «Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей» // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 3–6.
113. Леонова Т. Г. О роли молодых исследователей в собирании и изучении фольклора Западной Сибири // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 7–16.
114. Леонова Т. Г. Информация о X научно-практическом семинаре Сибирского регионального вузовского центра по фольклору // Народная культура Сибири: Материалы X науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 3–6.

115. *Леонова Т. Г.* Итоги работы научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору за 10 лет // Народная культура Сибири: Материалы X науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 6–17.
116. *Леонова Т. Г.* Отражение динамики фольклорных традиций в материалах по Седельниковскому району Омской области (к 50-летию собирательской деятельности на филологическом факультете ОмГПУ) // Народная культура Сибири: Материалы X науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 24–35.
117. *Леонова Т. Г.* Фольклор Омской области: итоги и перспективы изучения // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 2001. № 6. С. 29–38.

2002

118. *Леонова Т. Г.* Сказка Н. С. Лескова «Час воли божией» в ее отношении к фольклорным и литературным традициям // Вопросы фольклора и литературы: Сб. статей. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 79–96.

2003

119. *Леонова Т. Г.* Собрание, изучение и издание фольклора в Омском государственном педагогическом университете // Традиционная культура. Научный альманах. 2003. № 1 (9). С. 62–68.
120. *Леонова Т. Г.* К вопросу о географическом распространении и путях движения былинной традиции в Западной Сибири // Традиционная культура. Научный альманах. 2003. № 1 (9). С. 69–74.
121. *Леонова Т. Г.* Публикации по фольклору преподавателей, аспирантов и студентов Омского государственного педагогического университета (1992–2002): [Материалы к библиографии] // Традиционная культура. Научный альманах. 2003. № 1 (9). С. 82–86.
122. *Леонова Т. Г.* Значение архивных материалов Г. А. Городцова и Н. В. Ончукова для изучения этнической традиции // V конгресс этнографов и антропологов России: Тез. докл. М.: УОП Ин-та этнологии и этнографии РАН, 2003. С. 75.
123. *Леонова Т. Г.* Локализация традиций досуговых форм фольклора у белорусов Омского Прииртышья // Народная культура: личность, творчество, досуг: Сб. статей и материалов Всерос. науч. конф. памяти М. Е. Бударина. Омск: Изд. дом «Наука», 2003. С. 129–130.
124. *Леонова Т. Г.* Итог и перспективы изучения календарных праздников в Западной Сибири [Рецензия] // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 3 (11). С. 283–284.
125. *Леонова Т. Г.* XII научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору // Народная культура Сибири: Материалы XII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 3–7.
126. *Леонова Т. Г.* Национальное в локальной традиции // Народная культура Сибири: Материалы XII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 20–26.
127. *Леонова Т. Г.* Песни М. А. Оленичевой: своеобразие вербального компонента и место в национальной культуре (к 90-летию со дня рождения) // Вопросы фольклора и литературы (по материалам межвуз. конф.): Сб. статей / Отв. ред. А. Э. Еремеев. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 3–13.

2004

128. *Леонова Т. Г.* Календарно-обрядовые песни белорусов в Сибири: к проблеме классификации текстов // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2004. Вып. 6. С. 53–60.
129. *Леонова Т. Г.* Календарно-обрядовые песни белорусов в Сибири: к проблеме локализации фольклорной традиции // Этнопоэтика и традиция: Сборник статей. М.: Наука, 2004. С. 239–246.
130. *Леонова Т. Г.* О географическом распространении и путях движения былинной традиции в Западной Сибири // Якутский эпос в контексте эпического наследия народов мира: Сб. науч. статей. Якутск: Якут. филиал изд-ва СО РАН, 2004. С. 38–50.

131. *Леонова Т. Г.* Проблемы изучения межэтнических связей в фольклоре Западной Сибири // Типология фольклорной традиции: актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. С. 91–93.
132. *Леонова Т. Г.* Сибирский региональный вузовский центр // Типология фольклорной традиции: актуальные проблемы полевой фольклористики. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. С. 159–160.
133. *Леонова Т. Г.* XIII научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XIII науч. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. С. 3–7.
134. *Леонова Т. Г.* Крестьянская живопись в деревнях верховья Илима // Народная культура Сибири: Материалы XIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. С. 15–21.

2005

135. *Леонова Т. Г.* Фольклорная экспедиция в Среднем Прииртышье // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 1 (38). С. 213–219.
136. *Леонова Т. Г.* Песни Великой Отечественной войны по современным записям в Омском Прииртышье // Культура провинции: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. С. 8–11.
137. *Леонова Т. Г.* Песни Отечественной войны 1941–1945 гг. по современным записям в Омском Прииртышье // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 2 (16). С. 58–67.
138. *Леонова Т. Г.* Всероссийская научная конференция «Шастинские чтения» и XI научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. «Шастинские чтения» и XI науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Г. В. Афанасьева-Медведева. Иркутск: Репроцентр А 1, 2005. С. 4–7.
139. *Леонова Т. Г.* Сказки о животных в записях М. К. Азадовского и в публикациях Е. И. Шастинной // Народная культура Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. «Шастинские чтения» и XI науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Г. В. Афанасьева-Медведева. Иркутск: Репроцентр А 1, 2005. С. 17–22.
140. *Леонова Т. Г.* XIV научный семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XIV науч. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Академия, 2005. С. 3–5.
141. *Леонова Т. Г.* Фольклор Илимского края в материалах 1927 г. из архива Г. А. Леонова // Народная культура Сибири: Материалы XIV науч. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Академия, 2005. С. 27–30.

2006

142. *Леонова Т. Г.* Проблемы изучения регионального фольклора // Первый Всерос. конгресс фольклористов: Сб. докл. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2006. Т. 2. С. 112–135.
143. *Леонова Т. Г.* Фольклор о Великой Отечественной войне в записях кануна 60-летия Победы: на материале устных автобиографических рассказов // Вопросы фольклора и литературы: по материалам конференций / Отв. ред. В. А. Москвина. Омск: Академия, 2006. С. 4–10.
144. *Леонова Т. Г.* Частушки о Великой Отечественной войне в современных записях // Вопросы фольклора и литературы: по материалам конференций / Отв. ред. В. А. Москвина. Омск: Академия, 2006. С. 76–86.
145. *Леонова Т. Г.* Эволюционные процессы в эпическом творчестве (по материалам фольклорного архива Омского педуниверситета) // Устойчивое развитие стран Арктики и северных регионов в контексте образования, науки и культуры: Тез. докл. Междунар. форума. Якутск: Ин-т гуманитарных исследований АН РС (Я), 2006. С. 27–28.

146. *Леонова Т. Г.* Из истории собрания и изучения фольклора Сибири. Памяти М. Н. Мельникова // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. науч. статей по материалам конф. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2006. Вып. 9. С. 159–167.
147. *Леонова Т. Г.* XV научный семинар-симпозиум Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XV науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 3–8.
148. *Леонова Т. Г.* Жанровая природа современного устного автобиографического рассказа // Народная культура Сибири: Материалы XV науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. С. 115–123.

2007

149. *Леонова Т. Г.* XVI научный семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XVI науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2007. С. 3–12.
150. *Леонова Т. Г.* Традиции народной скульптуры в региональном проявлении: по зарисовкам илимских коньков // Народная культура Сибири: Материалы XVI науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2007. С. 24–35.

2008

151. *Леонова Т. Г.* Современные подходы к изучению фольклора и их реализация на сибирском материале // Вопросы фольклора и литературы: по материалам конференций / Отв. ред. В. А. Москвина. Омск: Амфора, 2008. С. 3–8.
152. *Леонова Т. Г.* Фольклор Илимского края на рубеже 1920–1930 гг. (по архивным источникам) // Вопросы фольклора и литературы: по материалам конференций / Отв. ред. В. А. Москвина. Омск: Амфора, 2008. С. 9–22.
153. *Леонова Т. Г.* XVII научный семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XVII науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2008. С. 3–8.
154. *Леонова Т. Г.* Сказка (СУС 2021 А) в современной записи // Народная культура Сибири: Материалы XVII науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2008. С. 44–53.

2009

155. *Леонова Т. Г.* Актуальность публикаций и изучения архивных материалов // Лингвистика. Коммуникация. Культура: Материалы Второй регион. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя / Отв. ред. Е. А. Глотова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 243–247.
156. *Леонова Т. Г.* XVIII научный семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XVIII науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2009. С. 7–14.
157. *Леонова Т. Г.* Отражение в архивных материалах рубежа 1920–1930 гг. влияния якутской культуры на русскую // Народная культура Сибири: Материалы XVIII науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2009. С. 36–45.

2010

158. *Леонова Т. Г.* Итоги работы над материалами по народной культуре рубежа 1920–1930 гг. // Вопросы фольклора и литературы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) 21 января 2010 г.: К 150-летию со дня рожд. А. П. Чехова / Отв. ред. О. Л. Гиль, Э. И. Коптева; члены редкол.: М. С. Штерн, В. М. Физиков, В. А. Москвина. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. С. 3–8.

159. *Леонова Т. Г.* Принципы издания авторской монографии по народной культуре на основе архивных материалов // Авторское книготворчество в поэзии: комплексный подход: Материалы Второй междунар. науч. конф. (Омск, 12–14 мая 2010 г.) / Отв. ред. О. В. Мирошникова. Омск: Изд.-полиграф. центр «Сфера», 2010. С. 221–228.
160. *Леонова Т. Г.* XIX научный семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XIX науч. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2010. С. 7–13.
161. *Леонова Т. Г.* Прием ступенчатого расширения образа в структуре фольклорного текста // Народная культура Сибири: Материалы XIX науч. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Амфора, 2010. С. 19–30.

2011

162. *Леонова Т. Г.* XX научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011.
163. *Леонова Т. Г.* Итоги работы научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» за 20 лет // Народная культура Сибири: Материалы XX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. С. 293–308.
164. *Леонова Т. Г.* «Житие Сергия Радонежского» в развитии русской агиографической литературы // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): Сб. науч. статей / Сиб. отделение Рос. акад. наук, Гос. публ. науч.-техн. б-ка, Новосиб. гос. ун-т; сост. и отв. ред. О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев. Новосибирск, 2011. С. 593–606.

2012

165. *Леонова Т. Г.* Композиционно-сюжетная форма заговоров с зачином «Встану, благословясь...» в сибирской региональной традиции // Вопросы фольклора и литературы: Ежегодная науч. конф. с междунар. участием: К 190-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского: Сб. статей / Отв. ред. О. Л. Гиль, Э. И. Коптева. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 3–9.
166. *Леонова Т. Г.* XXI научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XXI науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 9–23.
167. *Леонова Т. Г.* К 80-летию ОмГПУ: первые преподаватели фольклора П. Е. Петров и В. А. Василенко // Народная культура Сибири: Материалы XXI науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 30–36.

2013

168. *Леонова Т. Г.* Изучение китайского фольклора в Омском государственном педагогическом университете // Омский научный вестник. 2013. № 2 (116). С. 142–145.

2014

169. *Леонова Т. Г.* XXII научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XXII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 8–17.
170. *Леонова Т. Г.* Фольклор и фольклористика в «Энциклопедии Омской области» // Народная культура Сибири: Материалы XXII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 31–37.
171. *Козлова Н. К., Леонова Т. Г.* О национальном костюме по впечатлениям от поездок в Якутию // Народная культура Сибири: Материалы XXII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 69–78.

2015

172. *Леонова Т. Г.* Композиционно-сюжетная форма заговора с зачином «Встану, благословясь...» в сибирской традиции // Традиционная культура. 2015. № 4 (60). С. 65–73.
173. *Леонова Т. Г.* XXIII научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XXIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. С. 7–10.
174. *Леонова Т. Г.* Омская научная школа по фольклористике // Народная культура Сибири: Материалы XXIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. С. 16–26.

2016

175. *Леонова Т. Г.* XXIV научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XXIV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016. С. 7–10.
176. *Леонова Т. Г.* Сказка из лубочной книги в устной традиции // Народная культура Сибири: Материалы XXIV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016. С. 172–186.
177. *Леонова Т. Г.* Вопросы изучения этнокультурного взаимодействия народов Сибири: из опыта работы Сибирского регионального вузовского центра по фольклору на базе Омского государственного педагогического университета // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильности развития России: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. Ю. Смирнова, Н. А. Томилов. Омск: Изд. дом «Наука», 2016. С. 61–64.

2017

178. *Леонова Т. Г.* Итоги работы за 25 лет научно-практического семинара «Народная культура Сибири» (1992–2017) // Народная культура Сибири: Материалы XXV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 7–18.

2019

179. *Леонова Т. Г.* XXVI и XXVII научно-практические семинары Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XXVI и XXVII науч.-практ. семинаров Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. С. 6–7.
180. *Леонова Т. Г.* Материалы И. С. Коровкина в личном хранении Т. Г. Леоновой // Народная культура Сибири: Материалы XXVI и XXVII науч.-практ. семинаров Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. С. 17–20.

2020

181. *Леонова Т. Г.* XXVIII научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XXVIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020. С. 6–8.
182. *Леонова Т. Г.* Нравственные уроки военных лет // Народная культура Сибири: Материалы XXVIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020. С. 92–115.

2021

183. *Леонова Т. Г.* XXIX научно-практический семинар Сибирского регионального вузовского центра по фольклору «Народная культура Сибири» // Народная культура Сибири: Материалы XXIX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. С. 5–8.

184. *Леонова Т. Г.* Песни подростков в годы войны // Народная культура Сибири: Материалы XXIX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. С. 58–65.

Учебно-методические работы

185. *Леонова Т. Г.* Использование местных записей сказок в курсе фольклора // Ученые записки. М.: МОПИ, 1961. Т. СХІІІ. Сб. докл. межвуз. науч.-метод. конф. Вып. 9. С. 33–45.
186. *Леонова Т. Г.* О чтении курсов «Устное народное творчество» и «Древняя русская литература» на 1 курсе филологического факультета // Материалы конференции по методике высшего образования. Омск: Изд-во ОГПИ, 1965.
187. *Леонова Т. Г.* Из опыта работы со студентами по подготовке к изданию фольклорного сборника // Проблемы изучения русского устного народного творчества: Сб. трудов. М.: МОПИ, 1975. С. 171–184.
188. *Леонова Т. Г.* Изучение фольклорно-литературных связей в спецкурсе по русской литературной сказке XIX века // Проблемы изучения русского устного народного творчества: (жанровая специфика народных произведений): Сб. трудов. М.: МОПИ, 1977. Вып. 4. С. 152–162.
189. О проведении фольклорной практики на филологических факультетах педагогических институтов: Метод. Рекомендации / Авторы: И. Е. Карпухин, К. Е. Корепова, Ю. Г. Круглов, Т. Г. Леонова, Ф. М. Селиванов. Сост. И. Е. Карпухин. М.: М-во просвещения СССР, 1980. 68 с.
190. Формы и навыки самостоятельной работы студентов по литературоведческим дисциплинам: Методические рекомендации / Авторы: В. А. Андреев, Г. Ф. Ануфриев, Т. Г. Леонова, С. Н. Поварцов, М. С. Штерн. Отв. ред. В. А. Андреев. Омск: Изд-во ОГПИ, 1983. 22/8 с.
191. *Леонова Т. Г.* Памятка по фольклорной практике: Методические указания. Омск: Изд-во ОГПИ, 1987. 21 с.
192. *Леонова Т. Г., Белкина Л. М.* Из опыта проведения фольклорной практики в Омском педагогическом институте // Русский фольклор и современность: Тез. докл. межвузовской конф. Свердловск, 1987.
193. *Леонова Т. Г.* Задания и методические указания по курсам «Устное народное творчество» и «Древняя русская литература»: Учеб.-метод. пособие. Омск: Изд-во ОГПИ, 1991. 40 с.
194. *Леонова Т. Г.* Программа работы над курсом «Устное народное творчество» // Комплекс учебно-методических материалов для студентов I курса филологического факультета: В 2 ч. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. Ч. 2. С. 25–42.
195. *Леонова Т. Г., Морозов И. Ю.* Программа учебного курса «Древняя русская литература» // Комплекс учебно-методических материалов для студентов I курса филологического факультета: В 2 ч. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. Ч. 2. С. 42–60.
196. *Леонова Т. Г.* Профилирующий предмет в системе многоуровневого образования // Образовательные стандарты и развитие личности. Омск: ОмГПУ, 1995. Вып. 13. Ч. 2.
197. *Леонова Т. Г.* Изучение «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в системе занятий факультатива по фольклорно-литературному краеведению в педагогическом институте // Достоевский в культурном контексте XX века: Материалы науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского / Под общ. ред. В. М. Физикова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. С. 101–110.
198. *Леонова Т. Г.* Фольклорная практика // Комплекс учебно-методических материалов для студентов II курса филологического факультета. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. С. 122–128.
199. *Леонова Т. Г.* Тесты-задания по фольклору как одна из форм проверки знаний студентов по профилирующему предмету // Филологический сборник: Лингвистика. Литературоведение. Фольклористика: Сб. науч. статей / Под ред. М. С. Штерн. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. С. 192–211.
200. *Леонова Т. Г.* Специфика освещения вопросов поэтики фольклора на занятиях с магистрантами // Русская филология: язык – литература – культура: Материалы науч.-практ. конф. (Омск, 30 марта 2010 г.) / Отв. ред. Е. А. Глотова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. С. 90–97.
201. *Леонова Т. Г.* Об и интерпретации и методах анализа фольклорного текста // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Межвузовский сборник научных трудов. Омск: ИПК Макшеевой Е.А., 2010. Вып. 8. С. 47–54.

Научное редактирование

202. Ученые записки. Омск: ОГПИ, 1962. Вып. 17. Труды кафедры русской и зарубежной литературы. 55 с. (Член редколлегии).
203. Ученые записки. Омск: ОГПИ, 1967. Вып. 28. Вопросы русской и зарубежной литературы. 40 с. (Член редколлегии).
204. Ученые записки. Омск: ОГПИ, 1970. Вып. 56. Вопросы русской литературы. 26 с. (Член редколлегии).
205. Фольклор и литература Сибири. Омск: ОГПИ, 1974. Вып. 1. 40 с. (Член редколлегии).
206. Фольклор и литература Сибири. Омск: ОГПИ, 1975. Вып. 2. 137 с. (Отв. редактор).
207. Проблемы изучения русского устного народного творчества. М.: МОПИ, 1975. Вып. 1. 40 с. (Член редколлегии).
208. Фольклор и литература Сибири. Омск: ОГПИ, 1976. Вып. 3. 157 с. (Отв. редактор).
209. Фольклор и литература Сибири. Омск: ОГПИ, 1980. 172 с. (Отв. редактор).
210. Фольклор и литература Сибири. Омск: ОГПИ, 1981. 154 с. (Отв. редактор).
211. *Соболева Н. В.* Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. 172 с. (Отв. редактор монографии).
212. Локальные особенности русского фольклора Сибири: Сб. статей. Новосибирск: Наука, 1985. 112 с. (Отв. редактор).
213. Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Межвузовский сб. науч. трудов. Иркутск, 1991. 125 с. (Член редколлегии).
214. Материалы Первого семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОГПИ, 1992. 55 с. (Отв. редактор).
215. Материалы Второго семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. 62 с. (Отв. редактор).
216. Статьи о фольклоре и литературе. Омск: ОмГПУ, 1996. 151/40 с. (Член редколлегии).
217. Материалы Третьего научно-практического семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по народной культуре. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 138 с. (Отв. редактор).
218. Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1996. № 1. 125/20 с. (Член редколлегии).
219. История и культура Сибири: Материалы отчетной сессии Омского филиала Объедин. ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Омск, 1996. 128 с. (Член редколлегии).
220. Народная культура: Материалы IV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. 104 с. (Отв. редактор).
221. Народная культура: Материалы V Всерос. Науч.-практ. семинара по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. 104 с. (Отв. редактор).
222. Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1997. № 2. (Член редколлегии).
223. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск: Наука, 1997. 605 с. (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока; Т. 13). (Отв. редактор).
224. Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1998. № 3. (Член редколлегии).
225. Народная культура Сибири: Материалы VII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 240 с. (Отв. редактор).
226. Вторые омские искусствоведческие чтения: 6-7 февраля 1998. Омск: Альтернатива АРТ, 1998. 120 с. (Член редколлегии).
227. Народная культура Сибири: Материалы VIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. 268 с. (Отв. редактор).
228. Вопросы фольклора и литературы. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. 167 с. (Член редколлегии).
229. Народная культура Муромцевского района. М.: Фонд им. Д. И. Сытина, 2000. 334/100 с. (Отв. редактор).
230. Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. 234 с. (Отв. редактор).

231. Народная культура Сибири: Материалы X науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. 327 с. (Отв. редактор).
232. Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / Сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова. Новосибирск: Наука, 2002. 551 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 22). (Отв. редактор).
233. Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 2002. № 5. (Член редколлегии).
234. Вопросы фольклора и литературы: Сб. статей. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. 152 с. (Член редколлегии).
235. Народная культура Сибири: Материалы XII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. 284 с. (Отв. редактор).
236. Вопросы фольклора и литературы (по материалам межвузовской конференции): Сб. статей. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. 235/60 с. (Член редколлегии).
237. Народная культура Сибири: Материалы XIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. 300 с. (Отв. редактор).
238. Народная культура Сибири. Материалы XIV науч. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Академия, 2005. 112 с. (Отв. редактор).
239. Москвина В. А. Русские заговоры в Западной Сибири (XIX – начало XXI вв.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. 469 с. (Отв. редактор).
240. Вопросы фольклора и литературы: по материалам конференций. Омск: Академия, 2006. 184/85 с. (Член редколлегии).
241. Народная культура Сибири: Материалы XV науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 222 с. (Отв. редактор).
242. Народная культура Сибири: Материалы XVI науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Амфора, 2006. 304 с. (Отв. редактор).
243. Вопросы фольклора и литературы: по материалам конференций. Омск: Амфора, 2008. (Член редколлегии).
244. Народная культура Сибири: Материалы XVII науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Амфора, 2008. 312 с. (Отв. редактор).
245. Народная культура Сибири: Материалы XVIII науч. семинара-симпозиума Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Амфора, 2009. 351 с. (Отв. редактор).
246. Народная культура Сибири: Материалы XIX науч. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Амфора, 2010. 269 с. (Отв. редактор).
247. Народная культура Сибири: Материалы XX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. 321 с. (Отв. редактор).
248. Народная культура Сибири: Материалы XXI науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. 313 с. (Отв. редактор).
249. Народная культура Сибири: Материалы XXII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. 262 с. (Отв. редактор).
250. Народная культура Сибири: Материалы XXIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. 252 с. (Отв. редактор).
251. Народная культура Сибири: Материалы XXIV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016. 234 с. (Отв. редактор).
252. Народная культура Сибири: Материалы XXV науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. 312 с. (Отв. редактор).
253. Народная культура Сибири: Материалы XXVI и XXVII науч.-практ. семинаров Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. 176 с. (Отв. редактор).
254. Народная культура Сибири: Материалы XXVIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2020. 188 с. (Отв. редактор).
255. Народная культура Сибири: Материалы XXIX науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. 120 с. (Отв. редактор).

Сведения об авторах

Москвина Вероника Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия)

E-mail: v.a.moskvina@omgpu.ru

ORCID 0000-0003-1428-7017

Соловьёва Елена Петровна – кандидат филологических наук, независимый исследователь (с. Седельниково, Омская область, Российская Федерация)

E-mail: lenka.skazka@mail.ru

Information about the Authors

Veronika A. Moskvina – Candidate of Philology, Docent, Associate Professor, Department of literature and cultural studies, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation)

E-mail: v.a.moskvina@omgpu.ru

ORCID 0000-0003-1428-7017

Elena P. Solovyova – Candidate of Philology, independent researcher (Sedelnikovo village, Omsk region, Russian Federation)

E-mail: lenka.skazka@mail.ru